

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ВЫПУСК
Е1-60

Е.А. РЯБИНИН

ЗООМОРФНЫЕ УКРАШЕНИЯ
ДРЕВНЕЙ РУСИ X-XIV ВВ.

АРХЕОЛОГИЯ

СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б. А. РЫБАКОВА

Е1-60

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Е. А. РЯБИНИН

ЗООМОРФНЫЕ УКРАШЕНИЯ
ДРЕВНЕЙ РУСИ
X—XIV ВВ.

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

В книге рассматриваются зооморфные культовые подвески, происходящие с территории Руси и сопредельных областей. Разработаны их типология и хронология. Определены районы распространения отдельных форм амулетов. Рассмотрена связь этих украшений со средневековыми племенными группировками, выявлены центры их ремесленного производства. Большое внимание уделено семантике зооморфных амулетов, раскрытой на материалах финно-угорской и славянской этнографии и фольклора.

Издание рассчитано на археологов, историков, искусствоведов, этнографов.

Ответственный редактор
А. Н. КИРПИЧНИКОВ

ВВЕДЕНИЕ

Характерная особенность средневековой культуры лесной полосы Восточной Европы — наличие изображений различных животных и птиц, выполненных из металла или, значительно реже, из кости. Зооморфные подвески встречаются на поселениях и в кладах, в курганных и грунтовых могильниках. Данная категория древностей представлена на памятниках Новгородской земли, Верхнего Поднепровья, Волго-Окского междуречья и Русского Севера. Подвески в виде животных и птиц известны и за пределами Древней Руси: в Прибалтике, Фенноскандии, Прикамье, Волго-Вятском междуречье, Вычегодском крае и Западной Сибири.

Настоящее издание посвящено изучению зооморфных украшений, найденных на территории Древнерусского государства, независимо от их этнической принадлежности.¹ Картография находок показывает, что зооморфные подвески были распространены не во всех областях Киевской Руси, а преимущественно в землях славяно-чудского пограничья; отдельные формы изделий локализируются к югу от зоны древнего финно-угорского расселения (рис. 1).

К X в., т. е. ко времени распространения на археологических памятниках подвесок в виде животных и птиц, Киевская Русь уже объединила в своих границах большую часть древнерусских земель. Но не везде эти границы точно определены. К тому же в последующем территория Руси значительно расширилась за счет новых областей, освоенных славяно-русскими поселенцами. Ряд окраинных земель находился в даннической зависимости от Руси и испытал на себе сильное славянское влияние. Все это определяет необходимость более четкого территориального ограничения рамок работы. В Каталог находок включены материалы из областей Руси, вошедших в ее состав к XII—середине XIII в., к заключительному этапу существования Киевской державы,² и, кроме того, отдельные вещи, встреченные за пределами Древнерусского государства, но на памятниках славяно-русского происхождения.³

Некоторые разновидности зооморфных украшений, сконцентрированные в северорусских областях, известны и на соседних территориях. Без привлечения таких древностей изучение находок из русских земель было бы неполным и явно недостаточным. Поэтому они рассматриваются нами в качестве аналогий, хотя и не включены в каталог.

Хронологические рамки исследования охватывают весь период бытования зооморфных украшений на Руси (X—XIV вв.). Нижняя граница определяется появлением рассматриваемых изделий в курганных могильниках и нижних слоях древнерусских поселений. Она не является безусловной. Птицевидные подвески известны в смоленских длинных курганах VIII—IX вв., полоцких круглых курганах с трупосожжениями VII—VIII вв., нижних слоях Старой Ладоги и Камно (VIII—IX вв.). Однако перечисленные находки относятся еще к догосударственному периоду истории древнерусских земель. Эти ранние изделия также учтены в нашей работе, но их значение определяется в первую очередь поисками истоков зооморфного стиля, пышно расцветшего лишь в последующий период.

XIV столетие — время постепенного исчезновения зооморфных подвесок. В XV в. изображения животных и птиц в древнерусских землях уже фактически неизвестны.⁴

Выбор данной темы неслучаен. Зооморфные украшения принадлежат к числу наиболее ярких элементов средневековой материальной культуры. Они характеризуют уровень развития ювелирного производства,⁵ раскрывают художественные и эстетические представления древнего населения обширных территорий Восточной Европы. Концентрация различных типов подвесок в определенных районах позволяет рассматривать их в качестве индикаторов отдельных племенных объединений или обла-

в Среднем Поволжье. По своей материальной культуре это средневековое поселение является бесспорно славяно-русским памятником [Алихова, 1960, с. 196—197, рис. 312].

⁴ Единственное исключение — полая коньковая подвеска, обнаруженная в Новгороде, в пятом строительном ярусе (1409—1422 гг.) [Седова, 1959, с. 231, табл. 1]. Но и это наиболее позднее зооморфное украшение не выходит за рамки первой четверти XV в.

⁵ Изделия из кости крайне немногочисленны — менее 2% находок зооморфных подвесок на рассматриваемой территории.

¹ Данная работа была завершена в 1977 г., поэтому в ней не использованы материалы более поздних публикаций по сходной тематике [Голубева, Варенов, 1978, с. 228—239; Голубева, 1979].

² Границы Руси XII—середины XIII в. на картах настоящей работы даны по: [Насонов, 1951; Очерки..., 1953].

³ Так, например, в каталог включена зооморфная подвеска, найденная при раскопках селища у с. Березовка

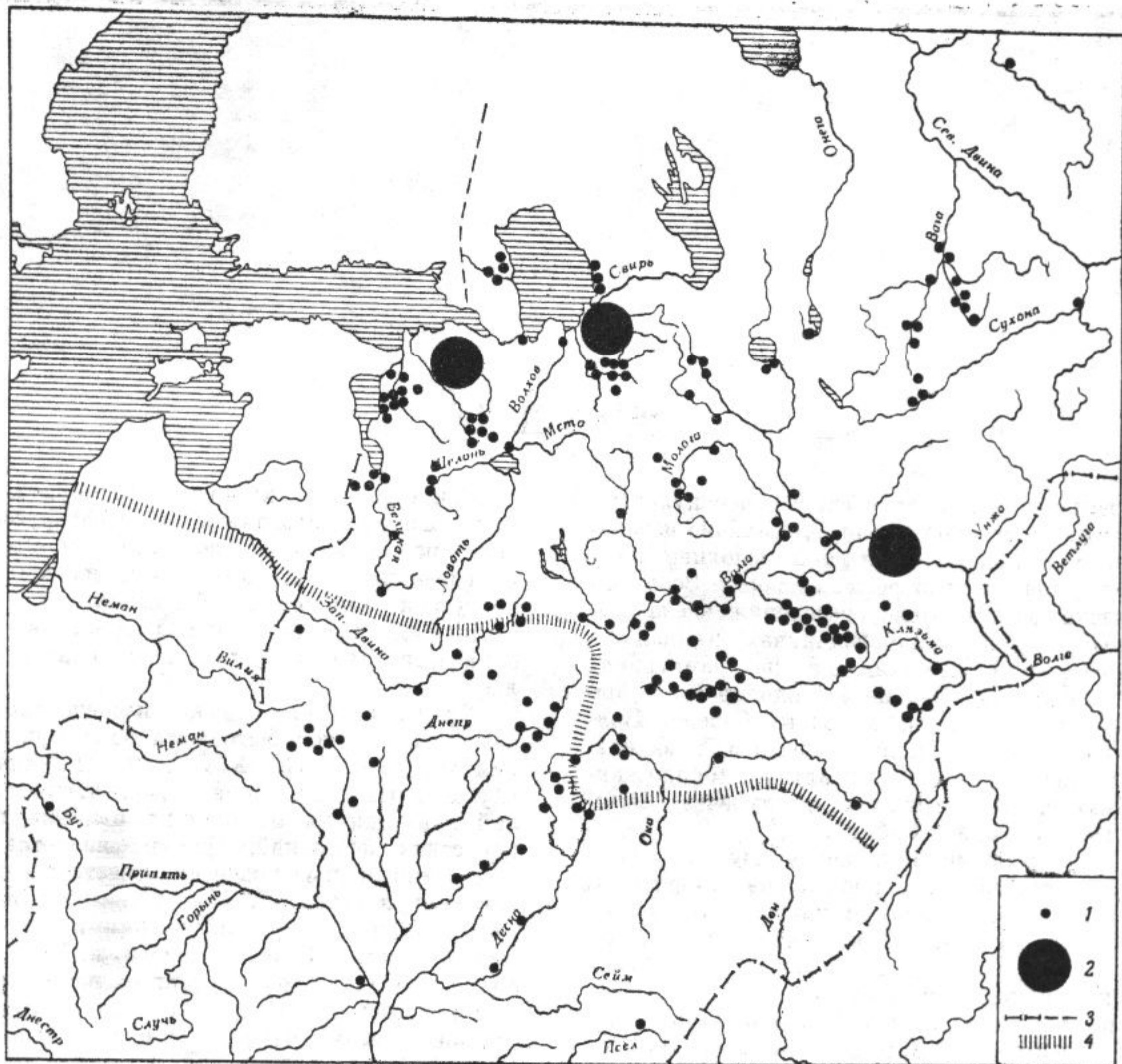

Рис. 1. Распространение зооморфных украшений в землях Древней Руси.

1 — места находок; 2 — районы концентрации находок; 3 — граница Руси XII—XIII вв.; 4 — южная граница ареала древней финно-угорской гидронимии (по В. В. Седову).

стных культур, дает возможность установить центры изготовления зооморфных украшений. Проникновение рассматриваемых древностей в соседние области свидетельствует о торговых и культурных связях Руси в эпоху средневековья.

Вместе с тем зооморфные изображения характеризуются еще одной весьма интересной особенностью, выделяющей их из круга синхронных археологических древностей. Распространение украшений в виде животных, птиц и рыб непосредственно связано с целой системой идеологических представлений, уходящих своими корнями в глубокую древность. Следовательно, изучение зооморфных подвесок может дать важные результаты и при выявлении пережиточных культурных традиций племенных группировок догосударственной и раннегосударственной эпох, при реконструкции языческих верований древнего населения Европейского Севера. Изображения животных являются своеобразными аккумуляторами материальной и духовной культуры средневековых племен, наиболее полно отразившими специфику их культурных особенностей.

* * *

Зооморфные украшения стали объектом внимания исследователей уже на раннем этапе развития северной средневековой археологии. Извлекаемые из курганов разнообразные изображения животных, выполненные в основном с большим искусством, сразу же были выделены из массы археологического материала и получили свою оценку.

Первые широкие исследования северорусских археологических памятников были предприняты А. С. Уваровым и П. С. Савельевым в середине XIX в. во Владимирской земле. Среди огромного вещевого материала, полученного при раскопках 7757 курганов, имеются и зооморфные подвески. Уваров неоднократно обращался в своих работах к этим находкам, рассматривая их в качестве характерного украшения восточнофинского племени меря, и даже пытался разгадать семантику изображений, связать их с определенным языческим культом [1871, с. 637, 701, 722; 1910, с. 89—93].

Зооморфные украшения были отмечены в числе наиболее ярких финно-угорских элементов в пер-

вом сводном труде по археологии северных чудских народов — атласе «Древности финно-угорского Севера» [Aspelin, 1876—1878]. И. Р. Аспелин, выступивший с идеей о необходимости изучения эволюционного развития археологических древностей, предпринял попытку проследить преемственность отдельных форм зооморфных украшений во времени [1884, с. 1—18]. Однако его подход, основанный на анализе лишь некоторых внешних, формальных признаков предметов, отличался субъективизмом в конструировании типологической схемы. Заслугой Аспелина является вывод о неоднородности зооморфных подвесок на разных территориях, обусловленный, по его мнению, этнокультурными традициями нескольких финно-угорских группировок [Aspelin, 1876, р. 6—9].

В конце XIX—начале XX в. археологический материал из северных областей России был обработан А. А. Спицыным. Изучению были подвергнуты и зооморфные амулеты. Исследователь определил время существования владимирских коньковых подвесок, признав их финское происхождение [Спицын, 1905а; 1924, с. 10—13], проследил развитие и наметил хронологические рамки бытования подвесок в курганной культуре Новгородской земли [1896, с. 20—21; 1903, с. 19—26, 43—45].

Зооморфные украшения Костромского Поволжья были рассмотрены в работе Д. Н. Анучина [1899, с. 244—254]. Автор выделил местные типы подвесок, попытался определить время существования костромской курганной культуры, а следовательно, и даты зооморфных подвесок. Однако его хронологические выкладки страдают большими погрешностями, о чем писал П. Н. Третьяков [1931, с. 6—7].

На изображения животных и птиц, встреченные в курганах Юго-Восточного Приладожья, обратил внимание Н. Е. Бранденбург. Весьма интересны выводы исследователя о месте этих подвесок в системе религиозных верований древних финно-угорских племен, их связи с мифологическими образами «Калевалы» [Бранденбург, 1895, с. 43—44, 79—85]. Сходные заключения о приладожских украшениях были сделаны А. И. Колмогоровым [1914, с. 424—425].

Параллельно с изучением древнерусских памятников проводились исследования культур железного века в Прикамье и Окском бассейне, на территории Юго-Восточной Прибалтики. Среди археологического материала этих районов заметное место занимали и

зооморфные украшения; многие из них вошли в публикацию и получили научную оценку. В работах А. А. Спицына, А. Ф. Лихачева, Ф. Д. Нефедова и других исследователей был поднят вопрос о хронологии и происхождении изображений животных, дана их сравнительная характеристика.

В советский период зооморфные украшения рассматривались в целом ряде исследований, посвященных изучению отдельных древнерусских и финно-угорских областей (монографии и статьи Л. А. Голубевой, Е. И. Горюновой, С. И. Кочуркиной, Х. А. Моора, Т. Н. Никольской, В. В. Пименова, В. И. Равдоникаса, Б. А. Рыбакова, В. В. Седова, А. П. Смирнова, Я. В. Станкевич, П. Н. Третьякова и др.). Появились работы, в которых был проведен анализ некоторых подвесок-амулетов; среди них статьи Н. П. Журжалиной, Л. А. Голубевой, А. В. Успенской, В. В. Седова, А. Э. Зарина [Журжалина, 1961, с. 122—140; Голубева, 1962, с. 53—78; 1966, с. 80—99; 1976, с. 67—82; Успенская, 1967, с. 88—132; Седов, 1968, с. 151—157; Zariņa, 1974, р. 242—256]. Вопросу о развитии восточно-финских (камских) украшений посвящена глава монографии А. П. Смирнова [1952, с. 250—274].

На современном уровне исследования зооморфных изображений достигнуты значительные результаты. Большой интерес вызывают заключения авторов об этнокультурной принадлежности рассматриваемых древностей. Определенные разновидности украшений связываются с финно-угорскими культурными традициями [например: Седов, 1966, с. 249] или с наследием восточнобалтийского субстрата [Седов, 1968, с. 156—157; 1970, с. 140]. Ряд амулетов, распространенных на древнерусской территории, имеет, возможно, славянское происхождение.

Изучение зооморфных украшений еще далеко от своего завершения. К тому же не все хронологические определения, сделанные более 30 лет тому назад, отвечают современному состоянию археологической науки. До сих пор отсутствуют (за немногими исключениями) полные сводки находок зооморфных украшений. Это в свою очередь не позволяет провести статистического и картографического анализа древностей, необходимого для выявления районов распространения и концентрации отдельных видов подвесок. Лишь по возможности полный учет материала разрешит перейти от аналогий к сравнительному изучению подвесок-амулетов на всей территории Древнерусского государства.

ГЛАВА 1

ИСТОЧНИКИ, ПРИЕМЫ, МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛА

В ходе многолетнего исследования северорусских древностей был накоплен огромный археологический материал, который и явился основным источником для написания настоящей работы. Нами учтены и использованы материалы публикаций, музейных коллекций и архивных фондов Института археологии АН СССР, его Ленинградского отделения, Государственного Исторического музея, Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии АН СССР, Костромского, Ивановского, Владимирско-Суздальского, Ярославского и Архангельского музеев. В качестве аналогий привлечены находки, хранящиеся в Музее истории и Институте истории ЛатвССР, Музее истории г. Риги и мореходства, Институте истории ЭССР. Многие исследователи предоставили нам свои материалы.¹

Результатом проведенного сбора явилось составление картотеки, включающей 1050 зооморфных подвесок; 848 из них встречены на памятниках Древней Руси и свыше 200 — за границами Киевского государства. Эти данные определяют общее число собственно-зооморфных изображений, т. е. фигурок животных, птиц и рыб, использовавшихся в качестве подвесок-амулетов. За пределами исследования оказались древности, хотя и связанные с зооморфными сюжетами, но имеющие самостоятельное назначение: гребни, украшенные головками коней и птиц, фигурками медведей; игольники и кресала с зооморфными навершиями; прямоугольные и треугольные подвески со стилизованными конскими головками; привески в виде утиных лапок, звериной пасти и т. д. Большинство перечисленных категорий древностей также было собрано в процессе работы над книгой, однако их включение в свод зооморфных украшений представляется нам неоправданным. Это самостоятельный раздел средневекового материала, требующий особого рассмотрения.

¹ Приношу искреннюю благодарность за предоставленные сведения Л. В. Алексею, Л. А. Голубевой, А. Э. Зарина, В. И. Кильдюшевскому, А. Н. Кирпичникову, В. А. Кольчатову, А. Е. Леонтьеву, Э. С. Мугуревичу, В. А. Назаренко, О. В. Овсянникову, К. П. Павловой, И. П. Портнягину, Т. А. Пушкиной, Р. Л. Розенфельдту, В. В. Седову, М. В. Седовой, В. А. Ургану, Н. В. Хвоцинской.

Зооморфные подвески происходят из 340 различных пунктов Древней Руси. Они встречены в 480 погребальных комплексах, обнаружены в слоях 36 средневековых поселений, в первую очередь городских центров Северной Руси (Новгород, Псков, Ладога, Белоозеро, Суздаль, Владимир, Ярополч-Залесский, Рязань и др.). Особенно богата такими находками столица Северо-Западной Руси — Новгород Великий. За период раскопок с 1932 по 1972 г. в нем найдено не менее 63 подвесок в виде животных и птиц.

Очевидно, некоторые вещи оказались вне нашего поля зрения и остались неучтенными. Зооморфные подвески рассредоточены по многим районным краеведческим и школьным музеям. Не со всеми такими коллекциями нам удалось ознакомиться. Каждый полевой сезон приносит новые находки, о чем наглядно свидетельствуют статьи в «Археологических открытиях». Тем не менее введенный в работу круг археологических источников, не являясь абсолютно полным, вполне достаточен, на наш взгляд, для научного анализа и объективных выводов. Как показывают многочисленные исследования, посвященные русскому средневековью, потребность в своде зооморфных украшений назрела давно. Представляется, что дальнейшее расширение источниковедческой базы вряд ли серьезно изменит ту картину, которая вырисовывается исходя из материалов, полученных в ходе более чем столетнего изучения северорусских древностей.

Использованные в работе источники далеко не равноценны. Большинство подвесок было получено в результате археологических исследований, особенно широко развернувшихся в России во второй половине XIX—начале XX в. Раскопки проводились на различном научном уровне. Наряду с отчетами, содержащими необходимую полевую документацию, нередко встречаются отрывочные и крайне скудные сведения о добытом материале. Коллекции вещей из дореволюционных раскопок с течением времени частично депаспортизировались, а частично пропали. Поэтому в ряде случаев оказывается затруднительной, а иногда и невозможной привязка вещей древностей из музейных коллекций к определенным

археологическим комплексам. В частности, оторванной от курганных погребений оказалась значительная часть зооморфных украшений из раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева во Владимирской земле, а также ряд подвесок из костромских, приладожских и новгородских курганов. В особую группу можно выделить источники, в которых содержатся лишь указания на находку амулетов без их описания или графического воспроизведения. Такого рода сведения также учтены нами, но значение их, разумеется, крайне невелико.

Все это создает определенные трудности при изучении древнерусских украшений, основанном на анализе всей совокупности материала и погребального ритуала каждого отдельно взятого комплекса. Однако наличие хорошо документированных источников позволяет создать типологическую и хронологическую шкалу зооморфных подвесок, в которую хорошо «вписываются» и депаспортизированные находки.

Большинство древнерусских украшений изготовлено из цветных металлов. Основным материалом для производства литых подвесок — медь, главным образом в сплавах с оловом или, значительно реже, серебром. Попадаются и изделия из низкопробного серебра с примесью олова. Оловянные изображения животных и птиц в древнерусских памятниках нам не известны. Следует отметить, что определение материала, из которого изготовлены украшения, без специального технологического анализа часто оказывается затруднительным. Поэтому мы вынуждены ограничиться лишь общими сведениями о металле изделия (бронза, серебро, биллон), установленными визуально.²

Различна была и техника литья зооморфных подвесок. Их изготовляли в жестких одно- или двусторонних формах, путем оттиска вещи в глине и последующего литья по оттиску и, наконец, по восковой модели. В рассматриваемый период использовались все три вида литья, что подтверждается, в частности, исследованием технологии ювелирного ремесла на новгородском материале. Из шести изученных плоских изображений, встреченных в Новгороде, четыре были изготовлены в двусторонних каменных формах, а два отлиты по восковой модели. Все объемные амулеты (20 экз.), подвергнутые анализу, сделаны способом воскового литья [Рындина, 1963, с. 243—244]. Таким образом, по восковой модели отлито 85%, т. е. большинство новгородских зооморфных подвесок из раскопок 1951—1957 гг.

Техника литья по восковой модели была особенно распространена «в широкой полуславянской, полочудской полосе, тянувшейся от Водской пятины к низовьям Клязьмы и Оки» [Рыбаков, 1948а, с. 155], а следовательно, в землях наибольшей концентрации зооморфных украшений. Именно на основе этого литья сложился стиль многих чудских подвесок. Изготовление подвесок по восковой модели сопровождалось утратой формы после первого ее использования. Литью изделия предшествовала кропотливая и длительная лепка модели, во многом

носившая индивидуальный характер.³ Вполне понятно, что такая техника не могла не отразиться на многообразии изделий. Если отливки в каменных формах обеспечивали серийный выпуск стандартной продукции, то литье по восковой модели давало большой простор индивидуальному творчеству, проявляющемуся в деталях изделий и мешающему сведению их в типологические ряды. Поэтому отнюдь не случайно, что изготовленные данным способом зооморфные украшения (за исключением некоторых разновидностей) до сих пор не классифицированы.

Специфика рассматриваемых древностей заключается в том, что все они изображают живые существа реального мира, т. е. являются в некотором роде слепками окружающей действительности. Мастера из разных областей, принадлежавшие к различным этнокультурным группировкам, могли в отдельных случаях создавать сходные формы изделий, близость которых основана единственно на воспроизведении определенного представителя животного мира. Значит, не всегда наличие общих формальных признаков у разных подвесок свидетельствует о их этнокультурной или хронологической связи.

Важнейшая составная часть работы — систематизация материала. Последний, как уже отмечалось, характеризуется богатством разнообразных форм и сюжетов. Необходимо было избрать такой принцип деления исследуемых древностей, который не нарушил бы целостности классификационной схемы.

Обращение к материалу достаточно ясно показывает, что его дифференциация невозможна на основе лишь одного генерального признака. Различия между подвесками проявляются в материале (металл, кость), в таком важном формальном признаке, как объемность (пластинчатые и полые украшения), в характере изготовления (например, серия волго-окских амулетов выполнена в своеобразной наборной технике). Подвески не едины по сюжету, по особенностям изображения (принцип одно- или двуглазости, разворот зооморфной фигурки в вертикальной или горизонтальной проекции); различаются они и по наличию или отсутствию шумящих привесок и прорезей, по стилю орнаментации.

Большинство перечисленных признаков свойственно не одной определенной серии сходных изделий, объединенных в тип, а более общей категории древностей. Далеко не все они имеют одинаковое значение для систематизации нашего материала. Но некоторые из таких общих признаков придают известную близость различным формам подвесок, позволяя объединить их в более крупные подразделения — группы. Систематизация зооморфных украшений на уровне групп дает возможность упорядочить пестрый по своему составу материал: в этом случае длинная цепочка разнородных форм подвесок распадается на несколько «ядер», каждое из которых характеризуется вполне определенными общими чертами и в то же время довольно четко отличается от остальных. К тому же значительный пласт изу-

² В виду того что изделия из биллона и серебра крайне немногочисленны, информация о их материале дается при описании каждого типа, а не внесена в Каталог находок.

³ Пример этого — изготовление полых коньковых подвесок из Новгорода. Сначала лепили фигурку коня путем нанесения слоев воска на глиняную болванку. Затем выплетали из проволочных шнуров цепочки, которые припаявали к тулову изображения. После этого к каждому из самостоятельных звеньев воскового оригинала прикрепляли восковые стержни. Через образованные таким образом каналы в форму лили металл [Рындина, 1963, с. 244].

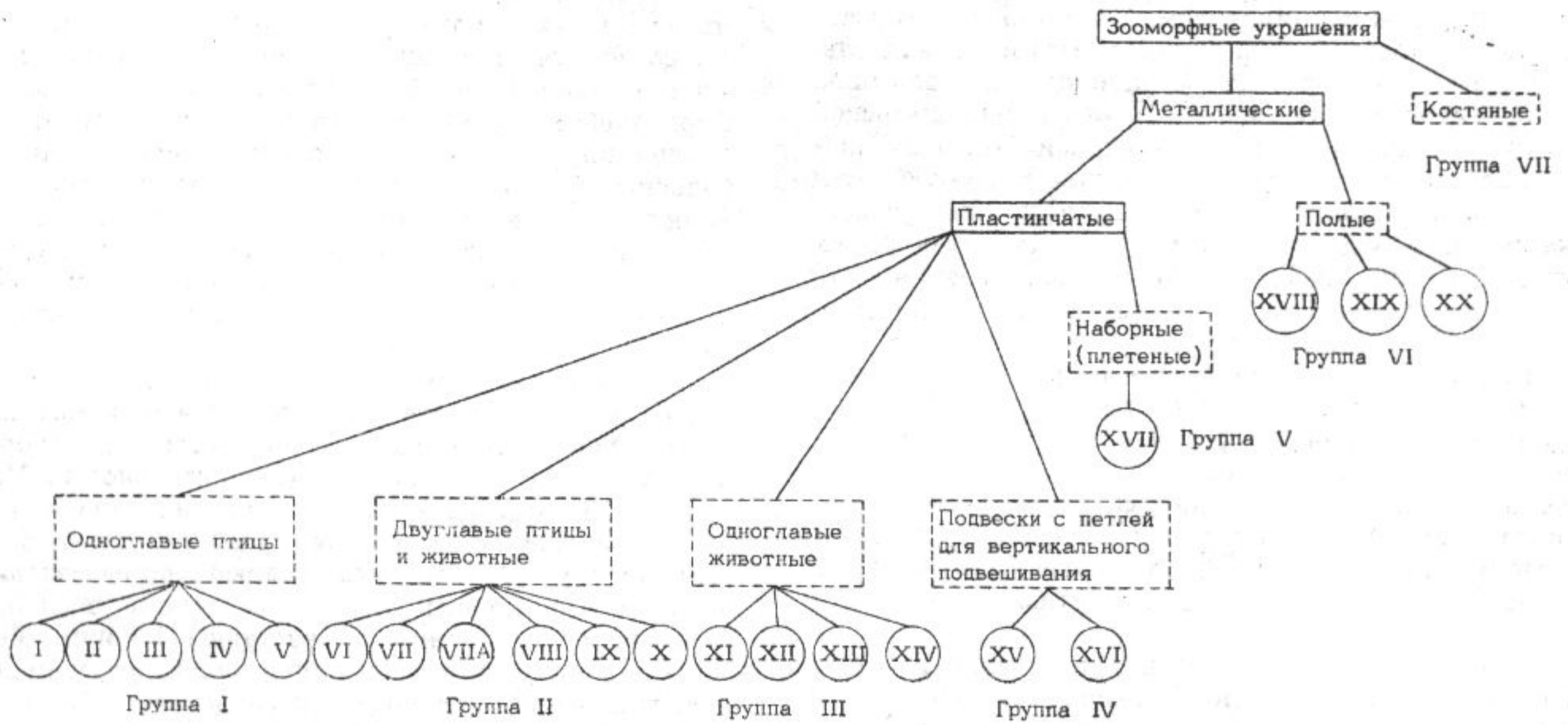

Рис. 2. Система классификации зооморфных украшений.

чаемых древностей, известный только по описаниям, не может быть классифицирован на уровне типа. Группы же позволяют ввести эти довольно многочисленные находки в тот или иной раздел зооморфных украшений, тем самым увеличивая их источниковедческое значение.

Рассматриваемые в работе древности разделены на семь групп (рис. 2). Группировка производилась в определенной последовательности. Каждый уровень деления характеризовался своими «работающими» признаками. В случае необходимости такой признак корректировался, приобретал расширительное значение или дополнялся иным. На первом этапе за основу группировки был принят материал. От огромного количества украшений, являющихся продукцией ювелирного производства, была обособлена немногочисленная группа костяных амулетов. Техника резьбы по кости, качественно отличающаяся от работы литейщиков, не могла не наложить отпечаток на облик самих изделий. В эту же группу включено несколько подвесок, изготовленных из цветных металлов, но подражающих костяным оригиналам.

Металлические изделия четко подразделяются на пластинчатые, в том числе рельефные (группы I—V), и полые (группа VI) изображения. Наиболее разнообразными по форме оказались пластинчатые подвески. Из их числа заметно выделяется группа волго-окских коньков-амулетов, изготовленных в наборной технике или имитирующих «восковое вязание» (группа V). Остальные изображения разделены на четыре группы по стилю изображения и сюжету. Группы I—III представлены зооморфными фигурками, развернутыми в боковой плоскости. Одна из этих групп (I) включает одноглавые птицевидные подвески, другая (III) — одноглавые изображения животных. Группа II — промежуточная, она объединяет все двуглавые амулеты. Последние из-за схематичности изображения и отсутствия ряда важных деталей (ноги, хвост и т. д.) не всегда могут быть разделены по сюжету; к тому же у двуглавых под-

весок часто наблюдается замена сюжета при сохранении остальных элементов формы и орнамента. В группу IV включена небольшая категория рельефных изображений, головы которых обращены вверх и соединены с петлей для подвешивания. Группу VII образуют костяные подвески.

Объединение материала в группы носит во многом вспомогательный характер; его цель — первичная систематизация древностей. Основу классификации, позволяющей выявить объективные закономерности развития вещей, составляет тип. Особенности рассматриваемых изделий потребовали конкретизации этого понятия применительно к зооморфным изображениям. При создании типологической шкалы мы исходили из задачи, поставленной во главу исследования: за выделенными типами должна стоять определенная историко-культурная информация. В тип объединены близкие по форме предметы, связанные родством происхождения и отражающие реальные культурно-исторические традиции единого порядка.⁴ Последний критерий весьма существен для типологии зооморфных украшений: часто незначительные на первый взгляд признаки оказываются определяющими при классификации предметов, близких по форме и орнаментации, но обязанных своим происхождением разным этнокультурным традициям.

При группировке типов учитывались их взаимосвязь и направление развития. Однопорядковые серии изделий в своем развитии претерпевали существенные изменения. На них не могли не отразиться сложные процессы становления и развития ремесла в северных областях Древнерусского государства, характеризующиеся сближением и скрещиванием культурных традиций разноэтнических группировок, постепенным усилением и углублением политических, экономических и торговых связей между со-

⁴ Известны случаи, когда вопрос о родстве происхождения формально близких серий оказывался более сложным и неоднозначным. Такие факты оговорены в тексте особо.

седними территориями. Все это определило необходимость выделения более мелких подразделений — вариантов типа. Последние объединяют серии предметов с общим (или общими) признаком, не учтенных на уровне типа; такие серии отражают определенный этап в развитии типа, в ряде случаев заключающая в себе информацию о более узком, локальном районе изготовления отдельной группы предметов.

Одна из главных задач работы — установление временных рамок древностей. Датировка украшений, встреченных в погребениях, основана на определении хронологии комплекса. Большое значение для ее уточнения имеют находки подвесок в комплексах с монетами и в четко датированных слоях поселений, а также совместная встречаемость зооморфных амулетов с предметами, бытовавшими в ограниченном отрезке времени. Синхронность различных форм рассматриваемых изделий проверялась на основе их встречаемости в отдельных комплексах, а также по наличию общих черт в самих предметах.

Возможности изучаемого материала позволили выделить несколько хронологических этапов его существования, отчасти «наслаивающихся» друг на

друга: X—начало XI в., XI—начало XII в., XII в., XII—XIII вв., конец XII—XIV в. Для ряда находок, слабо документированных датирующим материалом, временные рамки оказались более растянутыми: X—XI, XI—XII, XII—XIV вв.

Важное значение в работе уделено вопросу о месте производства, территории распространения и этнокультурной принадлежности зооморфных подвесок. Проведена картография выделенных типов, осуществлено изучение их встречаемости.

Сведения о найденных древностях содержатся в Каталоге находок.⁵ Перечисление пунктов ведется с северо-запада на юго-восток. Изделия одного варианта, происходящие из определенного района, даны вместе. Все это определяет значение каталога как документальной основы исследования.

---

⁵ Образцом для создания Каталога находок явилась систематизация древнерусского оружия, предпринятая А. Н. Кирпичниковым [1966]. Следует отметить, что по характеру исследования массового средневекового материала работы Кирпичникова наиболее близки к нашей теме и ряд изложенных в них методологических положений нами использован.

ГЛАВА 2

ТИПОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ И ТОПОГРАФИЯ НАХОДОК

Зооморфные украшения Древней Руси разделены на семь групп, включающих изделия 20 типов и ряд экземпляров, не объединенных в типы (рис. 3).

Группа I

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОДНОГЛАВЫХ ПТИЦ

В I группе насчитывается 167 экз., представленных пятью типами и рядом индивидуальных отливок. Большинство находок происходит из северных славяно-чудских областей Древнерусского государства (рис. 4; табл. 1).

Тип I. Этот тип представлен прорезными изображениями водоплавающей птицы — гуся или утки — со сложенными крыльями, выпяченной грудью и

двумя пластинчатыми лапками. Голова завершается заостренным клювом. На тулове имеются две прорези: круглая и продолговатая; в верхней части подвески — полукруглая петля.

В русских землях обнаружены 74 амулета I типа. Кроме того, не менее 10 сходных изображений найдено на соседних территориях (восемь на севере Швеции, два — в Прикамье). Все подвески данного типа восходят к единому образцу, представленному наиболее многочисленной серией стандартных изделий (вариант 1). Остальные украшения являются переработкой (как правило, более поздней) «классических» подвесок варианта 1. Их характеризует разнообразие новых деталей, имеющих в ряде случаев индивидуальный характер. Тем не менее и среди поздних разновидностей выделяются устойчивые группы изделий, объединенных в варианты 1А—4.

Вариант 1 (47 экз.) — изображения уточек, най-

ТАБЛИЦА 1

Размещение подвесок I группы

Место находки	I						II	III				IV	V	Прочие	Всего
	1	1А	2	3	4	прочие		1	1А	2	прочие				
Северо-запад Новгородской земли	5	1	—	3	—	1	1	9	5	—	—	—	—	—	25
Новгород	2	1	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	1	—	7
Псковская обл.	—	—	—	—	—	—	—	3	—	—	1	—	1	—	5
Приладожье	38	—	2	—	1	1	—	1	—	—	—	—	6	1	50
Вологодская обл.	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	4	—	7
Архангельская обл.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	5	—	7
Калининская обл.	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	2
Ярославская обл.	1	2	—	—	1	—	—	—	1	1	—	1	—	—	7
Костромское Поволжье	—	2	4	—	1	1	—	1	—	3	—	2	21	—	35
Ивановская обл. (Семухино)	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	—	3
Владимирская обл.	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	4	—	1	7
Московская обл.	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	1	—	3
Смоленская обл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2
Киевская обл. (Чернобыль)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
Гродненская обл. (Дрогичин)	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Куйбышевская обл. (Березовка)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Неизвестно	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	3
Итого	47	10	7	3	4	3	1	21	7	4	4	9	45	2	167

Примечание. Здесь и далее (в табл. 2—4) в головке римские цифры — обозначение типов, арабские — вариантов.

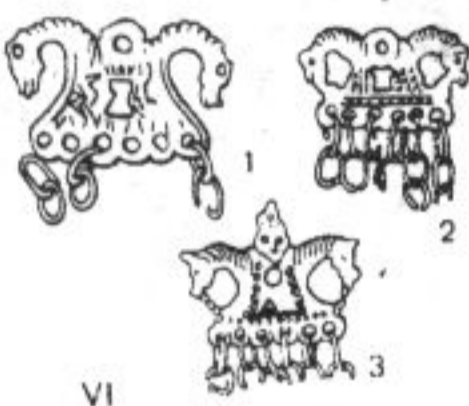

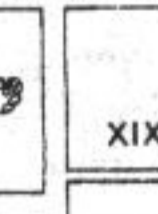

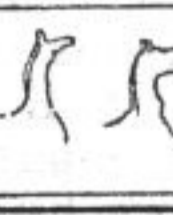

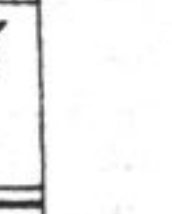
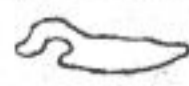

	X - XI вв.	XI - XII вв.	XII - XIII вв.	XIII - XIV вв.
Группа I	I 	1A 2 3 4 		
	II 		III 	
Группа II	VI 		IV V 	
		VII 		
			VII A 	
			VIII 	
			IX 	X
Группа III	XI 2 			
	XII 	XIII 		
		XIV 		
Группа IV		XV 		
		XVI 		
Группа V	XVII 			
Группа VI	XVIII 		XIX 	
			XX 	
Группа VII		 		

Рис. 3. Зооморфные украшения X—XIV вв. Типологическая схема.

Римские цифры — типы; арабские — варианты типов.

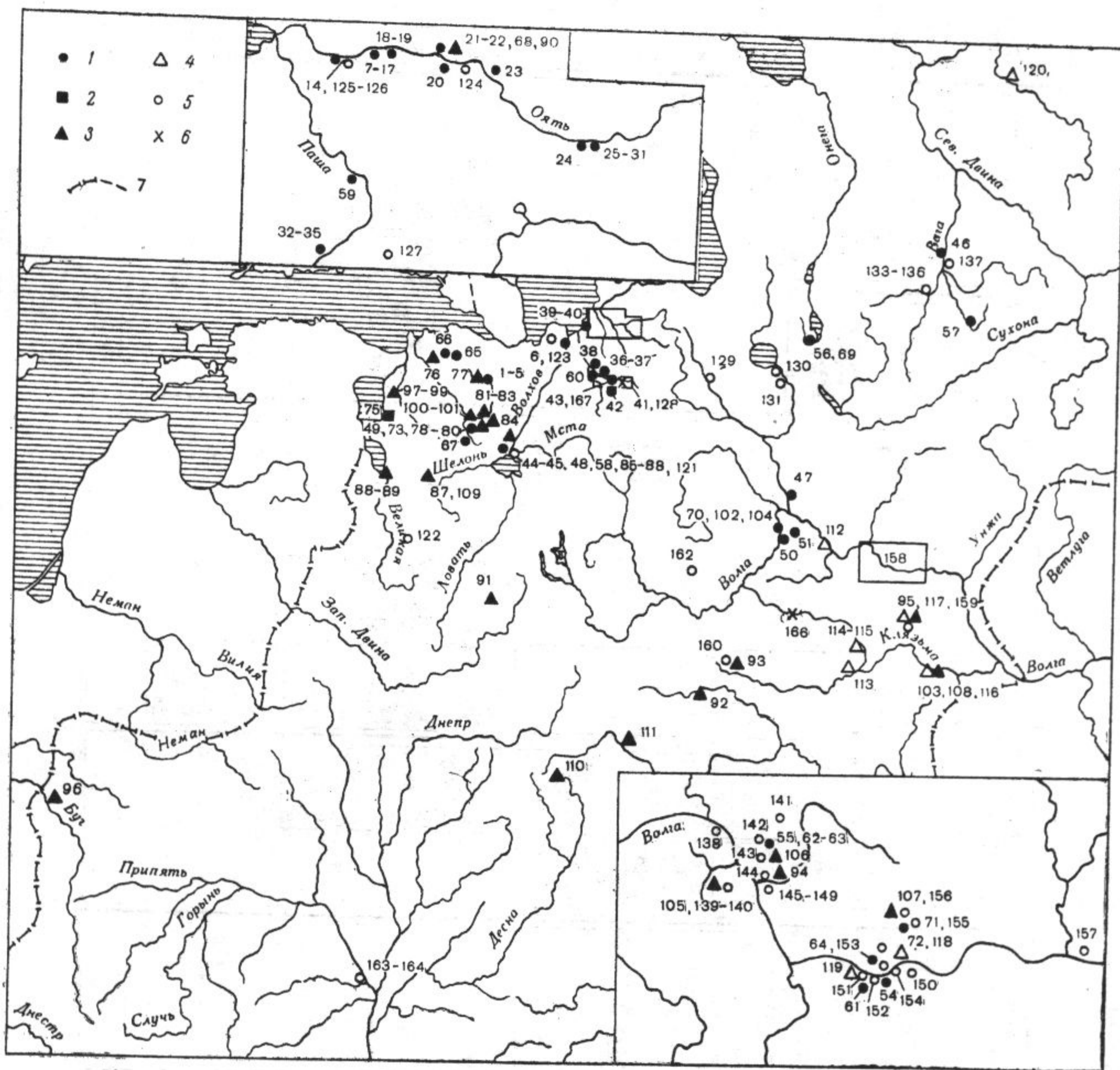

Рис. 4. Подвески I группы (типы I—V). Карта находок (номера по каталогу).

Места находок подвесок: 1 — I типа, 2 — II типа, 3 — III типа, 4 — IV типа, 5 — V типа, 6 — несерийных или неопределимых; 7 — границы Руси XII—XIII вв.

денные на территории Древней Руси. 81% подвесок происходит из курганов Юго-Восточного Приладожья, одна встречена в Старой Ладоге, две — в Новгороде. Еще пять аналогичных изделий обнаружено в курганном могильнике у д. Вырицы на восточной окраине Ижорской возвышенности и по 1 экз. — в бассейнах Северной Двины и Шексны. За пределами Руси такие же находки (по 2 экз.) сделаны в Северной Швеции и Прикамье [Serning, 1956, tab. 18, 6, 7; Голубева, 1973, с. 44].¹ Район распространения подвесок варианта 1 ясно указывает и на место их происхождения. Рассматриваемые украшения по праву могут быть названы приладожскими.

¹ ГИМ, инв. 35711, хр. 123/5а.

Обращает на себя внимание удивительная стандартность этой сравнительно многочисленной серии изделий.² Лишь на некоторых из них заметны следы незначительных изменений, не влияющих, однако, на общий облик. Обычные размеры подвесок 4,5—5 см. Все они имеют небольшую петлю и две прорези: верхнюю круглую, достигающую значительных размеров, и нижнюю продолговатую. Ноги птиц согнуты под углом; переход от головы к клюву, изо-

² Стандартность ранних находок подвесок данного типа уже отмечалась в археологической литературе [Голубева, 1973, с. 44; Кочуркина, 1973, с. 36]. По заключению Л. А. Голубевой, прорезные уточки X—XI вв., найденные в Аксенове, Старой Ладоге, Вырице, Новгороде и Прикамье, происходят из Приладожья.

браженному в виде вытянутой заостренной пластинки, передан уступом (табл. I, 1—11).

Все подвески варианта 1 изготовлены из бронзы. Среди них есть и орнаментированные. К сожалению, часть находок, происходящая из сожжений, имеет крайне неудовлетворительное состояние. Это не позволяет установить точное количество подвесок с орнаментацией и соотношение различных видов орнамента. В шести случаях птицевидные фигурки украшены циркульным узором. Все они встречены в ранней группе погребений на р. Ояти. В двух курганах найдены изображения уток, декорированных насечками.³ Крестовый орнамент свойствен лишь подвескам варианта 1 и отсутствует на остальных изделиях I типа.

Вопрос о датировке данного типа украшений рассматривался в целом ряде исследований. Л. А. Голубева относит распространение приладожских стандартных изделий ко второй половине X—началу XII в., а поздние их переработки — к XII в. [1973, с. 44]. К аналогичному заключению пришла и С. И. Кочкуркина, отметившая, что прорезные «птичьи» изображения раньше всего появились у населения бассейна р. Ояти, а в XI—XII вв. распространились и в соседних районах Приладожья [1973, с. 36]. Н. В. Тухтина считает временем появления ранних подвесок в приладожских курганах конец X в. [1971, с. 180].

Проведенный анализ погребальных комплексов с рассматриваемыми находками подтвердил правильность датировки подвесок варианта 1 второй половиной X—началом XII в.⁴ Наиболее ранние изделия сопровождают погребения по обряду сожжения. Не менее 10 подвесок обнаружено при кремнированных останках умерших на р. Ояти и четыре — на р. Паше.⁵ На раннюю дату их появления указывают совместные находки таких амулетов с изделиями североевропейского происхождения.⁶ К концу X в. относится находка пластинчатой утки приладожского происхождения в слоях древнего Новгорода [Седова, 1959, с. 230].

Время распространения подвесок варианта 1 хорошо документируется нумизматическими находками. 12 экз. встречено в восьми погребениях с монетами XI в. (или X и XI вв.), пять — в двух курганах с монетами X в. X—началом XII в. датируются и другие категории вещевого материала, сопровождающие рассматриваемые украшения.

Вариант 1А (10 экз.) представлен серией бронзовых изделий, близких по большинству своих признаков подвескам варианта 1 и отличающихся от по-

³ Номера по каталогу: 23, 30.

⁴ Вполне возможно, что наиболее ранние экземпляры птицевидных прорезных подвесок появились в Приладожье лишь в конце X в., как и предполагает Н. В. Тухтина. Однако у нас нет достаточных оснований для уточнения нижней хронологической границы, и поэтому мы принимаем более широкую дату существования этих украшений.

⁵ Учитываются только комплексы, об обряде погребения которых имеются достаточно документированные сведения. Известны случаи (в частности, для памятников бассейна р. Ояти), когда зооморфные подвески происходят из курганов, содержащих и трупосожжения, и обычные погребения, но остается неясным, к какому из этих погребений они относились.

⁶ В частности, подвески из ряда погребальных комплексов Юго-Восточного Приладожья (номера по каталогу: 12—16, 32—35) встречены вместе со скандинавскими фибулами второй половины X и X—начала XI в.

следних лишь некоторыми незначительными деталями.⁷ Это миниатюрные прорезные утки длиной 3—3,5 см; центральная круглая прорезь на теле фигурки уменьшается, приближаясь по диаметру к круглому отверстию для подвешивания (табл. II, 1—4). Данная серия украшений появилась в результате копирования приладожских моделей на новых территориях и в новых условиях.

Подвески варианта 1А неизвестны в Приладожье. Они встречены в Новгороде и его окрестностях, в Вологодской области, Ярославском и Костромском Поволжье. Из их числа выделяется стандартная группа изделий, изготовленных по единому образцу и происходящих скорее всего из одной мастерской. У таких амулетов клюв не отделен от головы птицы, а составляет с ней единое целое.⁸ Две отливки, близкие этой группе, обнаружены на жертвенных местах саамов Северной Швеции [Serning, 1956, tab. 18, 4; 41, 11].⁹

Обращает на себя внимание территориальная разбросанность стандартной группы подвесок, отсутствие района их концентрации при явно ремесленном характере производства. Находки таких украшений в Новгороде и его окрестностях позволяют предположить, что именно здесь изготовлялась часть литых миниатюрных уток и отсюда попадала в земли, занятые новгородцами или находившиеся под новгородским влиянием (Вологодская, Костромская области). На это косвенно указывает, в частности, характер вещевого материала обоих костромских погребений с названными изделиями, свидетельствующий о принадлежности умерших к выходцам из Новгородской земли.

Находка из Новгорода встречена в слое конца XII в. К концу XII в. принадлежит и подвеска из погребения у д. Малый Удрай, в инвентарь которого входили, в частности, ромбоцитковые втульчатоконечные кольца конца XII—начала XIV в., рубчатые перстни XII—XIII вв. и дротовый тонкоконечный браслет X—XII вв. К XII в. относит Н. В. Тухтина погребение у д. Погостице Вологодской области [1966, с. 134]; этим же временем датируются курганные находки из Костромского Поволжья. Общая дата подвесок варианта 1А — XII в.

Вариант 2 (7 экз.) включает птицевидные подвески, являющиеся значительной стилизацией ранних образцов из Приладожья. Они характеризуются плавными, округлыми очертаниями. Ноги слиты вместе, расширяющийся к концу хвост имеет перехват при переходе к туловищу фигурки. На голове — сквозное круглое отверстие или продолговатая прорезь. Подвески изготовлены из бронзы, лишь одна — из низкопробного серебра (№ 61).

Два амулета, отличающихся продолговатой формой прорези на голове изображения, найдены в Костромском Поволжье (табл. II, 6, 7). Пять подвесок с круглым отверстием на голове полностью стандартны (табл. II, 5). Одна из них встречена в Нов-

⁷ Одна подвеска изготовлена из биллона (№ 54).

⁸ Номера по каталогу: 48, 49, 54—57 (табл. II, 1, 2).

⁹ За пределами Руси известны, кроме того, еще две миниатюрные утки (длиной 2,5 см), явно изготовленные по одной модели, но несколько отличающиеся от северорусских находок. Они были найдены в Северной Швеции и в бывш. Чердынском уезде Пермской губернии [Serning, 1956, tab. 18, 5; Спицын, 1902, табл. XX, 27].

городе, по две — в Приладожье и Костромской области.

Новгородская находка датируется XII в. В Приладожье аналогичные изделия происходят из кургана XI в. (Щуковщина) и погребения XI—XII вв. (Овино). В одном из костромских погребений прорезная уточка (№ 62) встречена вместе с игольником XII—XIII вв. и зооморфной подвеской XII в., в другом — с амулетом XII в. (№ 63). В кургане у д. Обабковой такая находка сопровождалась арочной подвеской, витым (2×3) браслетом XII—XIII вв. и серьгой XI—XII вв. Наконец, погребение у д. Сторожево также датируется XII в. по литому ушастоконечному браслету XI—XII вв. и рубчатому перстню XII—XIII вв. Таким образом, изделия варианта 2 относятся в основном к XII в.; более ранняя находка из Приладожья позволяет расширить общую дату подвесок — конец XI—XII в.

Вариант 3 представлен всего тремя бронзовыми отливками стандартной формы. Их характерная особенность — наличие хохолка на голове изображения, острого изогнутого клюва и сквозного круглого отверстия на пластинчатом, расширяющемся к концу хвосте (табл. II, 9). Все подвески найдены в северо-западных районах Новгородской земли, на территории Ленинградской области. По инвентарю погребальных комплексов изделия этого варианта датируются XII в.

Вариант 4 (4 экз.) — литые северорусские подвески, изготовленные из бронзы, а в одном случае — из темного сплава (№ 71). Эти изделия отличаются друг от друга некоторыми деталями, но все сближаются по общему признаку — изменению конфигурации центральных прорезей. Круглое отверстие в середине фигурки оформлено в виде петлевидного выступа в продолговатой нижней прорези. В двух случаях петля соединена перемычкой с нижней частью изображения (табл. II, 8).

Зооморфные амулеты варианта 4 найдены в Костромском и Ярославском Поволжье, Приладожье и Вологодской области. Аналогичное изделие встречено в Северной Швеции [Serning, 1956, tab. 18, 3]. Найдено из грунтового погребения у д. Погостище сопровождалось вещами XII в. Подвеска из могильника у с. Кривец в Ярославском Поволжье происходит из комплекса второй половины XII—XIII в. [Никольская, 1949, с. 33, рис. 4]. Несколько более ранним временем — второй половиной XI в. — датируется приладожская находка. Дата подвесок варианта 4 — вторая половина XI—XII в.

К несерийным отливкам I типа относятся литое изображение селезня (?) с крупным, загнутым сверху клювом и хохолком на голове из Костромского Поволжья (табл. II, 10); стилизованная фигурка птицы с двумя петлевидными выступами у основания, найденная в окрестностях Новгорода (табл. I, 12); птицевидная подвеска с широким незаостренным клювом и пластинчатым, раздвоенным на конце хвостом из могильника у с. Новинка, исследованного А. М. Линевским в Юго-Восточном Приладожье (№ 74). Все эти украшения появились в результате переработки ранних образцов в конце XI—XII в.

Варианты I типа позволяют проследить развитие пластинчатых птицевидных изображений с X по XII в. Если первый, «классический» вариант изделий, получивших распространение во второй поло-

вине X—XI в., сосредоточен лишь в одном районе Северной Руси — Юго-Восточном Приладожье, то подвески вариантов 1А—4 концентрируются за его пределами. Некоторые из таких серий конца XI—XII в. найдены на определенных территориях (в частности, подвески варианта 3) и связаны с новыми районами их производства. Изготовление этих поздних украшений носило в значительной степени ремесленный характер, на что указывает стандартность небольших по количеству серий.

Способ ношения подвесок I типа прослеживается лишь в отдельных случаях; значительная их часть обнаружена в захоронениях, совершенных по обряду кремации, или в курганах, содержащих истлевшие останки умерших. Положение украшений на теле установлено в 12 случаях. Четыре раза они были найдены на груди, восемь раз — на поясе. В основном такие подвески прикреплялись к одежде без помощи цепочек. Лишь в одном сожжении у д. Вахрущево (Юго-Восточное Приладожье) встречена уточка, скипевшаяся с обрывком кольчатой цепочки, и в двух погребениях, исследованных в Приладожье и бассейне Шексны, птицевидные подвески входили в набор амулетов, висевших на цепочках у пояса и прикрепленных к пряжкам.

Особый характер использования подвесок зафиксирован в Ярославском Поволжье. В двух случаях они были прикреплены к браслетам на руках умерших; в кургане у с. Кривец зооморфный амулет оказался присоединенным к браслету с помощью шнура, продетого в петлю привески. Чаще захоронения сопровождалась одной подвеской I типа, иногда в сочетании с другими разновидностями зооморфных украшений. Но в некоторых курганах такие амулеты составляют целые наборы. Это отличает в первую очередь ранние курганные погребения на р. Ояти, где прорезные уточки встречаются сериями из четырех-пяти подвесок. Наборы украшений рассматриваемого типа известны и в бассейне р. Паши. За пределами Приладожья зафиксирован лишь один такой случай (кург. 7 у д. Малый Удрай, исследованный в бывш. Санкт-Петербургской губернии).

Тип II. Подвеска данного типа на рассматриваемой территории найдена лишь в курганном могильнике у д. Залахтовье. Она входила в инвентарь трупосожжения, совершенного на стороне. По определению автора раскопок Н. В. Хвоцинской, это погребение относится к концу X в. Бронзовая подвеска имеет вид уточки со сложенными крыльями, по целому ряду признаков сближающейся с изображениями I типа (табл. IV, 1). Клюв у фигурки передан широкой, прямо срезанной пластинкой подтрапециевидной формы. На тулове есть лишь одна продолговатая прорезь, очертания которой повторяют внешние контуры амулета. Петля для подвешивания исполнена в виде ромба. Ноги переданы широкими пластинками со слабо выраженным изгибом, соединены перемычкой.

Эта форма украшений выделена в особый тип вследствие широкого распространения аналогичного вида изделий за пределами Руси. Основной район их концентрации зафиксирован на территории Латвии.¹⁰

¹⁰ Саласпилс-Лаукскола, погр. 27, 31, 80, 96, 97, 161, 375, 490 (картоотека ИИЛ); Мартыньсала (ИИЛ, инв. 631/1967, 1086/1968, 1835/1968; МИЛ, CVVM, 6844: I, 2299); Айзкраукле, городище и могильник [Bähr, 1850, S. 59, Taf. IX, 1; X, 9] (ИИЛ, А 12301:170); Даугмале (МИЛ, А 9964: 944, 2669,

Находки подвесок II типа известны в Эстонии¹¹ и Финляндии [Kivikoski, 1939, Taf. XXV, 2; 1973, S. 108, Abb. 792]. По данным, любезно сообщенным В. В. Седовым, сходные украшения обнаружены в Литве (коллекции Вильнюсского и Каунасского музеев).

Отмеченные аналогии рассматриваемой находке не отличаются полным единообразием деталей. Различия проявляются в форме клюва, хвоста, петли, орнаментации.¹² Но в целом они составляют особую форму прорезных птицевидных подвесок, имеющих прибалтийское происхождение. Одним из центров производства амулетов II типа было, очевидно, городище Даугмале, где найдена заготовка птицевидной подвески.

Тот факт, что амулет II типа обнаружен в могильнике у д. Залахтове, далеко не случаен. Средневековое курганное кладбище на восточном побережье Чудского озера по характеру своей материальной культуры и особенностям погребального ритуала резко выделяется из числа древнерусских памятников. Существует мнение, что этот могильник оставлен особой группой восточных балтов, родственных латгалам, или населением, имеющим смешанную латгальско-славянскую культуру [Седов, 1961, с. 108, 109]. Не исключена и прибалтийско-финская основа памятника [Хвоцинская, 1976, с. 23]. Во всяком случае могильник у д. Залахтове несомненно связан с культурой Юго-Восточной Прибалтики. Поэтому вполне естественно появление среди прибалтийского населения древностей, чуждых культуре окружающих северорусских территорий.

Тип III. На территории Руси найдено 36 подвесок данного типа; не менее восьми обнаружено за ее пределами, в Латвии. Они изготовлены, как правило, из бронзы, но известны серебряные и биллоновые изделия (№ 92, 104). Это прорезные изображения с двумя пластинчатыми лапками; ведущий признак амулетов III типа — наличие крыла, выделенного уступом в центральной полукруглой прорези фигурки. Наиболее многочисленная серия таких подвесок — изображения фантастической птички с хохолком на голове. Но встречены дериваты, в которых прослеживается усложнение зооморфного сюжета, появление признаков, сближающих эти амулеты с изображением коня.

Вариант 1 (21 экз.) представлен стандартной серией птицевидных подвесок (табл. II, 11—15; III, 1—3). Хохолок изображен в виде двух роговидных выступов, хвост передан таким же изогнутым отростком. Клюв раскрыт, глаза выделены выпуклой полусферической окружностью. Тулово фигурки украшено насечками и мелким кружковым орнаментом; на спине — полукруглая петля для подвешивания. На корпусе амулета — две прорези: одна полукруглая, вторая круглая небольшого диаметра.

3203, 3254, 3668, 5248, 6409, 6425, 6469, 7274; A 11971 : 1607, 1954); Лиши [Daiga, 1974, fig. 3, 17]; Огре [Katalog..., 1896, Taf. 18, 13]; Рауши, Межотне, Капениеки [Latvijas PSR..., 1974, fig. 49, 19; 53, 26; 59, 8] и т. д. Приношу благодарность Э. С. Мугуревичу, А. Э. Зариня и В. А. Уртану за предоставленную возможность ознакомиться с материалами их раскопок.

¹¹ Городище Лыхавере (ИИЭ, инв. 3578 : 1370, 1551, 1673; 4133 : 1032, 4093).

¹² Наибольшее сходство с находкой из Залахтове имеют подвески из Саласпилс-Лауксколы (погр. 80), Лыхавере и памятников Финляндии.

Указанные изделия имеют ограниченную территорию распространения: сконцентрированы в северо-западных землях Руси. Девять подвесок найдено в Новгороде и его ближайших окрестностях, шесть — во владениях Пскова и Новгорода и лишь единичные изделия проникают на соседние территории.

Дата подвесок этого варианта — XII в. Она устанавливается по всей совокупности вещевого инвентаря в погребальных комплексах и подтверждается новгородской находкой в слое 1130—1150-х гг.

Вариант 1А (7 экз.) — изделия, близкие подвескам варианта 1, но у них уже прослеживаются новые признаки, характерные для переработанных украшений варианта 2. Пять подвесок найдено на северо-западе Новгородской земли, две — в Ярославской и Владимирской областях. У рассматриваемых птицевидных подвесок хвост передан в виде широкой пластинки или диска. Роговидные отростки на голове также слились вместе. На тулове фигурки уже не одно, а два круглых отверстия (табл. IV, 2, 3).

К этому же варианту относятся все известные находки подвесок III типа в Прибалтике. Одна найдена на городище Даугмале [Мугуревич, 1965, с. 93, табл. XXIX, 8], пять — в ливском могильнике Икшкиле-Кабелес (погр. 9) [Tõnison, 1974, S. 144, Abb. 28, 8; Taf. XXXIV, 3, 4], по одной — на городище Кокнесе¹³ и поселении Мартыньсала.¹⁴ Можно допустить, что появление таких украшений в Прибалтике связано с их изготовлением на месте.

Подвески варианта 1А, встреченные в Новгородской земле, датируются XII в. по их совстречаемости с вещевыми древностями. Так, в кург. 3 у д. Заполье найдены овальнощитковые кольца XII в., шаровидные бубенчики с линейной прорезью конца XI—начала XIII в. и узкорогие лунницы XI—XII вв. В жальничном погребении у д. Забрядняжье три подвески входили в инвентарь, содержащий зооморфные украшения XII в. и височные кольца с овальными щитками. Ко второй половине XII—XIII в. относит Т. Н. Никольская аналогичную находку из могильника у с. Кривец [1949, с. 33, рис. 4].

Вариант 2 (4 экз.) отличается новой трактовкой изображения. Вместо птицевидной головки с хохолком появляется массивная конская голова (табл. III, 4; IV, 5). Шея иногда украшена насечками, имитирующими гриву. Вместе с тем у большинства изображений имеется широкий пластинчатый («птичий») хвост. Выпяченная грудь, две близко расположенные лапки, выступ в прорези в виде крыла — все это указывает на частичное сохранение элементов птицевидного изображения и на несомненную связь этих изделий с амулетами вариантов 1—1А.

Интересна новая территория их распространения. Три подвески найдены в Костромском Поволжье, одна — в Ярославской области. Следовательно, перед нами местная переработка птицевидных подвесок, осуществленная, по-видимому, в Костромском Поволжье. Датируются эти украшения XII—XIII вв.

К изделиям варианта 2 примыкают отливки, происходящие из бассейна р. Шелони (табл. III, 6;

¹³ Сведения А. Э. Зариня.

¹⁴ ИИЛ, инв. 2711/1970 (раскопки Э. С. Мугуревича в 1970 г.).

IV, 4) и Ярополча-Залесского (№ 108) во Владимирской земле. В III тип включены и два миниатюрных птицевидных изображения из Смоленской области (табл. III, 5; IV, 6). Подвеска из Бочарова встречена в погребении, отнесенном А. В. Арциховским к первой, а подвеска из Кохан — ко второй стадии вятичских древностей [1930а, с. 162]. Таким образом, смоленские находки датируются рубежом XI—XII и XII вв. [Равдина, 1965, с. 122—129].

Изделия данного типа получили наибольшее распространение в Новгородской земле. Вполне возможно новгородское производство стандартной серии украшений варианта 1. За пределами Руси аналогичная форма зооморфных подвесок встречена лишь в Прибалтике, тесно связанной с Новгородом и Псковом. В качестве русского импорта рассматривает такие находки в Латвии Э. С. Мугуревич [1965, с. 93]. По мнению Е. Антоневича, посвятившего статью описанию подвески III типа, найденной в Дрогичине над Бугом, последняя попала туда вследствие контакта с Новгородской землей или литовскими племенами через Даугмале — посреднический пункт между Прибалтикой и Русью [Antoniewicz, 1957, s. 367—368].

Рассматриваемые подвески носили на груди (четыре случая) или на поясе (три случая). В погребении у д. Семухино Ивановской области амулет найден у ног костяка. В могильнике у с. Кривец он находился на руке умершей. Один раз подвеска встречена с остатком кольчатой цепочки, второй — с ремешком, а оба смоленских амулета были прикреплены на восьмеркообразных цепочках к арочным подвескам. Рассматриваемые украшения часто входят в сложные наборы подвесок. По две-три подвески III типа неоднократно попадались в погребениях на северо-западе Новгородской земли.¹⁵

Тип IV. Этот тип объединяет серию ажурных птицевидных изображений, снабженных шумящими (лапчатыми) привесками. По нижнему краю амулетов, литых из бронзы, проходит ряд петлевидных выступов. Головка птицы, как правило, украшена гребнем и завершена острым клювом. Тулово покрыто небольшими сквозными отверстиями (от 15 до 17); лишь в двух случаях ажурные круглые отверстия заменены двумя большими фигурными прорезями (табл. III, 7, 8; IV, 7—10).

На территории Руси найдено девять таких амулетов и не менее четырех — за ее пределами. Их ареал охватывает северо-восточные области Восточной Европы. Восемь подвесок происходит из Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей, одна встречена в бассейне р. Пинеги (Архангельская область). Из девяти северорусских находок 45% обнаружено в городских центрах Владимирской земли: Суздаля (2 экз.), Владимире и Ярополче-Залесском. Три аналогичных изделия найдены в Волжской Болгарии,¹⁶ одно — в бассейне р. Вычегды [Савельева, 1971, с. 213, табл. 35, 13].

¹⁵ Как уже отмечалось, подвески I типа часто встречались большими наборами в эпицентре их распространения — бассейне р. Ояти. Находки наборов подвесок III типа на северо-западе Новгородской земли также являются косвенным свидетельством их близости к производственному центру.

¹⁶ Городище Билярск; с. Тетюши бывш. Казанской губернии; бывш. Спасский и Чистопольский уезды Казанской губернии (ГИМ, инв. 9918/Щ, хр. Р 21/43а).

Большинство украшений IV типа характеризуется стандартностью формы. Концентрация ажурных птицевидных подвесок во Владимирской земле и особенно в городских центрах Северо-Восточной Руси указывает на район изготовления. Вполне возможно производство их городскими ремесленниками. Находки «владимирских» изделий в Волжской Болгарии отражают те оживленные торговые, политические и культурные отношения, которые Владимиро-Суздальская земля поддерживала со своими восточными соседями [Смирнов, 1951, с. 124—156].

Подвеска из костромского погребения у д. Левашихи датируется по находке загнутоконечного пластинчатого браслета второй половиной XII—XIII в. К XII в. относится аналогичная находка из могильника у д. Низовской (Костромское Поволжье). Обе подвески из г. Суздаля встречены в слоях XII—XIII вв. Учитывая тот факт, что в 1236—1238 гг. городские центры Залесского края и Волжско-Камской Болгарии были разгромлены монголами, этим временем можно, по-видимому, ограничить и верхний хронологический рубеж бытования подвесок IV типа. Таким образом, общая дата рассматриваемых украшений — XII—середина XIII в., а наиболее вероятная их узкая датировка — вторая половина XII—первая половина XIII в.

Ажурные шумящие подвески использовались в качестве нагрудных украшений, никогда не составляя сложных наборов амулетов. Лапчатые привески прикреплялись к петлям с помощью восьмеркообразных бронзовых цепочек.

Тип V. В этот тип объединены шумящие птицевидные подвески, лишенные ажурных прорезей. Их тулово с обеих сторон украшено рельефными жгутами или полосками, образующими иногда косую клетку. Несмотря на некоторые различия в размерах, очертаниях фигурок и их орнаментации, все подвески V типа характеризуются единым и устойчивым набором признаков (табл. V, 1—10; VI, 1—5). Пластинчатые уточки снабжены, как правило, лапчатыми привесками; лишь в двух случаях вместо лапок к петлям у основания фигурок были прикреплены бубенчики и конические привески (№ 125, 141).

На территории Руси обнаружено 45 изделий V типа и не менее 18 — за ее пределами. Они локализируются в северных областях Восточной Европы. На северо-западе такие украшения крайне редки. Нам известна лишь одна пластинчатая уточка, найденная в Псковской области, и одна — в Новгороде. В более восточных районах их количество значительно возрастает. В Ладоге и Приладожье встречено шесть амулетов, в Вологодской и Архангельской областях — 10, в Костромском Поволжье — 21.

Вне рассматриваемой территории подвески V типа сравнительно часто попадают в Прикамье и прилегающих к нему районах. Они были обнаружены в погребениях Котловского могильника на р. Каме [Нефедов, 1899б, с. 44, табл. 12, 5, 23, 24], на городищах бывш. Глазовского уезда Вятской губернии [Первухин, 1896, с. 125, табл. XIV, 10, 11],¹⁷ у деревень Ананьино и Мазуниной [Нефедов, 1899б, с. 74, табл. 18, 25; Спицын, 1902, табл. XXII, 6]. Не менее пяти пластинчатых уточек происходит

¹⁷ ГИМ, инв. 42548, хр. 109/76.

из городищ Волжской Болгарии — Билярска и Болгара [Tallgren, 1918, tab. II, 23, 25; АИА, Р-2, д. 1918, табл. XV, 15, 16].¹⁸ Еще три подвески V типа найдены в дренемарийских II и III Выжумских могильниках на р. Ветлуге [АИА, Р-1, д. 1971/4560, л. 105, 121—122, рис. 70, 1; 91, 2; 92, 3]. Усложненный вариант пермской подвески опубликован А. М. Тальгреном [Tallgren, 1938a, p. 219, fig. 4]. Наконец, один шумящий амулет встречен в бассейне р. Вычегды [Лашук, 1959, с. 50—51, рис. 1] и один — на севере Швеции [Serning, 1956, fig. 2, b].

Таким образом, данный тип зооморфных украшений имеет несомненное северо-восточное происхождение [Рябинин, 1975, с. 38]. Значительно труднее определить более узкий район формирования этих птицевидных подвесок. По-видимому, существовало несколько центров их производства. Судя по концентрации таких украшений в Костромском Поволжье и Прикамье, они изготовлялись и в окрестностях Костромы, и в бассейне р. Камы, а уже оттуда распространялись на другие территории.

Шумящие пластинчатые подвески-птички встречены в слое 1130—1150 гг. древнего Новгорода и в Черныбыльском кладе, зарытом около 1240 г. беженцами с севера в низовьях р. Припяти [Корзухина, 1954, с. 44, 135—139]. К XII в. относятся находки амулетов из погребений у деревень Пески, Митино и Зворыкино в Вологодской области [Голубева, 1962, с. 68—71; Ошибкина, 1972, с. 68].

По заключению П. Н. Третьякова, плоские уточки являются характерной формой украшений второй хронологической группы костромских курганов — XIII в. [1931, с. 24]. Эту же дату (со ссылкой на Третьякова) приняла и Н. П. Журжалина для всех древнерусских находок V типа [1961, с. 125, 138, 139]. Представляется, однако, что такой вывод требует дополнительной проверки. Вещевой материал второй хронологической группы костромских курганов представлен формами, в равной степени характерными как для XII, так и для XIII в. Более того, в окрестностях Костромы известны погребения с подвесками V типа, четко датированные XII в. (например, в кургане у д. Татариново вместе с пластинчатой уточкой найдена прямоугольная плетеная подвеска XI—XII вв.). Следовательно, время бытования шумящих птицевидных изображений — XII—XIII вв.

Положение подвесок на костяках зафиксировано в 14 случаях. В девяти погребениях они были найдены у пояса умершей, в одном — у колена, в двух — на груди. Известны случаи помещения таких украшений в качестве заупокойного дара рядом с захоронением. В целом на рассматриваемой территории подвески V типа служили преимущественно поясными украшениями. Несколько иной обычай их использования отмечен в Прикамье: в двух могилах, исследованных Ф. Д. Нефедовым у с. Котловка, пластинчатые птички были обнаружены на плечах погребенных.

Вне выделенных типов оказались две птицевидные подвески I группы. Одна из них найдена в Суздальском Ополе, в кург. 1460 у с. Большая Брембола (табл. VI, б). Она сопровождала погребение по

обряду кремации и входила в состав инвентаря, содержавшего две скорлупообразные скандинавские фибулы. А. А. Спицын датировал эту находку XI в. [1905a, с. 128, 162, рис. 466]. Фибулы, встреченные в обоих ярусных погребениях кургана, относятся к типам, распространенным во второй половине X—начале XI в. [Дедюхина, 1967, с. 198—199]. Очевидно, концом X—началом XI в. следует датировать и зооморфную находку. У нее нет точных аналогий, но по своим стилистическим особенностям она очень напоминает подвески I и II типов, с которыми ее объединяет и общее время существования. Наибольшее сходство владимирская находка имеет с прорезной уточкой из могильника Кобрату в Эстонии [Selirand, 1974, tab. XXII, 1]. Не исключено ее северо-западное, прибалтийское происхождение.

Второе несерийное изделие обнаружено в Приладожье (табл. IV, 11). Лапки у этой птицевидной бронзовой фигурки имеют вид длинной, сужающейся книзу пластинки. По внешнему облику последняя напоминает имитацию литой копоушки. А именно копоушку украшала другая миниатюрная уточка из Приладожья, близкая по форме рассматриваемой находке, но не включенная в каталог из-за декоративного, вспомогательного характера использования (курган у с. Озерского на р. Ояти) [Tallgren, 1916, p. 33, fig. 27; АЛОИА, ф. 5, д. 374, л. 114]. Дата подвески — XII в.

Группа II

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ДВУГЛАВЫХ ПТИЦ И ЖИВОТНЫХ

В памятниках Древней Руси найдено не менее 56 украшений II группы, составляющих шесть типов¹⁹ (рис. 5; табл. 2).

Тип VI — двуглавые коньковые подвески, получившие широкое распространение у финно-угорских племен Прикамья. Их эволюция, типологическая классификация и хронология подробно рассмотрены в работе Л. А. Голубевой [1966, с. 80—98]. На территории Руси известно всего четыре находки подобных украшений, принадлежащие к VI типу (варианты 1—3 — по классификации Голубевой). Исходя из того что коньковые подвески камских типов уже получили развернутую и аргументированную оценку, мы ограничимся лишь краткой характеристикой древнерусских находок, опираясь на исследование Голубевой.

Подвески VI типа появились в Прикамье в позднемоноватовское время, но получили развитие и широкое распространение в родановской культуре. Л. А. Голубева насчитывает 116 подвесок конца VIII—первой половины XI в. Сконцентрированы они в бассейне Верхней Камы и оттуда проникали на соседние территории: в Западную Сибирь, земли древних марийцев, мордвы, камских болгар, перми вычегодской. Возможно, что в X—XI вв. существовало производство коньковых подвесок и в Волжско-Камской Болгарии, очевидно, по прикамским образцам [Голубева, 1966, с. 94—97].

¹⁸ ГИМ, инв. 58456, хр. Р 21/396, Р 12/20а.

¹⁹ Все подвески II группы изготовлены из бронзы.

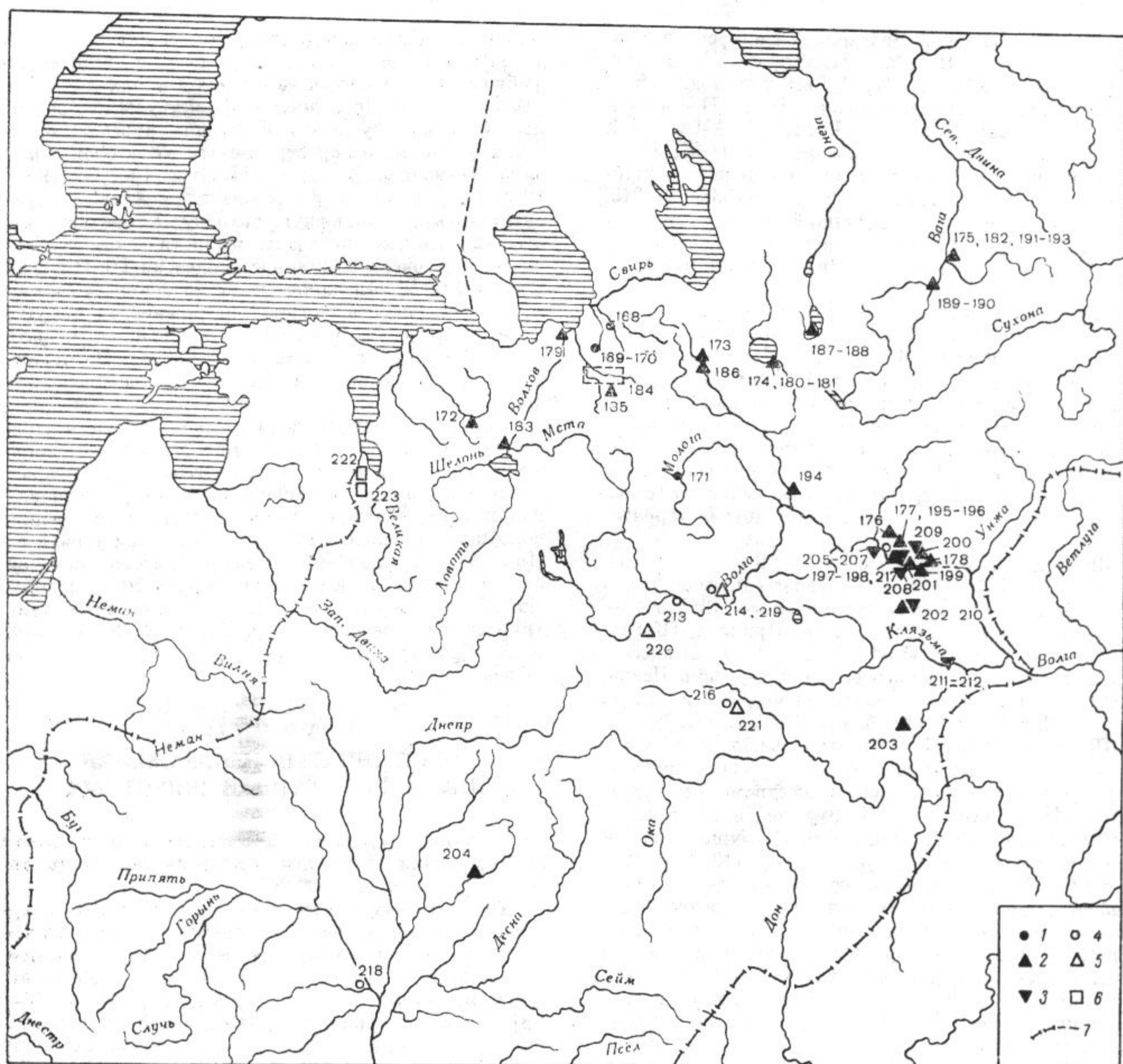

Рис. 5. Подвески II группы (типы VI—X). Карта находок.

Места находок подвесок: 1 — VI типа, 2 — VII типа, 3 — VIIA типа, 4 — VIII типа, 5 — IX типа, 6 — X типа; 7 — границы Руси XII—XIII вв.

Из четырех северорусских находок три обнаружены в курганах Юго-Восточного Приладожья. Трупосожжение у д. Подъелье сопровождалось двуглавой подвеской варианта 1. Она характеризуется реалистическим исполнением голов коней на круто выгнутых шеях, свободно опущенных вниз. В центре изображения — битрапецидная прорезь, а под ней — орнаментальный пояс из выпуклых прямоугольников; привески конические (табл. VI, 9). По скорлупообразной фибуле комплекс с этой находкой датируется концом X в. [Кочкуркина, 1973, с. 35].

В кургане у д. Заозерье встречены две коньковые подвески при трепосожжении. Они были прикреплены к овальным скорлупообразным фибулам на цепочках и находились на поясе умершей. Оба

амулета снабжены лапчатыми привесками. Коньковая подвеска, аналогичная находке из Подъелья, но отличающаяся от последней положением конских голов, соединенных с нижней частью украшения «столбиками», относится к варианту 2 VI типа (табл. VI, 7). Вторая подвеска входит в вариант 3 VI типа. Ей свойственны «жемчужный» орнамент, окружающий центральную прорезь подвески, и вытянутая петля, основание которой выполнено в виде человеческой личины (табл. VI, 8). Дата погребального комплекса из Заозерья — начало XI в. [Голубева, 1966, с. 97].

Еще одна находка камских подвесок происходит из бассейна р. Мологи (Сорогожа). Фрагментированный парный конек обнаружен на шее умершей вместе с другими подвесками. Встреченные там же

ТАБЛИЦА 2

Размещение подвесок II группы

Место находки	VI	VII			Прочие	VIIA	VIIB	IX	X	Всего
		1	2	3						
Новгородская обл. (Малый Удрай)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Приладожье Новгород	3	—	1	2	—	—	—	—	—	6
Исковская обл. (Чухново)	—	—	—	1	—	—	—	—	1	1
Вологодская обл. Архангельская обл.	—	2	2	3	—	—	—	—	—	7
Калининская обл. Ярославская обл.	—	1	1	5	—	—	—	—	—	7
Костромское По- вожье	1	—	—	—	—	—	2	2	—	5
Ивановская обл. (Семухино)	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Владимирская обл. Московская обл.	—	3	—	7	—	6	1	—	—	17
Брянская обл. (Ан- тоновка)	—	—	—	1	—	1	—	—	—	2
Киевская обл. (Чернобыль)	—	—	—	—	1	2	—	—	—	3
	—	—	—	—	1	—	2	1	—	3
	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Итого	4	7	4	20	2	9	6	3	1	56

два дирхема 971 и 975 гг. с ушками для привешивания позволяют датировать комплекс XI в.

Все указанные подвески X—XI вв. обнаружены на территориях, поддерживавших в этот период торговые и культурные связи с Прикамьем, и несомненно имеют привозной характер. Единичные экземпляры коньковых амулетов проникли в еще более отдаленные районы и найдены даже в Финляндии, Норвегии и Северной Швеции [Serning, 1956, tab. 40, 6; Мейндер, 1979, с. 37—39].

Тип VII — двуглавые коньковые изображения, претерпевшие значительную стилизацию и лишены шумящих привесок. Насчитывают 33 подвески данного типа, встреченные в северорусских землях; не менее 10 найдено за пределами Руси. По деталям исполнения амулеты VII типа подразделены на три варианта.

Вариант 1 (7 экз.) представлен условными изображениями человека между двумя конями. Головы коней соединены «столбиками» с основанием (табл. VII, 1—3; VIII, 1, 2). Их ареал охватывает северо-восточные земли Руси от Приладожья до Костромского Поволжья. Подвески варианта 1 характеризуются полной стандартностью формы; лишь единичная находка, встреченная на северо-западе Новгородской земли (Малый Удрай), имеет некоторые второстепенные отличия и представляет скорее всего отливку со стандартного образца варианта 1.

За пределами рассматриваемой территории нам известно только два случая находки таких подвесок в жертвенных местах средневековых саамов Северной Швеции [Serning, 1956, fig. 5; Мейндер, 1979, с. 37—39]. Подвески варианта 1 найдены в слое XII в. древнего Белоозера, в погребениях XII в. Костромского Поволжья, Вологодской и Ленинградской областей. Этим временем определяется и период их распространения в русских землях.

Вариант 2 (4 экз.) представлен стандартной се-

рией стилизованных парных коньков, схематично выполненные головы которых переходят непосредственно в тулово изображения. В верхней части фигурок имеется ряд круглых и фигурных вертикальных прорезей, а низ украшен парными горизонтальными прорезями; последние присущи только изделиям варианта 2 и являются их характерной особенностью (табл. VIII, 3).

Две коньковые подвески найдены в слоях древнего Белоозера и по одной — на Староладожском поселении и среди металлических украшений, обнаруженных у с. Воскресенского на р. Ваге (бассейн Северной Двины). Находки аналогичных изделий за пределами Руси нам не известны. Одна из подвесок встречена в Белоозере в слое XII в. [Голубева, 1962, с. 72, рис. 13, 2]. Этим же временем определяется и совокупность находок, происходящих из бассейна Северной Двины. В целом вариант 2 VII типа можно также датировать XII в.

Вариант 3 (20 экз.) представлен прорезными подвесками в виде условно переданных парных разносмотрящих голов коней на подтрапецевидной основе. Большинство амулетов украшено по основанию рядом овальных вертикальных прорезей, в отдельных случаях имеющих круглую форму. В отличие от вышерассмотренных подвесок VII типа изделия данного варианта менее стандартны. Они различаются формой и количеством ажурных прорезей, а также размерами. Обычная длина таких амулетов 3,5—4 см, но встречаются и миниатюрные экземпляры, не превышающие 2,5 см. Но по основным своим признакам все изделия характеризуются полным сходством, свидетельствующим о родстве их происхождения (табл. VII, 4—8, 11).

Ареал подвесок варианта 3 охватывает преимущественно северо-восточные земли Руси (Костромское Поволжье, Архангельская и Вологодская области). Известны такие находки и на соседних территориях: в Волжско-Камской Болгарии (Биларск) [Tallgren, 1918, tab. II, 31], Марийском Поволжье и Поволжье.²⁰ Не менее двух амулетов обнаружено в Финляндии; один из них происходит из грунтового погребения XII в., в инвентарь которого входили отдельные предметы восточнофинского происхождения [Paloniemi, 1960, s. 22—39, fig. 8, 1].

Ряд зооморфных подвесок варианта 3 встречен в хорошо документированных комплексах, позволяющих довольно точно определить время их наибольшего распространения. К XII в. относится погребение в подкурганной могильной яме у д. Мозолево (верховья рек Сяси и Воложбы). Этим же веком датирует Н. В. Тухтина захоронение у д. Погостище [1966, с. 134]. Богатый и разнообразный инвентарь женских погребений Вологодской области (Митино и Зворыкино, Погостище), а также некоторых курганных комплексов Костромского Поволжья свидетельствует о том, что названные захоронения были совершены в XII в. На ту же дату указывают находка двуглавого конька в слое первой половины XII в. древнего Новгорода и инвентарь погребения, исследованного в Финляндии.

²⁰ II Выжумский могильник — 1 экз. [АИА. Р-1, д. 1971/4560, л. 122, рис. 92, 2]; Починковский могильник — 3 экз. [там же, л. 47—48, 117, рис. 87, 10, 13].

Несколько изделий, обнаруженных преимущественно в костромских курганах, может быть датировано лишь в широких рамках — XII—XIII вв. Поэтому, относя время наибольшего распространения подвесок варианта 3 к XII в., нельзя исключить и возможность бытования отдельных амулетов в более поздний период — в XIII столетии.

Обособленное положение среди подвесок VII типа занимают два амулета, обнаруженных на окраинах области их распространения. По основным признакам они сближаются с изделиями варианта 3, но наличие некоторых новых существенных деталей заставляет выделить их в несерийные формы VII типа. Одна из подвесок встречена при раскопках Заколпского грунтового могильника, оставленного, вероятно, мещерой [Монгайт, 1953, с. 178—179]. Парный конек был прикреплен к шейной гривне. Подвеска имеет несколько иные пропорции, чем остальные изделия варианта 3. Над головами изображения выступом передана крупная полукруглая петля. На корпусе есть лишь три круглые сквозные прорези. Хотя основание амулета и не снабжено колечками для привешивания шумящих подвесок, но это — единственный случай, когда восьмеркообразные цепочки прикреплены непосредственно к прорезям на тулове изображения; цепочки заканчиваются привесками — лапками и раковинами каури (табл. VIII, 4). Указанное захоронение датировано А. Л. Монгайтом XII в. Вторая подвеска найдена в кург. СXXX у с. Антоновка, исследованном П. М. Еременко в районе расселения радимичей. Коньковый амулет был прикреплен к круглой выпуклой бляхе на поясе погребенной. Он имеет широкое основание и узкую центральную часть с крупным круглым отверстием посередине. По нижнему краю фигурки расположено шесть небольших отверстий (табл. VII, 12). Указанная находка обнаруживает формальное сходство с коньковой подвеской из латгальского Лудзенского могильника [Люцинский могильник, 1893, табл. V, 5],²¹ а также с украшением из грунтового погребения в окрестностях г. Турку (Финляндия) [Kivikoski, 1939, Taf. XIV, 2].

Подводя итоги проведенного анализа двуглавых амулетов VII типа, следует в первую очередь подчеркнуть северо-восточное происхождение основной части изделий. Из 33 экз., встреченных в древнерусских памятниках, 10 найдено в Костромском Поволжье, 14 — в Архангельской и Вологодской областях. Следовательно, только в этих районах сосредоточено не менее 70% древнерусских подвесок и свыше 60% всех известных находок VII типа.

Способ ношения амулетов, входящих в варианты рассматриваемого типа, прослежен в 15 случаях. Четыре раза подвески найдены на тазовых костях умершей, четыре — у пояса, в семи случаях они обнаружены на груди умерших. Прикреплялись подвески к одежде, по-видимому, с помощью шнура. Лишь в одном погребении встречен набор зооморфных амулетов, который был подвешен к поясу (или к поясной пряжке) на цепочке.

Тип VIIA. Подвески этого типа близки таковым типа VII, особенно его наиболее многочислен-

ной разновидности, представленной вариантом 3. Выделение группы подвесок в особый тип определяется появлением качественно нового признака — оформления основания изображения в виде колечек. Названный признак неразрывно связан с осложнением смысловой нагрузки амулетов: последние превращаются в шумящие украшения, снабженные лапчатыми привесками на цепочках (табл. VII, 9, 10, 12). Подвески типа VIIA занимают промежуточное положение между двуглавыми коньками VII типа, тесное сходство с которыми отражено в самой нумерации этой переходной формы подвесок,²² и парными шумящими украшениями VIII—X типов. Данная серия изделий немногочисленна: на рассматриваемой территории встречено всего девять подвесок типа VIIA; кроме того, еще две обнаружены в древнемарийском II Выжумском могильнике [АИА, Р=1, д. 1971/4560, л. 15—16, 75, рис. 25, 2].

Ареал шумящих коньковых подвесок довольно ограничен. Семь из них найдено в костромских курганах и территориально близком к ним захоронении у д. Семухино, две — в слоях летописного Ярополча-Залесского, расположенного в нижнем течении р. Клязьмы. Аналогичные изделия, обнаруженные в древнемарийском могильнике на р. Ветлуге, также тяготеют к выделенному ареалу типа VIIA. Вполне вероятно местное производство этих украшений в окрестностях Костромы.

Семь подвесок по своей конфигурации (подтрапециевидная основа, заканчивающаяся конскими головками) тождественны изделиям VII типа (табл. VII, 10, 12). Вместе с тем в одном из костромских погребений, а также в слое Ярополча-Залесского обнаружены амулеты, характеризующиеся несколькими иными очертаниями.²³ Они имеют в нижней части основания четко выраженное боковое закругление, переходящее в шею изображения. Еще два аналогичных амулета происходят из марийского могильника. Отсутствие территориальных или хронологических различий между двумя сериями подвесок типа VIIA заставляет нас отказаться от их выделения в разные варианты. Несомненно, что в данном случае речь идет лишь о выявлении группы изделий, изготовленных по одной модели.

Фрагментированная подвеска из Ярополча-Залесского обнаружена в слое XII в. [Седова, 1972, с. 72—73, рис. 24, 19]. Началом этого столетия может быть датировано погребение у д. Пьянково, сопровождающееся ромбоцитковыми кольцами, треугольной подвеской и стеклянными, в том числе золочеными, бусами. Коньковый амулет из кургана в пустоши Кубасовой находился в составе богатого и разнообразного инвентаря, включавшего, в частности, шейную гривну XI—начала XII в. [Фехнер, 1967, с. 84]. Совокупность вещевого материала позволяет ограничить время этого погребения концом XI—началом XII в. В целом датированные на-

²¹ В связи с этим определенным интерес вызывает коньковый амулет из кургана 12 у д. Семухино (Ивановская область). Наличие колечек в нижней части подвески позволяет отнести ее к типу VIIA. Однако колечки на данном украшении не являются естественным оформлением основания фигурки, а припаяны к плоскому нижнему краю обычной привески VII типа. Перед нами наглядный пример взаимоперехода двух близких форм зооморфных изображений.

²² Номера по каталогу: 209, 212.

²³ Коньковый амулет из Лудзенского могильника был прикреплен к головному спиральному венчику и снабжен длинными кольчатыми цепочками, заканчивающимися трапециевидными подвесками.

ходки типа VIIA хорошо укладываются в рамки конца XI—начала XII в. Не исключено, что некоторые из них могли изготавливаться и в XII—XIII вв. Погребения из II Выжумского могильника датированы Г. А. Архиповым XII—XIII вв.; к этому времени относятся и слабо документированные комплексы из раскопок Г. М. Девочкина в Костромском Поволжье.

В одном из костромских погребений, в котором зафиксировано положение коньковой подвески, последняя находилась на груди умершей. Конек из кург. 12 у д. Семухино и оба амулета из II Выжумского могильника располагались у левого бедра.

Тип VIII — прорезные изображения двуглавых петушков, снабженные шумящими (лапчатыми) привесками. Их насчитывается 6 экз. Украшения имеют некоторые различия, проявляющиеся как в очертаниях фигурок, так и в форме и количестве прорезей. Но у всех есть реалистично исполненные птичья головки с острым клювом, массивным гребнем и рельефным изображением глаз (табл. VIII, 6, 7). Обращает на себя внимание сходство двуглавых птицевидных подвесок с одноглавыми ажурными амулетами-петушками IV типа. В принципе это не что иное, как удвоение сюжета, известного по изделиям IV типа.

На связь этих изображений указывают и территориальное размещение, и хронология находок. Ареал подвесок VIII типа охватывает бывш. Тверскую (2 экз.), Московскую (2) и Костромскую (1 экз.) губернии. Один амулет, характеризующийся наибольшей индивидуальностью исполнения, найден в составе клада, зарытого в низовьях Припяти (Чернобыль). По мнению Г. Ф. Корзухиной, этот клад «принадлежал, по-видимому, кому-то из бежавших в Поднестровье с севера — с Верхней Волги или из Приильменья» — во время монголо-татарского нашествия [1954, с. 44]. Ареал подвесок VIII типа, так же как и район распространения птицевидных изображений V типа, входящих в Чернобыльский клад и описанных нами выше, ясно свидетельствует о родине владельцев этого клада, пришедших на Киевщину из разоренной Северо-Восточной Руси.

Констатируя территориальную близость находок IV и VIII типов, все же нельзя не отметить отсутствие двуглавых птицевидных изображений в городских центрах Владимирской земли. Не исключено, что данное украшение является переработкой образцов IV типа, осуществленной в периферийных районах Северо-Восточной Руси.

Чернобыльская находка датируется первой половиной XIII в. (до 1240 г.). К XII—XIII вв. относится находка из Костромской области. Материалы из раскопок И. К. Лидемана курганного могильника в имении Горки²⁴ включают вещи (шарообразные хрустальные и сердоликовые бипирамидальные бусы, семилопастные височные кольца, шаровидные бубенчики с линейной прорезью и т. д.), позволяющие датировать найденную подвеску XI—началом XIII в. Вероятное время бытования зооморфных украшений VIII типа — XII—середина XIII в.

Тип IX — три пластинчатые прорезные подвески, украшенные двумя зооморфными головками,

на которых имеются роговидные отростки, в двух случаях образующие круглую петлю. На тулове изображений — две подпрямоугольные прорези. Основание подвесок оформлено в виде колечковых выступов для шумящих привесок. Последние (судя по находке в пустоше Кидомля, лапчатые) соединялись с фигурками при помощи восьмеркообразных цепочек (табл. VIII, 5). Территория распространения подвесок IX типа в целом совпадает с ареалом птицевидных изображений VIII типа (Калининская и Московская области). Видимо, едины эти изделия и по сюжету, хотя крайняя стилизация рассматриваемых амулетов затрудняет расшифровку их семантики.

Подвеска, найденная у бывш. Серафимо-Знаменского скита, происходит из погребения начала XIII в. [Розенфельдт, 1973, с. 85]. К XII—XIII вв. относится находка из кургана у д. Ягодино. К этому же времени принадлежит аналогичный предмет из Кидомли. Последний обнаружен вместе с двуглавым изображением петушка VIII типа. Таким образом, период бытования подвесок IX типа — XII—XIII вв.

Положение амулетов на теле умерших прослеживается в двух случаях. Подвеска из подмосковного кургана была прикреплена к кольцу на груди погребенной. В кург. 5 у Ягодина зооморфное украшение находилось у пояса.

Тип X — птицеобразные двуглавые подвески, петли для шумящих привесок у которых оформлены в виде выступов (табл. VIII, 8). На территории Руси известны лишь две находки таких амулетов, происходящие из Печорского района Псковской области. Одна птицевидная подвеска обнаружена в 1960 г. Г. П. Гроздиловым при исследовании грунтового могильника у д. Осминки. В состав погребального инвентаря входили как вещи древнерусских типов, так и древности, характерные для восточнобалтийского и прибалтийско-финского населения (раковины каури, трапециевидные подвески). Вторая подвеска найдена при земляных работах у д. Чухново. Оба пункта расположены в непосредственной близости от границы Псковской области с Латвией и Эстонией. Этим и объясняется проникновение зооморфных украшений прибалтийского типа в указанный район.

Птицевидные подвески X типа являются «узко локальными украшениями, распространенными на территории даугавских ливов» [Zariņa, 1974, p. 254]. По данным А. Э. Зариня, в Латвии известно 38 экз. рассматриваемых изделий, и лишь одна подвеска найдена за пределами этой республики — в Литве. Ливские птицевидные подвески разделены исследовательницей на две группы, хронологически сменяющие друг друга. Древнерусские находки по своим особенностям (закрытый клюв, бугорчатая орнаментация) относятся ко II группе, бытовавшей в XIV—первой половине XV в.

Группа III

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОДНОГЛАВЫХ ЖИВОТНЫХ

В эту группу объединены пять разновидностей зооморфных украшений, составляющих отдельные типы, и ряд несерийных отливок. Всего в древне-

²⁴ Картотека III археол. отд. ГИМ.

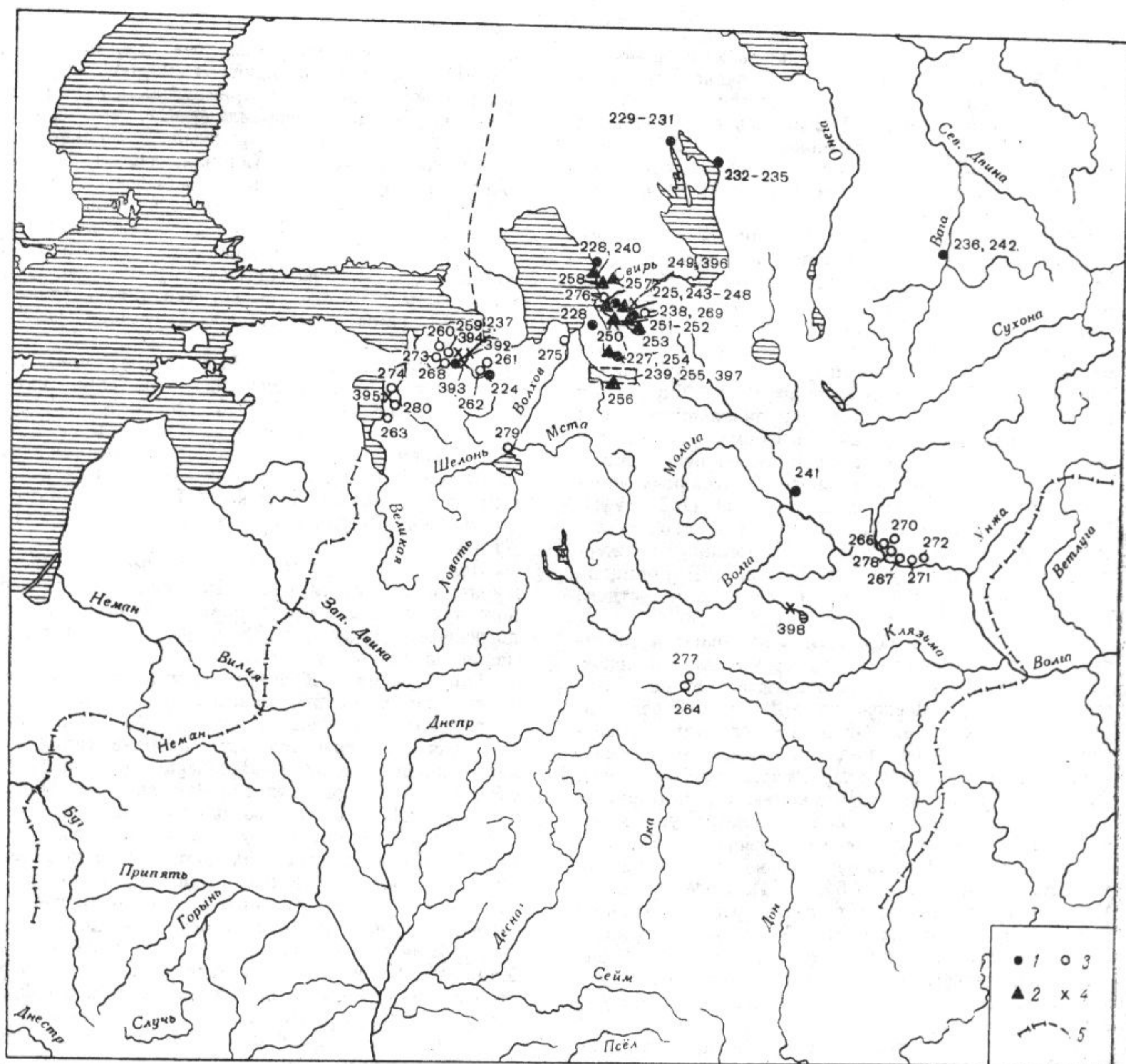

Рис. 6. Подвески III группы (типы XI—XIII). Карта находок.

Места находок подвесок: 1 — XI типа, 2 — XII типа, 3 — XIII типа, 4 — несерийных или неопределимых; 5 — границы Руси XII—XIII вв.

русских землях найдено не менее 175 подвесок III группы (рис. 6, 7; табл. 3).

Тип XI — изображения женского божества на коне, попирающем змею (19 экз.). По иконографическим особенностям эти подвески распадаются на два варианта.

Вариант 1, наиболее ранний, сочетает в себе зооморфный и антропоморфный мотивы, причем последний (образ всадницы, сидящей боком на коне) выражен достаточно ясно.

Вариант 2, знаменующий дальнейший этап схематизации зоантропоморфного сюжета, представлен подвесками, на которых всадница заменена петлей, а стилизованное изображение змеи превратилось в простую полосу под ногами коня.

Образ женского божества на коне уходит своими корнями в древние верования населения Прикамья

[Збруева, 1950, с. 205—211; Смирнов, 1952, с. 257]. Еще в начале I тыс. н. э. на этой территории появляются наиболее ранние изображения всадниц, связанные с местным культовым сюжетом [Смирнов, 1952, с. 220]. В X—XI вв. в Прикамье формируется и получает распространение однотипная форма подвесок-всадниц, являющаяся продукцией ремесленного производства.

По данным Л. А. Голубевой, подвески-всадницы встречаются на рр. Чепце и Средней Каме — Рябиновский клад, городище Донды-Кар, Вереино, Загорье, Купрос, или Купросское, Вакино [1962, рис. 5].²⁵ Г. А. Архипов добавляет к этому списку

²⁵ Еще одна подвеска-всадница обнаружена в бассейне р. Чепцы (городище Идна-Кар) в 1974 г. [Иванова, Наговицын, Корепанов, 1975, с. 156].

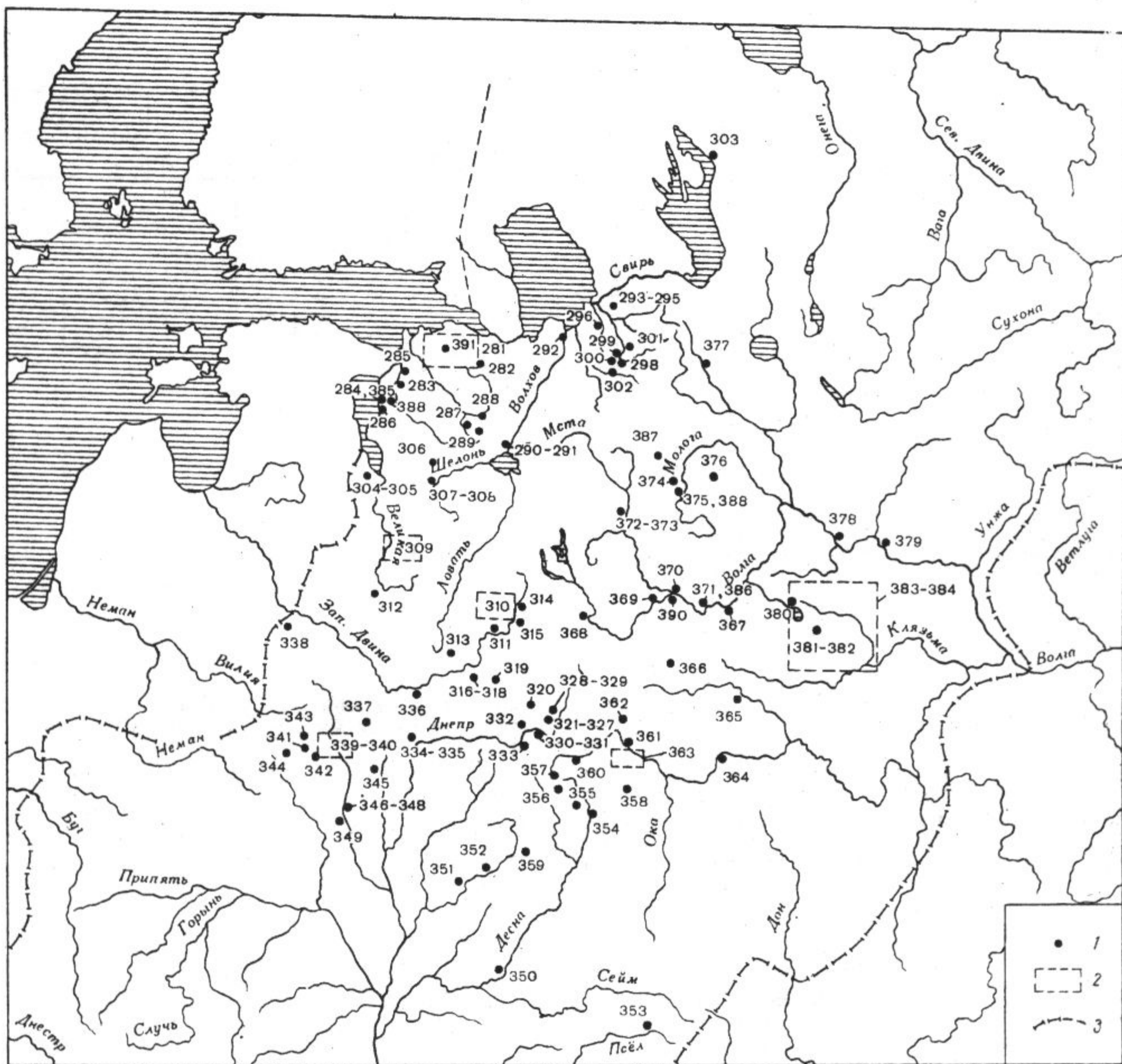

Рис. 7. Подвески III группы (тип XIV). Карта находок.

1 — места находок; 2 — районы находок; 3 — границы Руси XII—XIII вв.

подвеску из Баяновского могильника, выделяя вместе с тем еще один район бытования таких изделий — Среднее Поволжье и Поветлужье (находки из Дубовского, Танкеевского и Веселовского могильников) [1973, с. 22]. Третий район, отмеченный в работах ряда исследователей, охватывает часть интересующей нас территории — Приладожье и Прионежье.

В северорусских областях найдено 13 подвесок с фигурками всадниц, объединенных в вариант 1 типа XI. Они схожи между собой по совокупности признаков (табл. IX, 1—6; X, 1). Правда, отдельные изделия имеют несколько меньшие размеры и характеризуются тенденцией к схематизации самого изображения. Этот факт был отмечен Л. А. Голубевой [1962, с. 61]. Однако такие разли-

чия крайне незначительны и не дают основания для более дробной дифференциации рассматриваемой серии изделий.

В Юго-Восточном Приладожье и на восточном побережье Ладожского озера подвески-всадницы варианта 1 обнаружены в четырех курганных погребениях (4 экз.). В кургане у д. Карлухи зооморфное украшение находилось в кучке вещей, сопровождавших трупосожжение. Интересно, что данная находка была снабжена иглой и замком, т. е. использовалась в качестве одежной застёжки, утратив свое первоначальное назначение (табл. X, 1). Совокупность погребального инвентаря позволяет датировать это украшение концом X—началом XI в. [Кочкуркина, 1973, с. 37—40]. Изображение всадницы, встреченное на груди в захоронении

Размещение подвесок III группы

Место находки	XI		XII	XIII				XIV				Прочие	Всего
	1	2		1	2	3	прочие	1	2	3	прочие		
Северо-запад Новгородской земли	1	1	—	5	1	2	—	8	1	1	1	4	25
Приладожье	4	3	16	—	1	2	—	11	—	—	—	2	39
Прионежье	7	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	8
Новгород и обл.	—	—	—	—	—	—	1	3	—	—	—	—	4
Псковская обл.	—	—	—	—	—	—	1	8	—	—	—	—	9
Калининская обл.	—	—	—	—	—	—	—	12	1	2	—	—	15
Смоленская обл.	—	—	—	—	—	—	—	21	—	—	—	—	21
Витебская обл.	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	5
Минская обл.	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	6
Могилевская обл.	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	5
Калужская обл.	—	—	—	—	—	—	—	7	—	—	—	—	7
Брянская обл.	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	2
Черниговская обл. (Вишенки)	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Курская обл. (Гочевы)	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Московская обл.	—	—	—	1	—	1	—	4	—	—	—	—	6
Суздальское Ополье	—	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	1	6
Ярославская обл.	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2
Костромская обл.	—	—	—	2	3	1	—	1	—	—	—	—	7
Вологодская обл.	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	3
Архангельская обл.	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Неизвестно	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Итого	13	9	16	9	5	6	2	104	3	3	1	7	175

у д. Сязнеги, попало в курган в начале XI в. Фрагментированная подвеска, найденная при случайных раскопках кургана на р. Капше (Исаково и Усадище), относится, судя по сопроводительному материалу (подковообразная фибула с многогранными головками шестигранного сечения, ладьевидный браслет), к X—началу XI в. XI столетием датируется изображение всадницы из кург. 3 у с. Видлицы [там же, с. 94, 112—113].

Семь подвесок варианта 1 обнаружено в Прионежье. В кургане 2, раскопанном Г. П. Гроздиловым у с. Челмужи, было исследовано женское погребение с южной ориентировкой, сопровождавшееся обильным инвентарем. На тазовых костях умершей находился набор украшений из двух низок бус-«флакончиков», обоймиц, спиралек, бронзовой полой трубочки и четырех подвесок-всадниц. С. И. Кочкуркина, посвятившая анализу Челмужских курганов работу, датировала данный комплекс X—началом XI в. [1972, с. 107]. Однако, судя по тому, что в состав ожерелья погребенной входил ряд монет самого конца X в.,²⁶ захоронение было совершено лишь в начале XI в.²⁷

При кладоискательских раскопках курганов в Уницкой губе на северном побережье Онежского озера (Кокорино) были найдены еще три подвески-всадницы. В. И. Равдоникас, отметивший, что часть просмотренных им предметов имеет следы пребывания в огне, отнес эти находки к комплексу вещей из курганов с сожжениями «примерно начала XI в.» [19346, с. 170—171].

Еще две подвески варианта 1 встречены на восточной окраине Ижорской возвышенности (Вы-

рица) и в бассейне Северной Двины (Аксеново). Набор вещей из Аксенова в целом характерен для XI в.

Стилизованные подвески варианта 2 представлены в северорусских памятниках всего шестью находками.²⁸ По особенностям исполнения такие украшения отличаются значительным разнообразием. Среди них выделяется серия изделий, полностью совпадающих по всем признакам и несомненно изготовленных по единой модели.²⁹ Это миниатюрные литые фигурки коней с петлей вместо всадницы и узкой полосой, заменившей изображение змеи; последняя образует основание подвески. Длина подвесок около 2,5 см (табл. IX, 8; X, 2). Точные аналогии им известны в жертвенных местах саамов Северной Швеции (Гротреск, Унна-Сайва) [Serning, 1956, tab. 18, 2; 42, 3].

Более крупных размеров (длина приблизительно 5 см) достигают подвески из Приладожья (Кяргино, кург. 5) и бассейна Северной Двины (Аксеново). Первая находит полные аналогии в Прикамье [Спицын, 1906а, с. 63, 111, рис. 229] и на севере Швеции (Гротреск) [Serning, 1956, tab. 42, 4].³⁰ «Всадница» из Аксенова имеет некоторые отличия в деталях, выражающиеся, в частности, в несколько иной трактовке тела животного (табл. IX, 7). Еще более стилизована подвеска из Тихвинских курганов. Полоска, на которую опирается фигурка коня, оформлена только в нижней части изображения и не соединена с головой животного (табл. XI, 11).

²⁸ Лишь в одном случае удается установить положение амулета варианта 2 на теле умершей: стилизованная «всадница» находилась у левого бедра.

²⁹ Номера по каталогу: 237, 240, 241.

³⁰ Несколько больше отличий у подвески из Сайво [Serning, 1956, tab. 8, 9].

²⁶ В том числе западноевропейские монеты 982—985 и 985—995 гг. с отверстиями.

²⁷ К началу XI в. относит данное погребение и Л. А. Голубева [1973, с. 38, табл. 6].

Основная часть указанных изделий может быть датирована лишь в пределах XI—XII вв. Более узкая дата вероятна для миниатюрной подвески из Зубаревского могильника, вещевой инвентарь которого характерен для XI—начала XII в. [Горюнова, 1954, с. 157—158]. К XI в. относится и находка в бассейне Северной Двины. Украшения из кургана у с. Кяргина (в частности, решетчатая подвеска) свидетельствуют о принадлежности найденного в нем зооморфного амулета к XII в. [ср.: Кочкуркина, 1973, с. 34]. Жертвенные места на севере Швеции датированы Т. Арне XI в. (Гротреск) [Arne, 1914, р. 102—107, fig. 84]. И. Сернинг относит их к 1000—1200 гг. [Serning, 1956, s. 161—162]. В целом общая дата подвесок варианта 2 — XI—XII вв. Указанная хронология стилизованных изображений всадниц совпадает с их датировками, предложенными целым рядом исследователей [Спицын, 1903, с. 26; 1906а, с. 63; Смирнов, 1952, с. 220—222; Голубева, 1962, с. 61; Кочкуркина, 1973, с. 35].

Ареал подвесок XI типа показывает, что амулеты варианта 1 происходят из районов, поддерживавших в раннем средневековье культурные и торговые связи с Прикамьем. Камскими по происхождению признают эти изделия все современные исследователи. Интересно, что на новой территории фиксируется случай приспособления культовой подвески в качестве застежки (Карлуха 6). В XI в. происходит переработка зооантропоморфных изображений, завершившаяся заменой человеческой фигурки петлей для подвешивания амулета и полной схематизацией образа змеи, превращением его в простую полосу, лишенную каких-либо зооморфных видовых признаков. Шаманские культовые предметы варианта 1, сформировавшиеся в Прикамье и имевшие сложную семантическую нагрузку (синтез антропоморфного и двух зооморфных образов), не только претерпевают сильную схематизацию, но и теряют заложенную в них древнюю символику: подвески варианта 2 фактически превращаются в обычные изображения фигурок коней. Не случайно, что изделия этого варианта получили наибольшее распространение за пределами первоначального центра их производства, в районах, характеризующихся иной системой языческих верований.

Тип XII — пластинчатые изображения четвероногих животных с коротким загнутым хвостом; стилизованные уши (?) на некоторых экземплярах образуют кольцо, на спине имеется петля для подвешивания. Значительная часть амулетов украшена циркульным орнаментом (табл. X, 3—8). Определение их зооморфного сюжета затруднено схематичностью изображений. В археологической литературе такие подвески иногда называют «собачками», но в ряде работ высказано мнение о том, что это изображения оленя или лося [Голубева, 1973, с. 43; Тухтина, 1976, с. 3—4]. И действительно, по своим очертаниям животные напоминают скорее оленя или лося, а длинные изогнутые выступы на голове, порой соединенные в кольцо, являются, возможно, рогами.

Несмотря на относительную немногочисленность изделий XII типа (нам известно 16 экз.), они неоднократно становились объектом изучения в археологических исследованиях. Это объясняется ло-

кальным характером их распространения, позволяющим рассматривать данные изображения в качестве важного этнического признака отдельной раннесредневековой группировки.

Подвески XII типа сконцентрированы в Юго-Восточном Приладожье. Около 70% находок происходит из бассейна р. Ояти. Пять амулетов встречено в других районах Приладожья: на р. Капше — один, в бассейне р. Тихвинки — два, на Олонецком перешейке — два. Аналогичное изделие, лишь несколько отличающееся по очертаниям головы животного, найдено на городище Даугмале в Латвии.³¹ Еще одна стилистически сходная подвеска происходит из погребения эпохи викингов (800—1050 гг.) в Юго-Западной Финляндии [Kivikoski, 1973, S. 108, Abb. 793].

На раннюю дату амулетов XII типа указывает их концентрация в погребениях по обряду кремации. Находки подвесок в комплексах с североевропейскими фибулами и монетами X в. позволяют отнести их к X—началу XI в. Вполне вероятно и более узкая датировка, ограничивающая время появления подвесок XII типа в курганной культуре концом X в.; именно к концу X—началу XI в. относятся ранние комплексы с вещевым материалом, бытовавшим весьма недолго.

Тип XIII — ажурные изображения четвероногих коньков. На рассматриваемой территории известны 22 такие подвески, составляющие три варианта.

Вариант 1 (9 экз.) — изображения коньков с раскрытой пастью и свисающей уздечкой. Короткие изогнутые ноги животных с округлыми расширениями на концах имеют, как правило, сквозные прорезы (исключение составляют находки из костромских погребений, у которых отверстия на расширениях ног оказались запыльными). Хвост оформлен в виде ажурного закругления, по шее и туловищу намечены орнаментальные пояски с узором из насечек, не соединяющиеся в области груди (табл. XI, 1; XII, 1).

Пять изделий варианта 1 найдено в погребениях Новгородско-Псковской земли, два — в Костромском Поволжье, одно — на р. Истре в Московской области. Подвески указанной серии получили наибольшее распространение в Прибалтике. Анализ ажурных коньков из памятников Юго-Восточной Прибалтики посвящено исследование А. Э. Зариня [1974, р. 242—252]. По ее данным, на территории Латвии, преимущественно в памятниках ливов, встречена 31 подвеска. Кроме того, не менее шести обнаружено при раскопках городища Лыхавере в Эстонии³² и одна — в древемарийском могильнике Поветлужья [АИА, Р-1, 1971/4560, л. 117, рис. 87, 11].

Вариант 2 (5 экз.) включает фигурки коней с закрытой пастью и без уздечки. Орнаментальные пояски на теле изображений отсутствуют, лишь шея украшена насечками, имитирующими гриву. Если у изделий варианта 1 роль петли для подвешивания выполнял пластинчатый выступ в верхней части амулета, заканчивающийся спиральным завитком, то у подвесок данной серии появляется небольшая полукруглая петля, имеющая то же функциональное назначение. Спиральный завиток в пе-

³¹ МИЛ, А 9964:6971 (раскопки 1937 г.).

³² ИИЭ, инв. 3578:1214, 1781; 4133; 105; 107 (2 экз.).

редней прорези фигурки превращается в роговидный отросток, уже не соединенный с основанием изображения. Все подвески (кроме одной) имеют заплывшие отверстия на ногах (табл. XI, 2—4).

Из пяти древнерусских находок три обнаружены в Костромском Поволжье, по одной — на северо-западе Новгородской земли и в Приладожье. За пределами Руси подвески варианта 2 неизвестны.

Вариант 3 (6 экз.) объединяет подвески, представляющие дальнейшую стилизацию ажурных коньковых изображений. Как и у образцов предыдущего варианта, у амулетов этой серии отсутствует уздечка и закрыта пасть. У некоторых из них имеется насечка, имитирующая гриву. Фигурный вырез в передней части изделия исчезает, заменяясь рядом небольших круглых и овальных прорезей и углублений, покрывающих все тело конька. Вместо прорезей на ногах сохраняются лишь округлые ямки (табл. XI, 5; XII, 2).

Две находки происходят из погребений Новгородской земли, столько же — из Приладожья, по одной подвеске встречено в Костромской и Московской областях. Еще одно аналогичное, но более стилизованное изображение известно за пределами Руси — на городище Даугмале.³³

Вне выделенных вариантов XIII типа находятся две несерийные отливки ажурных коньков. Одна из них обнаружена в погребении Северо-Восточного Причудья (табл. XI, 7), вторая — в слое второй половины XII в. древнего Новгорода (табл. XI, 6). Определенное сходство с этими стилизованными коньками отмечено у находок из ливского могильника Мартыньсала³⁴ и городища Даугмале [Latviešu vēsture, 1938, p. 151, fig. 11], а также у подвески, встреченной в Финляндии [Kivikoski, 1973, S. 139, Abb. 793].³⁵

По заключению А. А. Спицына, амулеты XIII типа могут быть отнесены к XII в., лишь некоторые из них, наиболее схематизированные, заходят в XIII в. [1903, с. 26, табл. VI, 20; VII, 18, 21]. К XII в. относят эти изделия Н. П. Журжина [1961, с. 124—125, 136—137] и А. В. Успенская [1967, с. 94]. Таким образом, в археологической литературе утвердилась датировка прорезных коньков в основном XII в. Наиболее рано такие подвески, представленные изделиями варианта 1, появились в западных районах Новгородской земли. Первой половиной XII в. датируются некоторые погребения, исследованные на Ижорской возвышенности.³⁶ К заключительному этапу функционирования Залахтовского могильника, прекратив-

шего свое существование в начале XII в., принадлежит находка ажурного конька. Костромские экземпляры варианта 1 известны в комплексах XII в. Подвески вариантов 2 и 3 встречены как в комплексах XII в., так и в погребениях XII—XIII вв.

Многочисленная серия коньковых амулетов, отнесенных нами к варианту 1, появляется в Прибалтике лишь со второй половины XII в. и бытует в среде ливов до конца XIV в. Эволюция «ливских» коньков протекала без заметного изменения их формы. За несколько столетий только видоизменилась орнаментация и произошло некоторое уплощение рельефных частей изображения [Zariņa, 1974, p. 242—252].

Существует мнение, что подвески, найденные в Латвии, изготовлялись на месте по привозным древнерусским образцам [Мугуревич, 1965, с. 94; Zariņa, 1974, p. 254]. Действительно, ажурные коньки появились на северо-западе Новгородской земли несколько раньше, чем в памятниках Юго-Восточной Прибалтики. Тем не менее вопрос о месте возникновения этой формы украшений остается, на наш взгляд, открытым. Не исключено, что она обязана своим происхождением западнофинскому (ливскому) населению Прибалтики, а ее ранние образцы пока не обнаружены.³⁷

Около половины всех древнерусских находок XIII типа происходит из северо-западных районов Новгородской земли. Примечательно, что ряд погребений с такими изделиями, исследованных в Костромском Поволжье, содержал набор вещей северо-западных типов, указывающих на принадлежность погребенных к выходцам из Новгородской земли.

Положение подвесок на теле определено в семи случаях. Трижды ажурные коньки найдены на груди и четыре раза в области таза. Использование цепочек для подвешивания установлено лишь в двух погребениях Ижорской возвышенности и Северо-Восточного Причудья.

Тип XIV — пластинчатые литые изображения животных с согнутыми ногами и свернутым в петлю хвостом. Хвост соединен с круглым кольцом для подвешивания, связанным в свою очередь с шеей или спиной зооморфного амулета. Образованные в результате этого в верхней части изображения две сквозные петли являются важнейшим

³⁷ К такому выводу приводят некоторые наблюдения над особенностями коньковых изображений. В частности, у всех рассматриваемых подвесок в нижней части ног есть сквозные или лишь намеченные углубления заплывшие отверстия. Естественно предположить, что эти отверстия должны были иметь какое-то функциональное назначение — использоваться в качестве петель для подвешивания шумящих подвесок. Данное заключение прекрасно иллюстрируется прибалтийскими материалами: у большинства амулетов к отверстиям на ногах прикреплены бубенчики или объемные фигурки миниатюрных коньков. Причем сами отверстия почти на всех прибалтийских изделиях сквозные, т. е. предназначены для шумящих привесок. Обратившись к древнерусским находкам, мы сталкиваемся с иной картиной. Незаплывшие отверстия на ногах отмечены лишь у некоторых, в том числе и наиболее ранних, коньков XIII типа. Но лишь в одном случае к такой ранней подвеске была прикреплена привеска-крестик. Следовательно, в северорусских областях не использовался по своему прямому назначению один из уже выработанных и устойчивых элементов XIII типа. По-видимому, эта форма подвесок была создана на той территории, где им придавались функции шумящего украшения. В древнерусских же областях такое назначение петлеобразных выступов оказалось забытым.

³³ МИЛ, инв. А 9964:2916 (раскопки 1935 г.).

³⁴ ИИЛ, инв. 255/1966 (погр. 246). По заключению А. Э. Зарина, указанная подвеска относится к числу украшений, встречающихся в XII в. у ливов и селов [Zariņa, 1974, p. 244, 254, fig. 1, 10].

³⁵ В исследовании Э. Кивикоски отмечены еще две аналогичные находки из Финляндии, но без их воспроизведения. Автор справедливо связывает все эти украшения с зооморфными подвесками из Ингерманландии, Костромского Поволжья и Прибалтики, объединенными нами в XIII тип, и датирует финляндские находки 1050—1150 гг.

³⁶ Например, в кургане 25 у с. Вопша вместе с зооморфной подвеской найдены височные ромбоцифровые кольца раннего варианта, ложнозернистая широкоугольная лунница, витая гривна с раскованными концами и пластинчатый венчик — вещи, характерные для XI—начала XII в. Погребение у мызы Терпилицы содержало ранний тип широкопластинчатых браслетов XI в. и украшения XII—XIII вв.

отличительным признаком всех подвесок XIV типа. Еще одна характерная особенность рассматриваемых фигурок, отличающая их от стилистически близких изображений XII и XIII типов, — наличие у них лишь двух ног.³⁸

Тип XIV — наиболее многочисленная форма пластинчатых зооморфных украшений. На территории Руси обнаружено 111 подвесок, не менее 43 амулетов происходит из памятников Прибалтики, Фенноскандии и Прикамья.

Вариант 1. Из 154 учтенных находок 147, т. е. около 95% всех известных украшений, составляют устойчивую, стандартную серию, объединенную в этот вариант. Варианты 2 и 3, встреченные только в древнерусских памятниках, представляют собой малочисленные местные переработки амулетов варианта 1.

Подвески варианта 1 изображают стилизованное животное с закрытой пастью; пасть и голова переданы углубленными линиями. На ногах имеются сквозные отверстия или округлые углубления. Рельефная головка украшена стилизованными ушами, свернутыми в колечко или отмеченными пластинчатыми выступами; уши развернуты перпендикулярно к плоскости самого изображения. Многие амулеты покрыты циркульной орнаментацией (табл. XII, 3—16; XIII, 1).

В археологической литературе такие изображения известны под названием «барсов», «собачек», «коньков». Схематичность их облика действительно затрудняет отождествление фигурок с определенным объектом животного мира. Тем не менее, судя по некоторым признакам, рассматриваемые подвески изображают коня. Именно так их и оценивает большинство современных археологов.

Пластинчатые коньки-амулеты занимают особое место в системе зооморфных украшений Древней Руси. В отличие от многих других изображений животных и птиц они получили широкое распространение на территориях, не связанных с финно-угорским миром (рис. 7). Частые находки таких украшений на памятниках восточных славян и сопредельных территорий определили термин, нередко применяемый к подвескам варианта 1, — коньки «обычного», или «общераспространенного», типа. Сосредоточение пластинчатых стандартных амулетов на Смоленщине, отмеченное Б. А. Рыбаковым [1948а, с. 458], привело к тому, что их называют иногда коньками «смоленского» типа.

В 84 пунктах Древней Руси найдены 104 подвески варианта 1. Еще один крупный район их распространения зафиксирован на территории Латвии, где известно около 40 коньковых амулетов, происходящих из 24 средневековых памятников латгальских, ливских, куршских и земгальских племен.³⁹

³⁸ Исключение составляют три подвески из курганов 17 и 31 у с. Харлапова, исследованных в Смоленском Поднепровье [Шмидт, 1957, табл. VII, 1, 8]. Несмотря на наличие четырех ног, эти фигурки по остальным признакам аналогичны стандартным амулетам варианта 1 XIV типа и входили в состав наборов украшений вместе с обычными двуногими изображениями. Поэтому указанные модификации, обнаруженные лишь в одном пункте и представляющие несомненно продукцию одного мастера, не выделены нами в особую группу, а включены в серию изделий варианта 1.

³⁹ Могильники Салиняс (1 экз.), Личагалс (1), Лудаас-Одукалс (2), Кивты (1), Лиепудери (1), Балву-Даниловка (1), Плявиню-Радзес (1), Лубумуйжа (1), Чнекури (1),

В Эстонии подвеска XIV типа обнаружена на городище Лыхавере,⁴⁰ еще один конек имеется в коллекции Тартуского музея [Журжалина, 1961, с. 130]. Одиночные экземпляры «обычных» коньков проникли в древнюю Пермь [Aspelin, 1876—1878, p. 151, fig. 642] и на север Швеции [Serwing, 1956, tab. 2, 7].

На древнерусской территории такие находки происходят из 65 курганов, двух жальничных и двух грунтовых могил. Кроме того, 16 подвесок обнаружено в слоях 14 средневековых поселений, в том числе таких крупных городских центров, как Новгород, Ладога, Изборск, Минск, Тверь. Отметим, что ни одна форма зооморфных украшений не является столь частой находкой на славянских поселениях, как изделия варианта 1 XIV типа.

Пластинчатые коньки известны исключительно в женских погребениях, совершенных по обряду ингумации. Начальный период их бытования определяется монетами, с которыми они 13 раз встречены.⁴¹ К числу наиболее ранних находок следует отнести амулеты из кург. 27 у д. Паново и грунтовой мог. 5 у с. Федова, найденные вместе с дирхемами X в. С монетами конца X—начала XI в. обнаружены коньковые подвески в могильниках у д. Калихновщины и ст. Оредеж. Остальные нумизматические находки представлены монетами, наиболее поздние из которых чеканены во второй половине XI в.

Таким образом, появление пластинчатых коньков в древнерусских захоронениях относится к началу XI в. Погребальный инвентарь, включающий «обычные» коньки, представлен преимущественно древностями XI—начала (или первой половины) XII в.⁴² Этим же временем датируются зооморфные амулеты, встреченные в слое начала XI в. древнего Новгорода [Седова, 1959, с. 230], в жилище конца X—XI в., исследованном на городище у с. Подмоклова [Успенская, 1969, с. 245—246], в слое XI в. поселения Дубна (Ратмино) [Успенская, 1966, с. 91].

Время наибольшего распространения пластинчатых коньков в памятниках Древней Руси определяется обычно в рамках XI—первой половины XII в. [Спицын, 1903, с. 26; Ляўданскі, 1932, с. 53; Журжалина, 1961, с. 124—125; Успенская, 1967, с. 62]. В Восточной Латвии аналогичные находки датируются XI—второй половиной XII в. [Мугуревич, 1965, с. 91—92]. В русских землях известна и поздняя серия подвесок XIV типа — XII—XIII вв. Та-

Липши (1), Айзраукле (1), Мартыньсала (1), Смауджи (1), Рауши (1), Кабелес (не менее 2), Лаукскола (1); городища Талсы (1), Айзраукле (2), Тервете (1); городище и посад Даугмале (10); каменный замок и селище Мартыньсала (4); находки из Книби (1) и Викснас-«Капусилс» (2 экз.). Кроме материалов, известных по публикациям, учтены подвески, хранящиеся в Музее истории ЛатвССР, Института истории ЛатвССР, Института истории ЭССР, в частности новые находки из археологического комплекса Мартыньсала, сведения о которых сообщены Э. С. Мугуревичем и А. Э. Зариня. Особенно большая помощь в привлечении прибалтийских аналогий была оказана автору В. А. Уртаном, любезно разрешившим использовать в работе собранную им картотеку пластинчатых коньковых подвесок на территории Латвии. Пользуясь случаем, приношу ему искреннюю благодарность.

⁴⁰ ИИЭ, инв. 3578: 1448.

⁴¹ Номера по каталогу: 284, 288, 293—295, 296, 298, 302, 303, 306, 316—317, 362, 373, 378.

⁴² Разбор категорий датирующего эти находки археологического материала проведен А. В. Успенской [1967, с. 92].

ковы амулеты из некоторых жалыничных погребений Новгородской земли и захоронений, совершенных в подкурганых могильных ямах.⁴³ В слое рубежа XII—XIII вв. встречена коньковая подвеска в Новгороде. В целом рассматриваемые изделия являются наиболее характерными для XI—первой половины XII в., но общий период их бытования захватывает весь XII и даже частично XIII в.

За два столетия существования стандартных коньковых подвесок форма последних фактически не изменялась. Определенные тенденции развития прослеживаются лишь в орнаментации. Из 60 древнерусских амулетов, подвергнутых изучению, 44 были украшены циркульным узором, один — прочерченными углубленными линиями, один — насечками, а у 14 орнамент отсутствует. Подавляющее большинство подвесок, лишенных орнамента, датируется XII и XIII вв., т. е. относится к позднему этапу их бытования на Руси. Примечательно, что свыше 60% неорнаментированных украшений найдено на окраинах ареала «обычных» коньков: на северо-западе Новгородской земли, в Приладожье, Костромской, Вологодской и Ярославской областях.

В основном погребения содержат по 1 экз. коньковых подвесок; в семи случаях зафиксированы парные находки коньков, а в двух курганах Харлаповского могильника (Смоленская область) они составляли сложные наборы из трех-четырех зооморфных украшений.

«Обычные» коньки часто попадают в сочетании с другими амулетами, среди которых имеются бубенчики (33 погребения), ложечки (28), клыки и когти животных (13), ключи (6), миниатюрные гребни (8), плодовые косточки (6), крестики (5), ножевидные подвески (4), копоушки (4); во многих случаях такие наборы подвесок состоят из трех (15), четырех (20), пяти (4) и даже шести (1 погребение) разных амулетов, прикрепленных к цепочкам. Размеры цепочек различны: известны массивные колечковые длиной 65—70 см и короткие, состоящие из нескольких звеньев. Иногда коньки подвешивались к одежде с помощью кожаных ремешков, а в трех случаях они были прикреплены к фибулам. Сложные наборы амулетов наиболее характерны для Смоленского Поднепровья.

Положение подвесок на теле умерших удается установить в 42 случаях. Большинство их встречено на груди, боку или в области плеча, т. е. коньки являлись нагрудными украшениями. В трех курганах подвески находились на шее костью в составе ожерелья.⁴⁴ Сходный характер ношения амулетов зафиксирован в одном из погребений Лудзенского могильника, где пластинчатый конек оказался прикрепленным к ожерелью из раковин каури [Люцинский могильник, 1893, Прил., с. 26, табл. I, 4]. В бассейне р. Шелони зафиксирован единственный в русских землях случай находки коньковой подвески у виска погребенной.⁴⁵ С одной стороны черепа были обнаружены конек и бубенчик, с другой — бубенчик и ложечка. По-видимому, амулеты прикреплялись к несохранившемуся голов-

ному убору. Сам автор раскопок отметил необычность подобного положения подвесок [Рерих, 1899, с. 364]. Аналогичный случай зафиксирован в Прибалтике: конек, сопровождавший погребение, был подвешен к головному спиральному венчику [Люцинский могильник, 1893, Прил., с. 8].

В девяти курганах зооморфные амулеты встречены у пояса, на тазе или у ног умершей.⁴⁶ В литературе уже было высказано мнение о том, что находки подвесок среди тазовых костей могут объясняться местной финно-угорской традицией [Седов, 1968, с. 153]. Действительно, в семи случаях такое положение зафиксировано в областях, заселенных до прихода славян финскими племенами и занятых в эпоху средневековья смешанным славяно-чудским или даже в основном чудским населением. Более того, некоторые из указанных находок обнаружены в погребениях с отчетливо выраженными финно-угорскими традициями. Погребения в курганах у селений Крючково, Щуковщина, Митино и Зворыкино имели меридиональную ориентировку, характерную для чудских племен [Седов, 1966, с. 246]. Финно-угорским является захоронение и у с. Челмужи, в состав инвентаря которого входил коньковый амулет, лежащий у правой ноги умершей [Кочкуркина, 1972, с. 110—111]. Единственная подвеска рассматриваемого типа, известная в Костромском Поволжье, встречена на поясе вместе с каркасной шумящей подвеской, типичным элементом местной чудской культуры.

В двух случаях пластинчатые коньки у пояса найдены на территории Суздальского Ополя и Ярославского Поволжья.⁴⁷ Они входили в состав обычного набора амулетов (ложечки, ключи, плодовые косточки), распространенных на восточнославянских территориях. Но в указанных погребениях набор славянских амулетов не являлся украшением одежды; он представлял собой дар умершим и находился в положенном рядом с костью мешочке. Примечательно, что такие ритуальные приношения, включавшие, как правило, несколько металлических украшений финно-угорских типов, были широко распространены в славяно-чудских областях (например, футляры с набором поясных и нагрудных подвесок, известные в погребениях Костромского Поволжья).

Популярность пластинчатых коньков затрудняет решение вопроса о месте возникновения этой формы стандартных изделий. Правда, такие амулеты отсутствуют в южнорусских землях и довольно редки на северо-востоке Руси. Но их ареал охватывает и Смоленскую, и Полоцкую, и Новгородскую, и Ростово-Суздальскую земли, а также бассейн Даугавы. В последнее время вопрос о происхождении коньков-амулетов рассматривался В. В. Седовым, отметившим их концентрацию в области расселения смоленско-полоцких кривичей и высказавшим предположение о связи этих подвесок с наследием балтского субстрата в древнерусской культуре [Седов, 1968, с. 154—157; 1970, с. 118—120]. К числу импортных вещей восточнославянского происхождения, попавших в Прибалтику, по-видимому, с верховьев Днепра, относят аналогич-

⁴³ Факт сравнительно позднего бытования отдельных пластинчатых коньков отмечен В. В. Седовым [1968, с. 154].

⁴⁴ Номера по каталогу: 287, 321—323, 346—347.

⁴⁵ Номер по каталогу: 306.

⁴⁶ Номера по каталогу: 296, 297, 303, 334, 335, 348, 377—379, 381, 382.

⁴⁷ Номера по каталогу: 378, 381—382.

ные находки, обнаруженные в Латвии [Мугуревич, 1965, с. 91—92].

По нашим подсчетам, в области расселения смоленско-полоцких кривичей обнаружено около 50 подвесок XIV типа. Это действительно наиболее крупный район концентрации пластинчатых коньков на древнерусской территории. Есть основание полагать, что именно здесь производились в массовом количестве стандартные украшения, распространявшиеся затем и в другие районы Восточной Европы. В то же время новые данные свидетельствуют о наличии в эпоху средневековья еще одного центра изготовления «обычных» коньков. Как уже отмечалось, на территории Латвии, главным образом в бассейне Даугавы, найдено около 40 таких подвесок. В районе их сосредоточения расположено городище Даугмале — крупный торговый и ремесленный центр Восточной Прибалтики. В ходе широких исследований этого памятника, произведенных экспедицией под руководством В. А. Уртана, был получен огромный вещевой материал, в том числе 10 пластинчатых коньковых амулетов. По числу находок подвесок XIV типа Даугмале занимает первое место среди всех археологических памятников. Но особенно важное значение имеет встреченная при раскопках поселения заготовка пластинчатого конька, неопровержимо свидетельствующая о местном производстве таких украшений.⁴⁸

Таким образом, в XI—XII вв. имелись по крайней мере два центра изготовления «обычных» коньков: в Восточной Прибалтике и, видимо, на Смоленщине. Продукция славянских мастеров распространялась по всему Восточноевропейскому Северу, попадая и в Прибалтику. Вместе с тем отдельные изделия, созданные на берегах Даугавы, могли проникать и на Русь.⁴⁹

Вариант 2 (3 экз.) отличается от «обычных» коньков варианта 1 изображением стилизованных ушей, оформленных в виде крупного кольца и расположенных в той же плоскости, что и сама фигурка животного. Все подвески украшены двусторонней орнаментацией в виде рельефных косых линий и завитков (табл. XI, 8; XIII, 2). Коньки варианта 2 найдены на Верхней Волге, в бассейне р. Мологи и на северо-восточном побережье Чудского озера. Датируются они XI в. и изготовлены в одной каменной форме. В двух погребениях зафиксировано их положение на теле: коньки свисали на цепочке вдоль левой стороны груди.

⁴⁸ МИЛ, инв. А 11971: 2291.

⁴⁹ Стандартность подвесок не позволяет выделить достаточно четкие серии изделий, изготовленных в разных центрах. Но примечательно одно обстоятельство, выявляемое при сравнительном анализе находок. Все коньки из Даугмале имеют уши, оформленные в виде двух (реже — одного) пластинчатых выступов. Такая же форма характерна и для подавляющего большинства остальных прибалтийских находок, оказавшихся доступными для изучения (17 из 20 амулетов). У 84% пластинчатых коньков, происходящих с древнерусских территорий, уши образуют кольцо. И лишь 16% снабжены выступами. Возможно, за характером обработки этой детали и скрываются территориально-производственные различия. К сожалению, многие находки, известные лишь по рисункам или фотографиям, не могут быть подвергнуты тщательному изучению (кольца или выступы на голове фигурок развернуты перпендикулярно самому пластинчатому изображению, и поэтому видна лишь их боковая грань).

Вариант 3 (3 экз.) — подвески этого варианта изготовлены в одной форме. На голове коньков имеются роговидные отростки, расположенные в той же плоскости, что и уши у фигурок варианта 2. Изображения не орнаментированы, лишь на ногах и голове намечены сквозные отверстия. Ареал находок совпадает с районом распространения подвесок варианта 2: Верхняя Волга, бассейн р. Мологи, Причудье. Зооморфные амулеты использовались в качестве нагрудного украшения и входили в состав набора привесок из бубенчиков, плодовых косточек, ложечек. Время их бытования — XI—начало XII в.

К несерийным изделиям XIV типа относится изображение коня (или собаки), найденное в Ленинградской области (табл. XI, 9). Оно несет на себе отпечаток индивидуального творчества мастера, особенно в сфере орнаментальных мотивов. По вещевому материалу погребения подвеска датируется XII в.

Заканчивая рассмотрение зооморфных украшений III группы, отметим несколько изделий, не входящих в отдельные типы. Это реалистически исполненные бронзовые изображения собаки (табл. XIII, 3) и зайца (табл. XI, 10), обнаруженные в погребениях на северо-западе Новгородской земли. Оба изделия относятся к числу плоскостных, но рельефных фигурок. Амулет в виде собачки из могильника у д. Котино входил в состав инвентаря XI—XII вв. (в частности, в этом погребении найдены ромбоцитковые височные кольца с «классической» ранней орнаментацией) [РИМ, 1893, с. 167]. Подвеска в виде зайчика из кург. 338 у д. Калихновщины была прикреплена вместе с «обычным» коньком к нагрудной цепочке, украшенной множеством бубенчиков. Встреченная в погребении англо-саксонская монета позволяет датировать данную находку XI в., вероятно первой половиной этого столетия.

Уникальная подвеска в виде зайчика из д. Калихновщины не имеет себе аналогий. В древнерусских областях известно, правда, еще одно изображение этого зверька, найденное в кург. 1 у д. Алеховщины на р. Ояти (табл. XIII, 8) [Равдоникас, 1930, с. 55, рис. 63].⁵⁰ Оно не включено в каталог, так как не является подвеской: рельефная фигурка зайчика с подогнутыми ногами и прижатыми ушами украшает бронзовый предмет в виде уплощенного стержня с петлями на концах.⁵¹ Приладожская находка по монетам датируется концом XI—началом XII в. Изображение зайчика на части несохранившегося предмета имело, очевидно, и декоративное, и культовое назначение. Оно находит прямые параллели в карело-финском народном эпосе.⁵²

⁵⁰ ГЭ, ОИПК, инв. 700/303.

⁵¹ Назначение этого предмета остается неясным. Но на огромном расстоянии от Приладожья, в бассейне Нижней Оби, обнаружено полностью аналогичное изделие, также украшенное фигуркой зверька (зооморфное изображение по манере исполнения тождественно приладожскому, но некоторые видовые признаки животного отсутствуют). В. Н. Чернецов высказал предположение, что бронзовый предмет был в свое время прикреплен к пластине, замыкавшей мешочек, в котором хранилось огниво [1957, с. 212, табл. XXXIII, 10].

⁵² В шестой руне «Калевалы» [1956, с. 47] описывается лук, изготовленный Еукахайнею из разных металлов, у которого

Наверху конек поставлен,
По бокам бежит жеребчик,
Медвежонок спит на сгибе,
На зарубке дремлет зайчик.

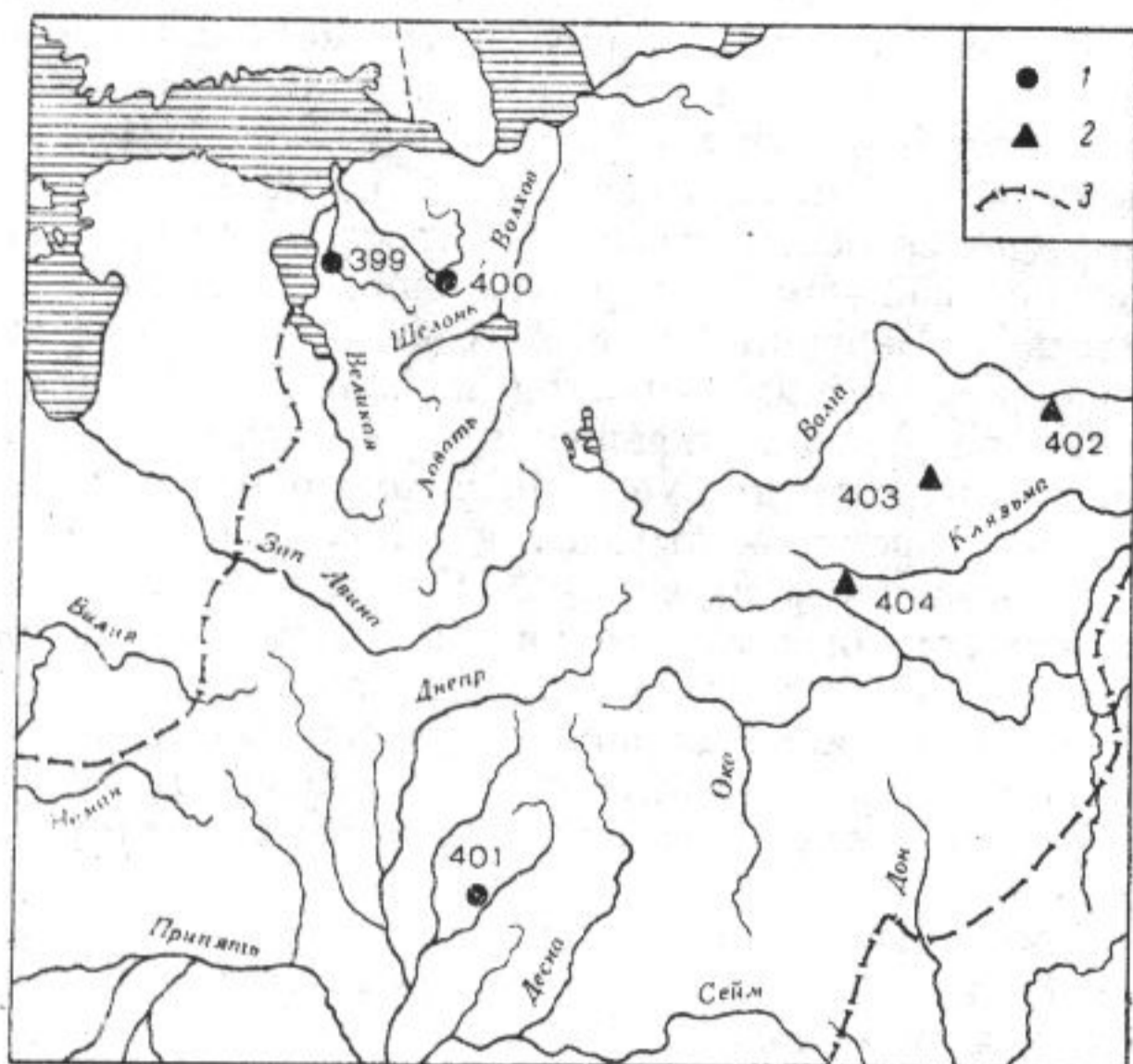

Рис. 8. Подвески IV группы (типы XV—XVI). Карта находок. Места находок подвесок: 1 — XV типа, 2 — XVI типа; 3 — границы Руси XII—XIII вв.

Группа IV

РЕЛЬЕФНЫЕ АМУЛЕТЫ С ПЕТЛЕЙ ДЛЯ ВЕРТИКАЛЬНОГО ПОДВЕШИВАНИЯ

Это немногочисленная группа зооморфных украшений, состоящая из двух типов и насчитывающая всего шесть подвесок. В нее объединены разные по сюжету изображения (птицы и рыбы), сближающиеся по трактовке фигурок: последние, в отличие от всех остальных зооморфных подвесок Древней Руси, переданы не в боковом развороте, а как бы сверху и снизу. Петля для подвешивания у амулетов IV группы соединена с головой изображения. Сами подвески плоские, но имеют рельефную поверхность. Последнее обстоятельство роднит их с несерийными литыми фигурками зайца, собачки, коня, входящими в III группу.

Тип XV — бронзовые изображения рыб (3 экз.), относящихся, по мнению А. В. Арциховского, к породе осетровых [1930б, с. 24]. На тулове подвесок имеются насечки, имитирующие чешую. Все известные находки характеризуются полным сходством и изготовлены, по-видимому, в одной форме.

Подвески-рыбки встречены в трех древнерусских погребениях: два исследованы в Новгородской земле, одно — в области расселения радимичей (рис. 8). Все они входили в состав набора амулетов, включавшего и другие разновидности зооморфных украшений. В кургане у с. Смялич (Брянская область) изображение рыбы было прикреплено на восьмеркообразных звеньях к арочной подвеске вместе с «обычным» коньком, ключом и ножевидной подвеской, обнаруженными у правого плеча умершей (табл. XIII, 4). В жальничной могиле у д. Забредняжье (бывш. Гдовский уезд С.-Петербургской губернии) амулет находился в кожаном мешочке наряду с арочной подвеской, аналогичной вышеописанной, остатками цепочек и тремя зооморфными украшениями III и XIII типов. Наконец, в кург. 5

у с. Хрепле (Новгородская область) рядом с изображением рыбы лежала прорезная фигурка птички III типа.

Комплекс у с. Смялич по совокупности погребального инвентаря датируется XII в. К этому же периоду относится и погребение у д. Забредняжье, о чем свидетельствуют вещевой материал (в частности, зооморфные украшения) и жальничный характер погребения. В целом дата подвесок XV типа определяется в рамках XII в.

Тип XVI — изображения летящих птиц с выделенными крыльями. В русских землях известны три такие подвески (две бронзовые, а одна — № 403 — серебряная); две из них изготовлены, очевидно, в одной форме (табл. XIII, 6), а третья имеет определенные отличия (табл. XIII, 5). Все амулеты XVI типа обнаружены в курганных погребениях Северо-Восточной Руси, в области Волго-Клязьминского междуречья (рис. 8). Вещевой материал этих захоронений крайне невыразителен. Находка из окрестностей Костромы датируется скорее всего XII в. Время остальных подвесок может быть определено лишь в пределах XI—XII вв.

Е. И. Горюнова сопоставляет подвески из курганов Костромской и Владимирской областей с шаманскими изображениями летящей птицы, хорошо известными в памятниках Приуралья [1961, с. 146]. Однако аналогичные изделия обнаружены и в Прибалтике. В ливском курганном погребении (Аллажи 7), датированном по монетным находкам XI в., встречены две серебряные подвески-«ангелка» [Katalog..., 1896, Taf. 18, 4; Tõnisson, 1974, S. 86—87, Abb. 21, 6]. По стилистическим особенностям, характеру рисунка это тот же тип украшений, что и находки из курганов Северо-Восточной Руси. Но верхняя часть подвески имеет вид рельефно исполненной человеческой головы, вписанной в округлую пластинку. Указанные аналогии, редкие в самой Прибалтике, особенно важны для нас в силу их отчетливо выраженной идеологической (христианской) нагрузки.

Группа V

НАБОРНЫЕ (ПЛЕТЕННЫЕ) ПОДВЕСКИ

В эту группу объединены шумящие зооморфные украшения (известны только изображения коня), изготовленные в своеобразной и сложной технике набора или «воскового вязания». Стиль «кружевного» литья, получивший широкое распространение в I—начале II тыс. н. э. у финно-угорских племен Волго-Окского междуречья, уходит своими истоками в глубокую древность: в памятниках восточных балтов Верхнего Поднепровья «кружевные» украшения появились еще в I тыс. до н. э. [Третьяков, 1970, с. 207—211], а в пъяноборскую эпоху (III—II вв. до н. э.—III в. н. э.) они начали изготавливаться и населением Прикамья [Горюнова, 1961, с. 30—32]. Для таких изделий характерно сочетание различных видов бронзовой проволоки — плетеных «косичек», витых или простых шнуров, спиралек — и зерни. Наборная техника заключалась в изготовлении сложных украшений из отдельных мелких деталей, отлитых в формах или свернутых и сплетенных из проволоки, которые соединялись затем с помощью спайки. При изготовлении в технике «воскового

литья» аналогичные изделия отливались из бронзы целиком по модели, вылепленной из воска и проволочных шнуров. Применялось также литье по оттиску в мягкой форме.⁵³

Наборные коньковые подвески поражают своим многообразием. Различия проявляются в иконографии изображения (принцип одно- и двуглавости), характере косооплетки и проволочных шнуров, образующих тулово коня, своеобразии их сочетания, форме декоративного выступа на спине (простая петля или выступ в виде треугольной пластинки, дисков и спиралей),⁵⁴ дополнительной орнаментации из простой или волнисто-изогнутой проволоки, зерни, скани и спиральных завитков, а также в способе соединения шумящих привесок с амулетом и типе самих привесок (табл. XIV—XVII). Вполне понятно, что мастер, изготовлявший такие «кружевные» амулеты в наборной технике, был полностью свободен в выборе и компоновке составных частей украшения, внося заметный элемент индивидуального творчества даже при литье подвесок по восковой модели.

В связи со сказанным возникает вопрос о возможностях дробной систематизации рассматриваемых украшений. В самое последнее время такая работа была проведена Л. А. Голубевой [1976, с. 67—82]. Исследовательница разделила все известные ей находки филигранных зооморфных подвесок на пять типов. В хронологические и территориальные рамки нашего свода входят изделия, отнесенные ею к третьему — «муромскому» (три варианта), четвертому — «мерянскому» (девять вариантов) и пятому типам.

Такая дробная классификация подвесок III—V типов (81 изделие — 13 вариантов) дает достаточно полное представление о разнообразии наборных изделий. Однако состояние источников делает эту классификацию во многом формальной. Большинство анализируемых украшений происходит из раскопок Владимирских курганов, произведенных в 1852—1854 гг. А. С. Уваровым, П. С. Савельевым и К. Н. Тихонравовым. Почти все они депаспортизованы, а следовательно, на их основе невозможно проследить эволюцию данной формы изделий. К тому же серии предметов, выделяемые по одному-двум общим признакам, не проявляют достаточно четких отличий при сопоставлении с соседними группами.⁵⁵ Исходя из этого подвески V группы рассматриваются нами суммарно, без их дополнительной классификации. Все они объединены в XVII тип. Некоторые особенности, характеризующие отдельные серии предметов, но недостаточные, на наш взгляд, для выделения последних в особые варианты, отмечены в тексте.

На рассматриваемой территории известно 78 на-

⁵³ В литературе справедливо отмечалась трудность выявления технологии плетеных изделий, которые, очевидно, уже после изготовления подвергались действию высокой температуры: рельефные части их наружных сторон кажутся округлыми, а внутренние оплавлены [Голубева, 1976, с. 78].

⁵⁴ Сами подвески прикреплялись к одежде с помощью петель, расположенных на их тыльной стороне.

⁵⁵ Нами была предпринята попытка установить взаимосвязь признаков на основе корреляционного метода типологической классификации. Можно говорить лишь о сходстве отдельных украшений, но не об устойчивых сериях, заметно отличающихся друг от друга.

борных коньковых подвесок.⁵⁶ Не менее семи аналогичных находок обнаружено в сопредельных областях: в землях мордвы (3 экз.), марийцев (3) и Прикамье (1 экз.). В отличие от многих других типов зооморфных украшений XVII тип имеет замкнутый ареал, концентрируясь в Ростово-Суздальской земле и окрестностях Мурома (рис. 9). Большинство подвесок найдено в Суздальском Ополе, в области расселения мери. Поэтому наборные амулеты часто называют коньками «владимирского» или «мерянского» типа.

За пределами очерченной территории одна подвеска обнаружена в Тихвинских курганах (Юго-Восточное Приладожье), одна — в бассейне р. Шексны (Зубарево), две — на Верхней Волге (Посады, Пекуново). Таким образом, лишь единичная находка из Приладожья оказалась на большом расстоянии от компактного района концентрации плетеных коньков. Но последнее обстоятельство вполне объясняется связями, существовавшими между населением Приладожья и Поволжья в конце I—начале II тыс. н. э., что хорошо документируется археологическими данными.⁵⁷

Довольно многочисленные находки наборных коньков в окрестностях г. Муром свидетельствуют о том, что данный тип подвесок был характерен не только для мери, но и для муромы. Л. А. Голубева отметила некоторые особенности коньков из Малышевского, Муромского, Подболотьевского и Корниловского могильников, позволившие выделить их в особый, «муромский» тип.

Действительно, большинство подвесок из муромских могильников довольно сходно между собой. Их основу составляют косооплетка или, реже, жгут и гладкая линия; все подвески просты по рисунку, дополнительная орнаментация их не отличается разнообразием и богатством (табл. XVI, 7; XVII, 5, 7, 8). Однако все эти признаки не абсолютны, а относительны: и у подвесок с мерянской территории, и у муромских находок налицо одни и те же общие признаки, только у первых они яркие, а у вторых несколько ослабленные.

Более существенным представляется другая особенность, наблюдаемая у части муромских подвесок. К некоторым из них припаяны тонкие стержни из спиральновитой проволоки с петлями, изображающими ноги коня (табл. XVI, 7; XVII, 8). Вполне вероятный прототип подвесок с «ножками» — филигранные коньки из Рязанско-Окского края [Голу-

⁵⁶ В указанную цифру входят находки из Владимирских курганов, сведения о которых содержатся в дневниках А. С. Уварова и П. С. Савельева. Учитывались все упоминания о коньках с шумящими привесками и коньках, найденных на плечах умерших, даже без их подробного описания. О принадлежности этих находок именно к наборным изделиям XVII типа свидетельствуют изучение отдельных «владимирских» коньков, сопоставляемых с погребальными комплексами, привлечение данных из публикаций Уварова, а также анализ коллекции шумящих коньков, в большинстве депаспортизованных, хранящихся в Государственном Историческом музее. Всего в коллекции из раскопок Уварова насчитывается 31 подвеска.

⁵⁷ В частности, в двух погребениях конца X в., исследованных на р. Паше [Бранденбург, 1895, с. 124—125, табл. III, 16] и в бассейне Тихвинки (Овино, группа I, кург. 8 — раскопки В. А. Назаренко), встречены плетеные подвески с прямоугольной основой и стилизованной конской головкой. Такие украшения являются характерным элементом культуры волго-окских племен и широко известны в памятниках мордвы и муромы.

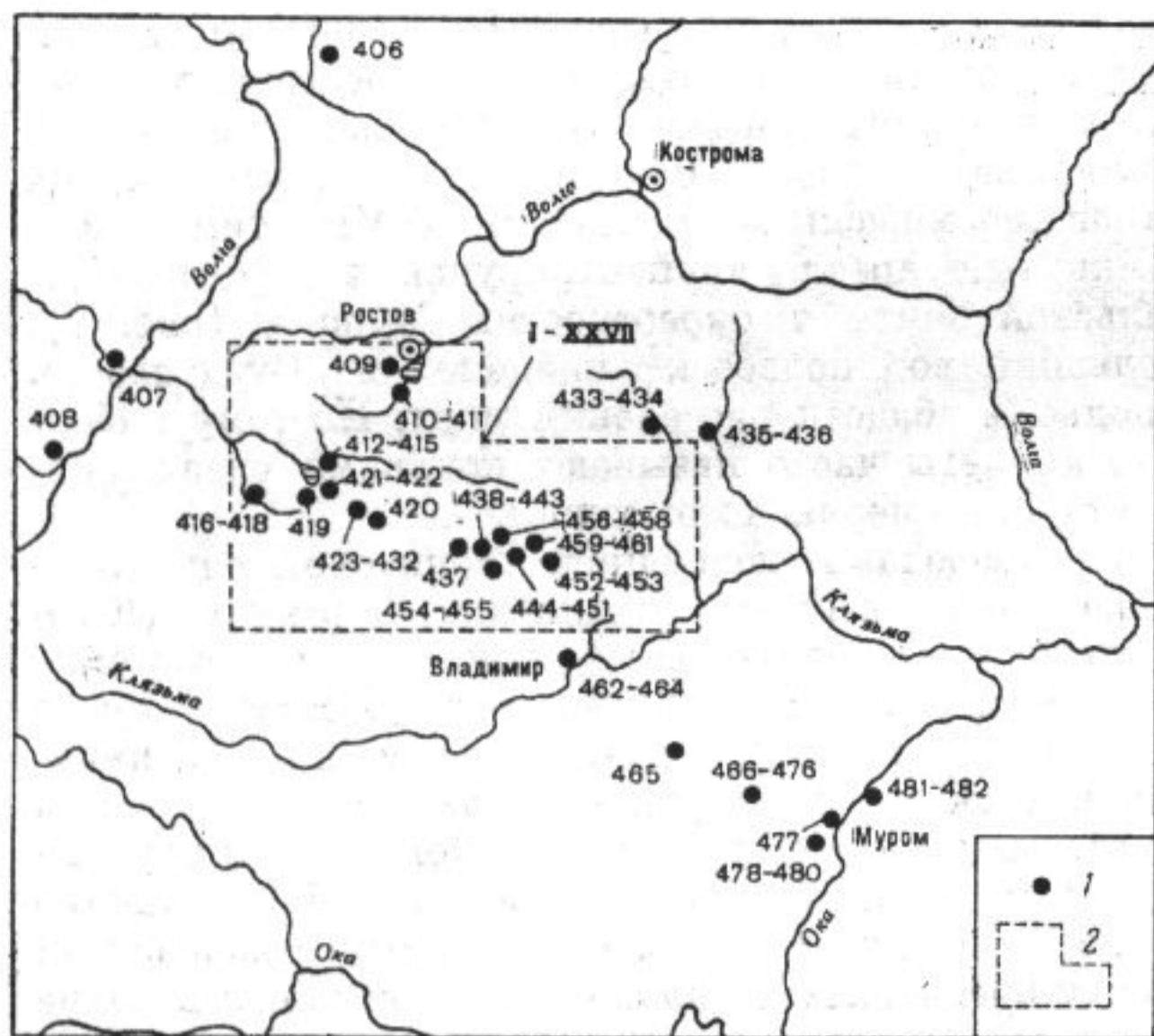

Рис. 9. Подвески V группы (тип XVII). Карта находок.

1 — места находок; 2 — район находок.

бева, 1976, с. 67—75]. На рассматриваемой территории известно 12 таких изделий, девять из которых обнаружено в муромских могильниках; кроме того, еще три находки встречены в памятниках мери (вариант 1 III типа и тип V — по классификации Л. А. Голубевой).⁵⁸ Таким образом, в области летописной муромы сосредоточено 60% подвесок с припаянными стержнями. Но здесь же найдено восемь наборных коньков без «ног», причем пять подвесок по своим пропорциям и рисунку полностью аналогичны вышеописанным изделиям.⁵⁹

Наборные коньки подразделяются на одноглавых и двуглавых. Последняя разновидность украшений не получила широкого распространения в землях Северо-Восточной Руси. Из 65 подвесок, доступных для изучения, лишь 10 снабжены разносмотрящими конскими головками. Интересна прослеживаемая тенденция в их распространении, значение которой, правда, крайне снижается из-за депаспортизации владимирских находок. Двуглавые подвески полностью отсутствуют в районе расселения муромы. Во Владимирской земле найдены 33 одноглавых и три двуглавых конька, т. е. последние составляют около 10% всех подвесок. На северных и северо-западных окраинах ареала плетеных амулетов наблюдается иная картина: здесь встречены пять одноглавых и пять двойных изображений. Создается впечатление, что удвоение зооморфного сюжета на под-

⁵⁸ В статье Л. А. Голубевой [1976] содержатся все необходимые сведения о находках коньковых подвесок за пределами рассматриваемой нами территории и приведена их библиография.

⁵⁹ Классификационный подход не исключает возможности выделения вариантов на основе одного ведущего признака, в частности по наличию или отсутствию «ног» у коньковых подвесок. Но в этом случае небольшая группа амулетов с припаянными стержнями будет противопоставлена всей остальной и крайне разнородной массе наборных коньков; кроме того, окажется искусственно разделенной часть муромских находок, близкое сходство между которыми по остальным признакам объясняется их изготовлением по единой модели.

весках более характерно для окраинных, северных районов их распространения.

Способ ношения подвесок прослеживается в 31 случае [Голубева, 1976, с. 81—82]. В муромских могильниках зафиксировано положение коньков на груди (два раза) и у пояса (один случай). В погр. 72 Малышевского могильника подвеска была обнаружена в туеске, поставленном рядом с умершей. В курганах Владимирской земли наборные украшения встречены преимущественно на груди (12 погребений) или плечах (10 погребений), а в шести случаях они были использованы, по-видимому, как поясные подвески.⁶⁰ Конек из погр. 7 могильника Сунгирь был положен в качестве дара в горшок. Это единственная находка подвесок XVII типа в мужском захоронении.

Как правило, в погребении встречается по одному коньку. Исключение составляют четыре находки парных подвесок в курганах Суздальского Ополя и две — в окрестностях Муром (причем в одном из муромских захоронений обнаружены даже три амулета). Все они представлены только одноглавыми изображениями.

Вопрос о времени бытования наборных коньков рассматривался в целом ряде работ. А. А. Спицын датировал находки из Владимирских курганов XI—XII вв. [1905а, с. 103], Е. И. Горюнова относит их к X—XI вв. [1961, с. 101—103, 194]. Хронология коньковых подвесок получила подробное и развернутое обоснование в работе Л. А. Голубевой; изучение нумизматических находок и всей совокупности вещевого материала из комплексов, содержащих наборные украшения, анализ погребального обряда позволили ей ограничить дату и муромской, и суздальской серии амулетов тоже X—XI вв. [1976, с. 77—78, 81]. Вряд ли будет целесообразно приводить здесь систему доказательств хронологии подвесок XVII типа, уже получившую освещение в археологической литературе. Отметим лишь, что довольно широкие временные рамки амулетов, предложенные Голубевой, наиболее отвечают современному состоянию источников.

Вместе с тем есть основания несколько сузить период распространения таких подвесок во Владимирской земле. В 33 курганных погребениях, обряд которых известен, найдено 37 наборных коньков: 29 лежали на костяках и лишь восемь (около 20% подвесок) сопровождали трупосожжения. Очевидно, что распространение шумящих коньков в курганной культуре относится к эпохе господства обряда ингумации и к заключительному этапу обряда трупосожжения. В восьми погребениях (в пяти случаях это были ингумированные останки умерших, в двух — обряд не определен, только один курган содержал захоронение по обряду сожжения)⁶¹ с такими находками встречены монеты X в. Погребения несожженных трупов с монетами X в. следует относить к первой половине XI в. В кургане у с. Весь конек (№ 452) сопровождал труположение, перекрытое сверху слоем кальцинированных костей; это также указывает на раннюю дату захоронения по обряду ингумации. Наборная подвеска, найденная в 1973 г.

⁶⁰ А. С. Уваров относил коньковые амулеты этого типа к числу поясных украшений [1910, с. 91].

⁶¹ Номера по каталогу: 407, 408, 412, 418, 427, 430—431, 439, 446.

на Сарском городище, происходит из слоя конца X—начала XI в. Шумящий конек из грунтовой могилы с парным трупосожжением у д. Новленской датируется по комплексу находок первой половиной XI в. [Горюнова, 1961, с. 124].

Все приведенные факты позволяют отнести наибольшее распространение коньков «владимирского» типа ко второй половине X—первой половине XI в. Наиболее поздние находки этих подвесок в Северо-Восточной Руси не выходят за конец XI—начало XII в.⁶² Диапазон их существования совпадает со временем появления и распространения в районе Владимирских курганов остальных элементов женского убора центральной группы мери [Рябинин, 1974а, с. 11].

Группа VI

ПОЛЫЕ ЗООМОРФНЫЕ ПОДВЕСКИ

В эту группу объединены полые (объемные) фигурки птиц, коней и баранов, исполненные в технике литья по восковой модели. Такая техника способствовала получению многообразных форм, появлению различных модификаций в стиле изображений и в их орнаментальных мотивах. Сложность классификации полых подвесок заключается в отсутствии четких границ между сериями изделий, в наличии переходных, промежуточных форм между ними. Вместе с тем это не исключает существования групп предметов, сближающихся по большинству своих признаков и имеющих достаточно четкие отличия от соседних групп полых амулетов. Иначе говоря, есть довольно компактные «ядра» (или основы типов), вокруг которых группируются изделия со смешанным набором признаков.

При типологическом делении полых подвесок мы исходили в первую очередь из выявления основных, ведущих элементов больших серий украшений, отбрасывая признаки второстепенные. Все амулеты VI группы разделены на три типа: XVIII—XX.

Тип XVIII включает объемные фигурки с ярко выраженными видовыми признаками птицы (утки, курочки). У основания амулетов имеются две петли для шумящих (как правило, лапчатых) привесок (у некоторых экземпляров петли отсутствуют). Подвески не орнаментированы или украшены жгутовым треугольным (в трех случаях — рельефным линейным) узором. Известны только одноглавые изображения.

Тип XX представлен полыми коньковыми подвесками.⁶³ Изображения характеризуются крупным туловом и высокой шеей. Грива передана проволоочной полоской, жгутом или колечками; уши выделены двумя колечками, развернутыми перпендику-

лярно к морде коня; хвост загнут в спираль. Вместо привесок-лапок появляются колокольчики, бубенчики, конические привески; они прикреплены уже не к двум, а к четырем—семи колечкам у основания амулетов, создавая шумящую «бахрому» украшений. Орнамент представлен волнистой выпуклой линией по бокам подвесок. Еще один яркий признак изделий XX типа — частое удвоение изображений (наряду с сериями одноглавых полых коньков известны серии тождественных по сумме признаков украшений, но уже с двумя разносмотрящими конскими головками).

Тип XIX — переходный. В литературе подвески данной группы известны под названием «коньков-птиц» (или «барашков»). Они сочетают в себе элементы изображения коня и птицы. По внешнему облику изделия XIX типа близко напоминают птицу (короткая шея с небольшой округлой головкой и заостренным клювом, овальное и широкое тулово). Но у них уже намечены уши из двух колечек, развернутых, правда, как правило, не перпендикулярно к голове изображения, а вдоль его плоскости. Грива отсутствует, но имеется загнутый в спираль хвост. К основанию фигурок прикреплены две—пять шумящих привесок, представленных в основном бубенчиками (в крайне редких случаях встречаются и привески-лапки). Орнамент такой же, как у зооморфных изображений XX типа, но двуглавые изображения отсутствуют.

Объемные зооморфные фигурки пользовались огромной популярностью у средневекового населения Восточной Европы. Об этом убедительно свидетельствуют цифровые данные (в землях Руси найдены 333 полые подвески) и обширная область их распространения (рис. 10; табл. 4).

Тип XVIII включает 75 северорусских подвесок, разделенных на шесть вариантов. Полые птицевидные амулеты, характеризующиеся рядом сходных черт, получили распространение в различных областях Восточной Европы и Прикамья. Не всегда их формальная близость определяется родством происхождения, возможно и параллельное, независимое развитие объемных подвесок-птичек; вследствие этого затруднительным оказывается включение некоторых серий изделий в конкретную эволюционную линию.

Вариант 1 объединяет изображения приземистых, как бы плывущих уток без шумящих привесок или с петлями для лапчатых привесок, расположенными поперек туловища.⁶⁴ Бока фигурок украшены жгутовой треугольной орнаментацией (табл. XVIII, 1—3).

Подвески варианта 1 имеют ограниченный район распространения. Из 20 амулетов, зафиксированных в северорусских землях, 18 найдено в Юго-Восточном Приладожье, один — в Северном Прионежье⁶⁵ и один — в Новгороде. Наибольшая концентрация

⁶² В XII в. появляются многочисленные курганные могильники в Костромском Поволжье. В материальной культуре этих памятников с сильной финно-угорской (мерянской) примесью коньки-«косоплетки» отсутствуют.

⁶³ Значительная стилизация некоторых объемных изображений данного типа не всегда позволяет с уверенностью отнести их к определенному виду зооморфных фигурок. Иногда подвески XX типа называют в археологической литературе «полыми уточками». Связь этих изображений с образом коня определяется лишь при сравнительном анализе всех объемных фигурок VI группы и корреляции общих признаков стилизованных изделий с классическими образцами, образующими «ядро» XX типа.

⁶⁴ Подразделение их на более дробные серии изделий по наличию или отсутствию шумящих привесок не представляется возможным: большинство находок происходит из трупосожжений и подверглось частичной деформации в огне погребального костра.

⁶⁵ Эта единственная находка из Прионежья несколько отличается от серии приладожских уток (табл. XVIII, 2). Петли для лапчатых привесок у нее расположены не поперек, а вдоль основания амулета; однако по остальным признакам она тесно сближается с другими изделиями варианта 1.

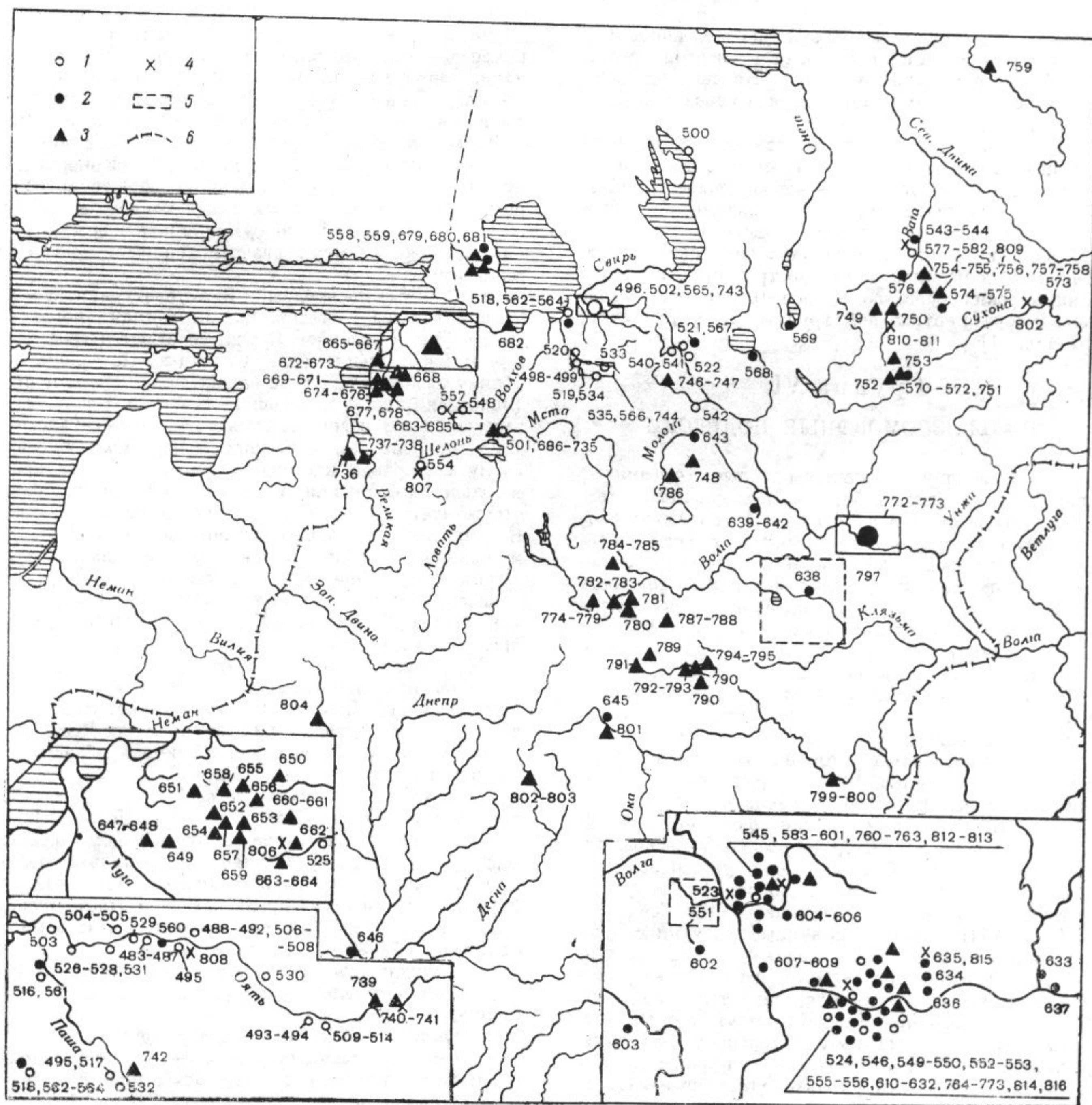

Рис. 10. Подвески VI группы (типы XVIII—XX). Карта находок.

Места находок подвесок: 1 — XVIII типа, 2 — XIX типа, 3 — XX типа, 4 — несерийных или неопределимых; 5 — районы находок; 6 — границы Руси XII—XIII вв.

уточек варианта 1 выявлена в бассейне р. Ояти, откуда происходит около 90% всех приладожских находок. Только здесь эти украшения встречены наборами из двух и даже пяти подвесок. За пределами рассматриваемой территории аналогичное изделие обнаружено в Верхнем Прикамье [Спицын, 1902, табл. VI, 18].⁶⁶

О ранней дате указанных находок свидетельствует их частая встречаемость в курганах с трупо-

сожжениями (70% всех подвесок из погребений). Семь полых уточек найдено вместе со скандинавскими фибулами X—начала XI в.,⁶⁷ четыре — с монетами X и конца X—начала XI в.⁶⁸ К началу XI в. относится подвеска из Новгорода. Наиболее вероятная дата изделий варианта 1 — вторая половина X—середина XI в.

Вариант 2 (22 экз.) — литые уточки с двумя подвижными лапками на восьмеркообразных или двой-

⁶⁶ Подвески, сходные с изделиями варианта 1, известны в древнемарийском погребении X в. Веселовского могильника [Архипов, 1973, с. 30, 66, 141, рис. 26, 2, 14].

⁶⁷ Фибулы типов 51, 55, 131 — по Я. Петерсену. Номера по каталогу: 485, 488—492, 497.

⁶⁸ Номера по каталогу: 483—484, 493—494.

Размещение подвесок VI группы

Место находки	XVIII							XIX	XX	Прочие	Всего
	1	2	3	4	5	6	прочие				
Северо-запад Новгородской земли	—	—	1	1	—	—	1	—	36	1	40
Новгород	1	—	—	—	—	—	—	—	50	—	51
Псковская обл.	—	—	—	—	—	1	—	—	3	1	5
Карелия (Приозерский р-н Ленинградской обл.)	—	—	—	—	—	—	—	2	3	—	5
Юго-Восточное Приладожье Ленинградской обл.	18	18	10	—	—	—	—	7	6	1	60
Прионежье	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	4
Вологодская обл.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Архангельская обл.	—	2	3	—	—	—	—	9	13	2	29
Костромское Поволжье	—	2	2	2	3	2	—	7	1	1	11
Ивановская обл.	—	—	1	—	—	—	—	55	14	5	85
Владимирская обл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Ярославская обл.	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2
Калининская обл.	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	4
Московская обл.	—	—	—	—	—	—	—	1	13	—	14
Рязанская обл. (Старая Рязань)	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	10
Смоленская обл.	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
Брянская обл. (Осовик)	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2
Минская обл. (Старое Борисово)	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
Киевская обл. (Чернобыль)	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Бывш. Екатеринославская губ. (Звоницкое)	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Неизвестно	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	2
Итого	20	22	23	3	3	3	1	89	158	11	333

ных взаимно перпендикулярных звеньях. Петли для шумящих привесок прикреплены по бокам изображений, вдоль тулова. У некоторых экземпляров имеется жгутовая треугольная орнаментация; хвост часто загнут вверх, а в двух случаях свернут в кольцо (табл. XVIII, 4—6).

18 подвесок обнаружено в Юго-Восточном Приладожье (около 70% этих изделий происходит из бассейна р. Ояти), две — в бассейне р. Суды, две — в Костромском Поволжье. За пределами Руси две подвески варианта 2 найдены на севере Швеции,⁶⁹ одна — на городище Билярск в Волжско-Камской Болгарии [АИА, Р-2, д. 1918, табл. XV, 18];⁷⁰ близкие по форме изделия, отличающиеся лишь наличием двух небольших роговидных выступов на голове изображений, были встречены на городищах бывш. Глазовского уезда Вятской губернии [Первухин, 1896, с. 125, табл. XIV, 13—15].⁷¹

Подвески данного варианта, как и все остальные серии украшений XVIII типа, находились в захоронениях по обряду ингумации. 10 экз. встречено вместе с монетами XI в.; наиболее поздние монеты почти во всех погребениях датируются второй половиной — концом этого столетия.⁷² Рассматриваемые подвески известны в погребениях и XI, и XII в. Время их бытования — вторая половина XI—XII в.

Вариант 3 (23 экз.) — неорнаментированные

⁶⁹ Встречены среди находок в Гротреске — жертвенном месте саамов XI—XII вв. [Arne, 1914, p. 107, fig. 81; Serping, 1956, tab. 41, 14a, 14b]. Эти зооморфные украшения явно попали на север Швеции из Приладожья.

⁷⁰ ГИМ, инв. 37415, оп. 948/6.

⁷¹ ГИМ, инв. 42548, хр. 15/42a.

⁷² Номера по каталогу: 506—514, 517.

изображения птичек, близкие изделиям варианта 2, но отличающиеся от них наличием гребешка на голове (табл. XVIII, 7—13; XIX, 1). 10 подвесок происходит из Приладожья, одна обнаружена на северо-западе Новгородской земли, а восемь — на более восточных территориях: в Вологодской, Архангельской и Костромской областях. За пределами Руси такие амулеты найдены в Перми [Ешевский, 1859, с. 132—140, рис. 10; Aspelin, 1876—1878, p. 156, fig. 704],⁷³ на рр. Сыsole (Коми АССР) [Лашук, 1959, с. 50—51, рис. 2] и Ветлуге [АИА, Р-1, д. 1971/4560, с. 121, рис. 91, 3].

В двух курганах птицевидные украшения встречены с монетами XI в.⁷⁴ Ряд комплексов с подобными находками датируется по вещевому материалу XI в., некоторые погребения относятся к XII в. Дата подвесок варианта 3 — XI—XII вв.

Вариант 4 (3 экз.) — изображения птичек, тулово которых украшено орнаментом из продольных рельефных линий, а гребешок передан длинной полоской с выпуклыми насечками; шумящие привески у них лапчатые (табл. XIX, 2). Две подвески найдены в курганах Костромского Поволжья и одна — в Новгородской земле. Обе костромские находки происходят из погребений, датируемых XII в. Полая уточка из Новгородчины встречена в комплексе XII в. Дата варианта 4 — XII в.

Вариант 5 (3 экз.) — птицевидные амулеты, хвост у которых выполнен в виде спиральновитого диска, гребешок отсутствует, шумящие привески конические и колоколовидные. Все три находки про-

⁷³ ГИМ, хр. Р13/35a.

⁷⁴ Номера по каталогу: 530, 532.

исходят из костромских курганных погребений XII в. и изготовлены, очевидно, на месте — в Костромском Поволжье.

Вариант 6 (3 экз.) представлен двумя подвесками из Костромского Поволжья и одной из бассейна р. Шелони. Их отличительной особенностью является необычное для северорусских изделий положение петель для шумящих привесок — колокольчиков и бубенчиков: они расположены не по бокам, а в передней части изображения (табл. XIX, 3). Эта деталь указывает на место их происхождения: птицевидные подвески с поперечными планками для шумящих привесок локализуются в восточных областях финно-угорского расселения, встречаясь на памятниках Волго-Камья [Архипов, 1973, с. 30, рис. 26, 1, 2; Спицын, 1902, табл. X, 1—4]. Северовосточное происхождение рассматриваемых изделий подтверждается, в частности, и тем, что две миниатюрные уточки из костромского погребения оказались прикрепленными к флаконовидной подвеске — украшению, характерному для камской чуди [Третьяков, 1931, с. 24].

Появление объемных птицевидных подвесок на рассматриваемой территории относится ко второй половине X в. Но уже в раннем железном веке они распространяются в Волго-Камье [см., например: Смирнов, 1952, с. 92, 257, табл. XVI, 3; XX, 17; 1961, с. 94—99, рис. 20, 3; 22, 2, 3]. Особенно интересны полые уточки «дубровического» типа, встреченные преимущественно на памятниках городищной культуры [Городцов, 1925, с. 10—15, рис. 10, 11; Атлас древностей..., 1941, табл. XXI, 10; Смирнов, Трубникова, 1965, с. 18, 33, табл. 12, 33; 16, 10—14; 19, 4]. По целому ряду признаков (общий облик фигурок, отсутствие шумящих привесок, характерная треугольная орнаментация из рельефных полосок) они близко напоминают ранние приладожские образцы варианта 1. На это сходство обратил внимание П. П. Ефименко, полагавший, что из городищных подвесок «в последующую эпоху развиваются те полые уточки и вообще этого типа фигурки, петушки, собачки, которые так распространены были в курганных и могильных древностях северной группы финнов от Прикамья до Финского залива» [1926, с. 70—71].

Вполне вероятно, что изображения полых уточек эпохи средневековья, известные в древнерусских землях, преимущественно связаны с наследием культурных традиций раннего железного века Поволжья. Установленная для уточек «дубровического» типа дата (II—III вв.) [Смирнов, 1961, с. 104] в настоящее время подвергнута пересмотру и значительно «омоложена» (VII в.) [Амброс, 1971]; дальнейший этап эволюции этих украшений, по-видимому, нашел свое отражение в появлении объемных птицевидных фигурок на памятниках X в. Поволжья. Вместе с тем нельзя исключать и возможность самостоятельного, параллельного развития сходных форм зооморфных изображений на разных территориях.

Положение подвесок в погребальных комплексах отмечено в 22 случаях: в двух погребениях они лежали отдельно вместе с другими украшениями и были завернуты в ткань, прикрыты корой; в пяти — находились на груди умершей; в двух — на плече; в двух — у руки; в 11 — на поясе и около тазовых костей. В Юго-Восточном Приладожье такие амулеты прикреплялись к одежде с помощью длинных

спиралей или кольчатых цепочек, иногда соединенных с поясным кольцом (№ 509—511) или нагрудной бляхой (№ 512—514).

Тип XIX. На рассматриваемой территории известно 89 подвесок этого типа; лишь 3 экз. найдены за пределами Руси: у с. Княж-Погост в окрестностях Сыктывкара [Aspelin, 1876—1878, p. 156, fig. 702],⁷⁵ в бывш. Пермской (д. Михалева) [Спицын, 1902, табл. VI, 7] и Вятской [Первухин, 1896, табл. XIV, 17]⁷⁶ губерниях. Таким образом, изделия XIX типа получили распространение лишь в древнерусских областях. Подвески, обнаруженные в Прикамье, имеют, как отметил еще А. А. Спицын, привозной характер [1902, с. 36].

Полые «коньки-птицы» (или «барашки») sporadически встречаются на огромной территории Восточноевропейского Севера. Вместе с тем отчетливо очерчивается район их наибольшей концентрации. Это в первую очередь Костромское Поволжье, где сосредоточено 60% всех известных находок (55 экз.). Девять подвесок найдено в Вологодской области, по семь амулетов — в Приладожье и бассейне Северной Двины. Очевидно, где-то в окрестностях Костромы находился и центр их производства.

«Коньки-птицы», изготовленные по восковой модели, не отличаются полным однообразием, хотя и сближаются по большинству признаков (табл. XIX, 4—14; XX, 1—11).⁷⁷ Можно, правда, выделить несколько серий стандартных украшений, явно изготовленных по одной модели, но границы между такими сериями неопределенны и неустойчивы. Почти все подвески покрыты волнистой орнаментацией. Лишь два «барашка» не имеют орнамента (табл. XIX, 10),⁷⁸ а четыре северорусские находки украшены узором из двойных спиралей — разновидностью той же волнистой (зигзаговой) орнаментации;⁷⁹ аналогичный узор встречен на двух подвесках из Княж-Погоста и бывшей Вятской губернии (табл. XX, 1).

У основания «коньков-птиц» имеются две-три или пять петель, к которым прикреплены на восьмеркообразных или двух взаимно перпендикулярных звеньях бубенчики (колокольчики). Лишь у двух амулетов из Приладожья и одного из Карелии шумящие привески заменены лапками (табл. XIX, 5). Различия в количестве петель для привесок на форму самого изделия не влияют.

Подвески XIX типа, обнаруженные в курганных погребениях Приладожья, датируются XII в.⁸⁰ К этому же времени относятся аналогичные находки в Вологодской области. По заключению П. Н. Третьякова, полые «коньки-птицы» характерны лишь для третьей, наиболее поздней группы курганных погребений Костромского Поволжья (конец XIII — начало XIV в.), хотя единичные их экземпляры попадаются и в первых двух группах (вторая половина

⁷⁵ ГЭ, ОИПК, инв. 652/10.

⁷⁶ ГИМ, инв. 42548, хр. 109/76.

⁷⁷ Большинство подвесок изготовлено из меди. Известны серебряные и биллоновые изделия (номера по каталогу: 614, 616, 628, 631, 636, 638, 641).

⁷⁸ Номера по каталогу: 573, 640. Подвеска из кургана у с. Кривец (табл. XIX, 10) по своим деталям сближается с полый литой фигуркой XII—XIII вв., найденной в Финляндии [Sarvas, 1971, s. 55, k. 2].

⁷⁹ Номера по каталогу: 565, 569, 612, 619, 628.

⁸⁰ Так же определяет время их бытования и С. И. Кочуркина [1973, с. 37—38].

XII—XIII в.) [1931, с. 21—26]. Однако анализ погребальных комплексов с такими находками показывает, что в Костромском Поволжье подвески XIX типа были распространены не только в XIII, но и в XII в.; никакого запаздывания по сравнению с приладожско-вологодской серией изделий не наблюдается. Наиболее ранние экземпляры «барашков» появляются в костромских могильниках еще в первой половине—середине XII в. Эта дата устанавливается, в частности, по инвентарю погребения в пустоши Кубасовой (№ 628), включавшему золоченные цилиндрические бусы конца X—начала XII в., украшения XII в., и комплексу находок из Кочергинского могильника (№ 632), содержащему колоколовидные подвески X—XI вв., бубенчики конца XI—XII в. и местные типы изделий XII в. Большинство же полых «коньков-птиц» встречено в погребениях, датируемых XII—XIII вв. На то, что такие украшения были в употреблении и в XIII в., указывает, в частности, находка из Чернобыльского кладя (№ 646), зарытого около 1240 г. Общая дата подвесок XIX типа — XII—XIII вв.

Положение украшений на теле установлено в 46 случаях. Большинство их найдено на поясе или у тазовых костей умерших, т. е. использовалось в качестве поясных украшений. В трех случаях «коньки-птицы» обнаружены на груди, в двух — были положены в футляр рядом с захоронением. Лишь в могильнике у с. Кривец зафиксировано расположение подвесок около браслетов, к которым они, очевидно, прикреплялись (два погребения), а в одном случае — у виска костяка.

Тип XX. На рассматриваемой территории известно 159 полых коньковых подвесок этого типа. Кроме того, не менее 10 подвесок найдено в Коми АССР на рр. Выми⁸¹ и Лузе,⁸² девять — в Прикамье,⁸³ три — в городских центрах Волго-Камской Болгарии,⁸⁴ два — в Финляндии,⁸⁵ девять — в Эстонии⁸⁶ и не менее 16 — на территории Латвии (преимущественно на памятниках ливов).⁸⁷ Всего нами учтено 207 изделий XX типа.

У всех коньковых амулетов сохраняются основные общие признаки: крупное тулово, длинная шея,

вытянутая голова, петли у основания фигурок, волнистая боковая орнаментация. Различия проявляются прежде всего в характере исполнения головы и гривы коня, а также в наличии одно-двуглавых изображений.

По особенностям трактовки головы и гривы животного большинство рассматриваемых изделий разделено на восемь серий (или разновидностей); в них входят и двуглавые изображения, представляющие в ряде случаев простое удвоение определенных форм одноглавых подвесок (отмечены литерами «а» и «б»). Дифференциация амулетов на серии имеет рабочий характер (рис. 11):

Серия	Номера по каталогу
1а	652, 662, 671, 672, 689, 698, 699, 707, 708, 712, 714, 715, 730, 731, 736, 759, 797, 801, 802
1б	650, 668—670, 687, 692—694, 701, 710, 711, 717, 721, 725—729, 734
2а	654—656, 659, 686, 690, 691, 697, 700, 705, 706, 716, 720, 722, 735, 746, 799—800
2б	666, 704, 719, 723, 748
3а	674, 702, 739, 740, 744, 760, 766, 771, 772, 803
3б	647—649, 663, 665, 676, 677, 679, 683—684, 713, 743, 744—779
4	667, 673, 675, 678, 682, 724, 747, 750—752
5а	703
5б	660—661
6а	761—762, 767, 773, 780, 782—786, 792—796
6б	791
7	695, 757, 758, 798
8	651, 681, 696, 718, 765, 781

Ареал подвесок XX типа — огромные территории Руси и прилегающие районы. По своему распространению эти амулеты могут быть сопоставлены лишь с пластинчатыми «обычными» коньками XIV типа. Особенно примечательно скопление полых коньков в крупнейшем центре Северо-Западной Руси — Великом Новгороде. Здесь, по данным, любезно предоставленным нам М. В. Седовой, за период до 1972 г., найдено 50 подвесок XX типа. Такая концентрация зооморфных украшений одной формы резко выделяет Новгород из числа всех поселений Восточной Европы. Достаточно сказать, что в ходе работ Новгородской экспедиции, исследовавшей лишь часть этого средневекового центра, встречено 32% коньковых полых подвесок, известных на территории Древней Руси, или около 25% всех учтенных украшений XX типа.

Нами уже высказывалось предположение о возможности изготовления части коньковых подвесок в самом Новгороде. Одним из путей дальнейшего исследования их производства являются поиски близких по изготовлению и деталям изделий, которые могли быть выполнены по единому шаблону [Рябинин, 1974б, с. 60—61]. Выделение устойчивых серий изделий и привлечение самих новгородских находок позволяют вновь вернуться к данному вопросу.

Наиболее характерными являются стандартные серии подвесок: 1а—1б, 2а—2б, составляющие 83% всех определяемых находок из Новгорода (табл. 5).

Серия 1а представлена одноглавыми изображениями, грива у которых передана пластинчатой полоской или жгутом, а голова имеет вид вертикально сплюсненной пластинки (табл. XXI, 1, 4; XXV, 1, 2). 50% древнерусских находок сосредоточено в Новгороде, 30% — на северо-западе Новгородской и

⁸¹ Биджыдзельский могильник [Савельева, 1971, с. 213, табл. 35, 12].

⁸² Лоемский могильник [Савельева, 1972, табл. 11, 9, 16; 12, 6; 14, 15; 16, 1; 17, 9, 10, 18; 18, 1, 9].

⁸³ Бывш. Пермская губерния и бассейн р. Иньвы [Аспелин, 1876—1878, р. 156, fig. 700—701]; д. Мазунина [Теплоухов, 1897, табл. XIII, 1]; с. Котловка [Нефедов, 1899б, с. 44, табл. 12, 7]; д. Елева [Спицын, 1902, с. 36, табл. VI, 10]; бывш. Чердынский уезд Пермской губернии (картогекса ГИМ, оп. 742); бывш. Казанская и Вятская губернии (ГИМ, инв. 9917/III, оп. 1443/1, 6, хр. Р 21/43а); бывш. Уржумский уезд Вятской губернии (фотоарх. ЛОИА, Q 458 : 22).

⁸⁴ Болгар [Атлас..., 1876, табл. X, 10] (ГИМ, инв. 4452, оп. 1489/1, хр. 119/18а); Билярское городище (ГИМ, хр. Р 13/35а) [Ешевский, 1859, с. 140, рис. 11].

⁸⁵ Могильник Тууккала [Heikel, 1889, s. 197, 212, k. 73—74].

⁸⁶ Могильник Йлууга, погр. XXVI, XLIII, LI (ИИЭ, инв. 4008 : 194, 260, 324); могильник Кюремаэ-Пюхтицы [Висковатов, 1894, с. 237—244] (ГИМ, инв. 28972-81, хр. 4/18б); Вилтина [Мугуревич, 1965, с. 93].

⁸⁷ Мартыньсала (данные Э. С. Мугуревича и А. Э. Зарина); Рига (Музей истории г. Риги и мореходства, экспозиция); Вецгулбене [Latviešu vēsture, 1938, р. 151, fig. 6]; Лиелварде (МИЛ, CVVM, 62443, А 4287); Икшпиле, Лаукскола, Трепе, Даниловка, Айззери, Яунбембери (сведения В. А. Уртана) [Zariņa, 1974, р. 242—251].

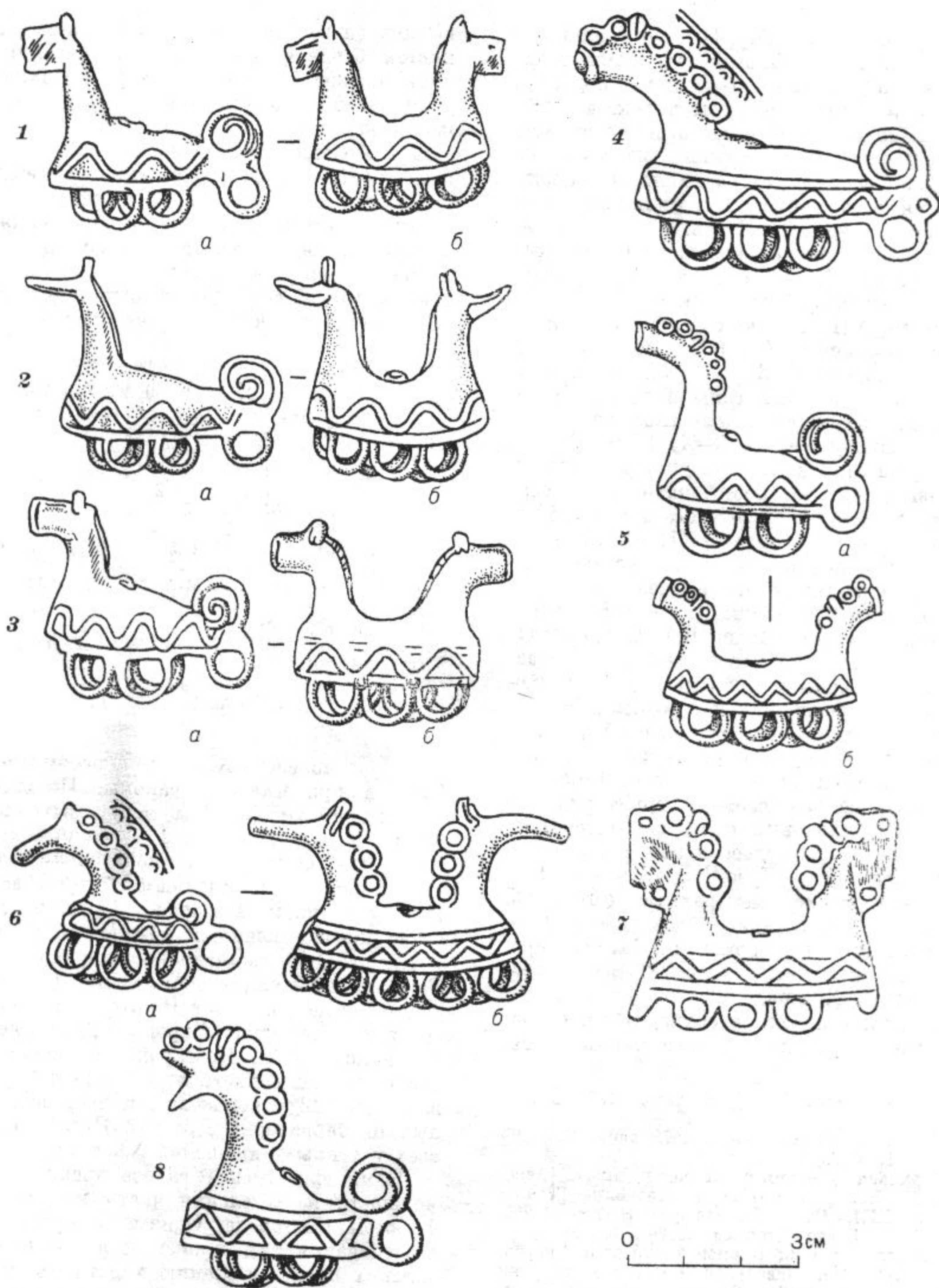

Рис. 11. Серии (разновидности) подвесок XX типа.

Обозначения см. в тексте.

Псковской земель. Отдельные подвески встречены на Смоленщине и Брянщине, в бассейне р. Пинеги и Суздальском Ополье. Еще два аналогичных изделия обнаружены в Прикамье.

Серия 1б включает такие же, но двойные изображения (табл. XXI, 2, 3, 5—7). 88% древнерусских находок происходит из Новгорода, остальные найдены на северо-западе Новгородской земли. За пределами рассматриваемой территории два двуглавых

конька встречены в Лоемском грунтовом могильнике на р. Лузе (бассейн Северной Двины). Одна из этих подвесок находилась в комплексе с многобусинными височными кольцами — характерным элементом культуры населения Водской пятины [Савельева, 1972, с. 12, табл. 11].

Серия 2а представлена изображениями с одной головой, имеющей вид узкой пластинки или заостренной трубочки (табл. XXI, 8, 9; XXII, 1, 2).

Размещение подвесок XX типа

Место находки	Серия													Прочие	Всего
	1а	1б	2а	2б	3а	3б	4	5а	5б	6а	6б	7	8		
Северо-запад Новгородской земли	4	4	4	1	1	10	5	—	2	—	—	—	1	5	37
Новгород	10	15	11	3	1	1	2	1	—	—	—	1	2	3	50
Псковская обл.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3
Карелия (Приозерский р-н Ленинградской обл.)	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	3
Юго-Восточное Приладожье	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	2	6
Вологодская обл.	—	—	1	1	—	—	4	—	—	—	—	2	—	5	13
Архангельская обл.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Костромское Поволжье	—	—	—	—	4	—	—	—	—	4	—	—	1	5	14
Бывш. Владимирская губ.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Московская обл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1	—	—	4	10
Калининская обл.	—	—	—	—	—	6	—	—	—	6	—	—	1	—	13
Рязанская обл. (Старая Рязань)	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Смоленская обл. (Рубоное озеро)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Брянская обл. (Осовик)	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Минская обл. (Старое Борисово)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Бывш. Екатеринославская губ. (Звоницкое)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Неизвестно	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Итого	20	19	18	5	10	19	11	1	2	15	1	4	6	28	159

61% древнерусских находок происходит из Новгорода, 22% встречено в Водской земле, три подвески — в бассейне р. Шексны и на Старорязанском городище. За пределами Руси три подвески обнаружены в землях перми вычегодской, камской чуди и на городище Болгар.

Серия 2б объединяет сходные по деталям, но двухголовые изображения. На рассматриваемой территории известно всего пять подвесок этой серии, три из которых найдены в Новгороде, одна — в его окрестностях и одна — на городище Крестцы в бассейне р. Мологи.

Серия 3а представлена 10 коньковыми амулетами с одной головой в виде крупной трубочки с прямо срезанной передней частью (табл. XXII, 4). Из них лишь одна найдена в самом Новгороде, другая — в его северо-западных владениях. Остальные древнерусские находки обнаружены в Костромском Поволжье и Приладожье, а одна — на городище Осовик в Брянской области. Амулеты серии 3а получили распространение в Прибалтике: не менее четырех подвесок встречено в могильниках Эстонии (Йбуга, Кюремаэ), свыше семи — на территории Латвии (Рига, Мартыньсала, Вецгулбене). Кроме того, два аналогичных изделия происходят из Финляндии и Прикамья.

Серия 3б объединяет такие же изделия, но характеризующиеся удвоением зооморфного сюжета (табл. XXII, 3). Из 19 древнерусских подвесок этой серии свыше 50% найдено в северо-западных владениях Новгорода и одна — в самом городе. По одной подвеске обнаружено в Прикамье и Приладожье, шесть амулетов входило в составклада у д. Мужичево (Тверское Поволжье).

Изделия серий 3а—3б менее стандартны, чем

вышерассмотренные. Возможно еще более дробное их деление, позволяющее выявить продукцию, изготовленную по одной модели. В группе 3а к числу таких полностью тождественных отливок относятся подвески из Новгорода (№ 702) и могильника Кюремаэ к западу от р. Нарвы; Приладожья (№ 740) и Костромского Поволжья (№ 772); Приладожья (№ 739) и Латвии, а также Эстонии. В серии 3б стандартную группу образуют почти все находки из северо-западных земель Великого Новгорода и самого Новгорода, а также полые коньки из Северо-Восточной Эстонии; лишь две подвески, найденные в окрестностях Новгорода, несколько отличаются от них по своим деталям, сближаясь в то же время с полыми коньками изклада у д. Мужичево (№ 774—779). Полное совпадение обнаруживают находки, встреченные в бассейне р. Папи (№ 743) и Прикамье [Aspelin, 1876—1878, fig. 701].

Серия 4 представлена крупными одноглавыми фигурками коней с вытянутой изогнутой шеей, закругленной мордой и кольчатой гривой, которой украшена и голова, и шея животного. Все эти изображения довольно стандартны, а большинство их тождественно по всей сумме признаков (табл. XXII, 5—7). На рассматриваемой территории известно 11 экз. данной серии, причем свыше 60% найдено в Новгороде и его северо-западных владениях. Остальные подвески происходят из бассейнов рек Шексны, Сухоны и Ваги. Одна такая же коньковая фигурка, несомненно изготовленная в Новгородской земле, встречена в Финляндии, одна — на р. Иньве в Прикамье и две — в Лоемском могильнике.

Серия 5а включает одноглавые изображения с высокой прямой шеей и трубчатой головой, украшенными кольчатой гривой. Одна такая подвеска найдена в Новгороде, вторая, полностью аналогич-

ная, — в грунтовом могильнике у с. Котловка на правом берегу Камы.

Серия 5б объединяет удвоенные амулеты предшествующей группы; в нее входят две подвески, найденные в Водской земле Великого Новгорода.

Серия 6а характеризуется наличием у изображений изогнутой узкой шеи, трубчатой или заостренной клювовидной головы и кольчатой гривы, которая покрывает лишь шею фигурки (табл. XXIII, 1—4; XXV, 4—7). Из 15 подвесок, встреченных на рассматриваемой территории, ни одного экземпляра не было найдено в Новгороде или его северо-западных землях. Ареал этой серии четко ограничен Костромским Поволжьем, Московской и Калининской областями. За пределами Руси известны только две такие подвески (бывш. Казанская и Вятская губернии).

Серия 6б представлена единственной двуглавой привеской такой же формы, как экземпляры серии 6а, также найденной в Московской области (табл. XXIII, 5).

Серия 7 представлена пятью подвесками, четыре из которых встречены в землях Руси. Это двуглавые коньковые изображения с кольчатой гривой, головы у которых имеют вид вертикально расположенной и прямо срезанной в передней части пластинки (табл. XXIII, 8). Все украшения полностью стандартны и отлиты по одной модели. Одна подвеска найдена в Новгороде, две — на р. Кокшеньге, в западной части бассейна Северной Двины. Еще одна происходит из Лоемского могильника, расположенного в восточной части того же бассейна.

Серия 8 включает одноглавые изображения с кольчатой гривой и раскрытой пастью (табл. XXIV, 1—4; XXV, 3). На рассматриваемой территории известно шесть таких «кричащих» фигурок, не менее трех — за ее пределами (Лоемский могильник, Мартыньсала, Кюремаэ). Из их числа выделяются четыре украшения, несомненно изготовленных по единому шаблону: два — из Новгорода, одно — из Тиверска (Карелия) и одно — из Кюремаэ.

Обзор разновидностей полых коньков XX типа позволяет заключить, что часть стандартных серий подвесок действительно изготавливалась в самом Новгороде и распространялась оттуда на соседние территории.⁸⁸ К числу таких «новгородских» серий относятся группы 1а—1б, 2а—2б, 4, 5а—5б, 7 и стандартные образцы серии 8. В общей сложности они составляют 63% определимых древнерусских находок и свыше 50% всех изученных подвесок XX типа. Остальные украшения являются, по-видимому, местными переработками новгородских образцов или самобытными изделиями. Не исключено, что в Новгороде изготавливались и некоторые иные разновидности полых коньковых подвесок, что не получило, однако, достаточно четкого подтверждения в рассматриваемом материале.

⁸⁸ Это не исключает, разумеется, использования подвесок в качестве оберегов и жителями самого Новгорода, в первую очередь выходцами из чуждских областей Руси. Пребывание представителей финноязычного населения в Новгороде зафиксировано письменными источниками и подтверждается археологическими данными [Седова, 1959, с. 261]. На факт использования амулетов XX типа в самом Новгороде указывает, в частности, находка двух подвесок с продетыми сквозь них кожаными шнурами.

В связи с этим крайне важным явилось бы проведение металлографического анализа изделий. Можно лишь указать на одно интересное обстоятельство. Все новгородские находки сделаны из бронзы. Этот же металл применялся при литье и большинства остальных коньковых подвесок. Вместе с тем выделяется группа украшений, изготовленных из серебра или биллона.⁸⁹ Примечательно, что почти все такие украшения относятся или к числу несерийных отливок, или к сериям, не получившим распространения в Новгороде (3а—3б).

Удвоение зооморфного сюжета на подвесках XX типа наиболее ярко представлено в Новгороде и его северо-западных землях, где сосредоточено около 80% всех древнерусских двухголовых изображений. Что касается более восточных территорий (Костромское Поволжье, Московская и Калининская области), то здесь и на серийных, и на индивидуальных отливках наблюдается тенденция к созданию дополнительной орнаментации (в первую очередь это выражается в появлении у подвесок кольчатой гривы).

Время бытования подвесок XX типа определяется по материалам древнего Новгорода (рис. 12). Наиболее ранние экземпляры найдены в слое конца XII в., самые поздние относятся к концу XIV—началу XV в. Период их наибольшего распространения в Новгороде — 1250—1350 гг. (63% всех датированных находок). И одноглавые, и двуглавые изображения существовали одновременно. Преемственной, эволюционной смены выделенных серий объемных подвесок на новгородском материале не выявляется.

Хронология украшений XX типа уточняется и по находкам аналогичных изделий в слоях других древнерусских поселений. Так, амулет серии 4 найден в слое XIV в. древнего Орешка. Две подвески серии 2а обнаружены на Старорязанском городище, погибшем в 1237 г.; изделия серий 1а и 3а встречены в слое конца XII—начала XIII в. городища Осовик. Установленная дата бытования полых коньков в Новгороде полностью совпадает с хронологией таких же изделий, известных в Прибалтике и являющихся, по заключению латвийских археологов, предметом импорта из русских земель [Мугуревич, 1965, с. 93; Zariņa, 1974, р. 254].

Существующие возможности датировки курганных находок, как правило, не только не позволяют разделить подвески XIII и XIV вв., но и провести границу между древностями XII—XIII и XIII—XIV вв. Поэтому при определении более узкой хронологии находок, помещенных в каталог, мы вынуждены были привлекать косвенные данные о времени их распространения в курганной культуре. Так, для северо-западных областей Новгородской земли, где сконцентрированы преимущественно подвески «новгородских» серий, а курганно-жальничный обряд погребения доживает до XV—XVI вв., вполне оправдан и сдвиг их верхней хронологической границы до XIV в. включительно. На соседних территориях обычай захоронения умерших под насыпями прекращается в основном в XIII в. Следовательно, этим столетием можно, по-видимому, ограничить и верхнюю дату зооморфных украшений.

⁸⁹ Номера по каталогу: 731—733, 756, 757, 760—762, 776—771, 794—796.

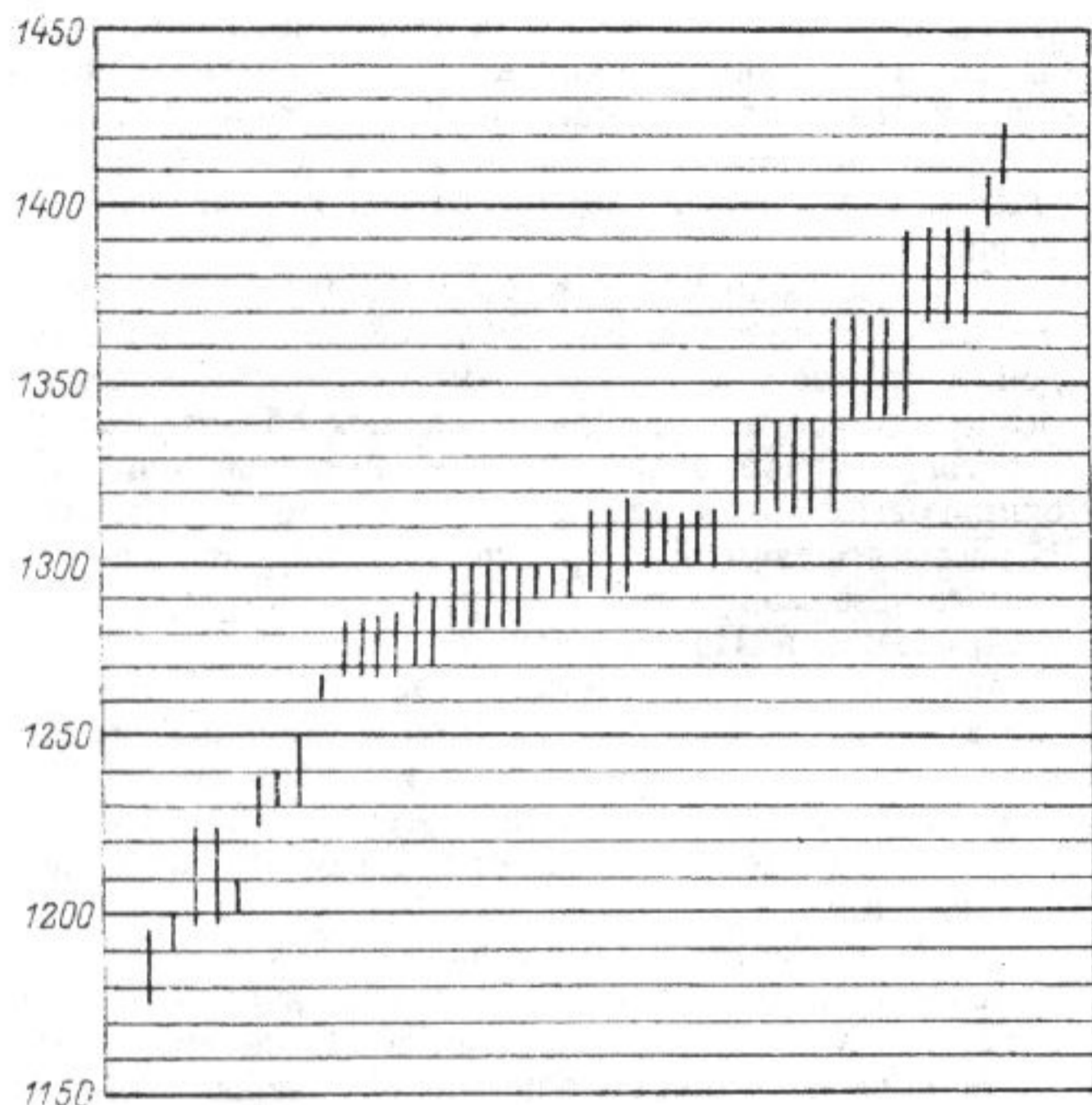

Рис. 12. Хронология подвесок XX типа из Новгорода.
По вертикали — годы.

Нижний хронологический рубеж находок определяется в зависимости от самой разновидности вещи: «новгородские» серии появляются лишь с конца XII в., местные и довольно многочисленные изделия XX типа следует датировать в широких рамках — XII—XIII вв. (не исключено, что последние могли изготавливаться и в несколько более раннее время, чем выработанные «новгородские» образцы).

Положение коньковых подвесок на теле умерших зафиксировано в 36 случаях. В 13 погребениях коньки находились на груди, в 13 — в области пояса, в семи — у тазовых костей, в двух — у бедра; в одном захоронении, исследованном в Северо-Восточном Причудье, подвеска встречена на шее умершей (№ 670). Коньковые амулеты, исходя из этих данных, являлись преимущественно украшением пояса. В восьми погребениях найдено по две такие подвески. Лишь в трех курганах коньки оказались прикрепленными к цепочке (№ 652, 665—666, 765), а в одном — к низке бронзовых бус (№ 761—762). Судя по новгородским аналогиям, они, видимо, подвешивались к одежде с помощью кожаного ремешка (или шнурка), пропускавшегося через сквозные отверстия в верхней части амулета.

Вне выделенных серий оказалось девять объемных литых фигурок, испытавших значительную ремесленную переработку. Коньковая подвеска из могильника у д. Старо-Сиверской, в Водской земле, украшена не волнистой, а линейной рельефной орнаментацией (табл. XXV, 8). Такие же, но идущие наклонно линии покрывают фигурку конька с раскрытой пастью и кольчатой гривой из Костромского Поволжья (табл. XXIV, 6). В бассейне р. Шелони и Приладожье обнаружены амулеты, по своему внешнему облику напоминающие барана (№ 807, 808; табл. XXIV, 8). Из курганов Костромского Поволжья происходят три зооморфные фигурки, украшенные выпуклой кружковой орнамен-

тацией (№ 812—814; табл. XXIV, 7). Две из них, встреченные в погребении у д. Тимонино, изготовлены по одной модели. Такая же орнаментация представлена и на коньковой подвеске с Васильевского городища на р. Ваге (№ 809). Это, пожалуй, наиболее украшенная полая фигурка: шея и тулово у нее покрыты сплошным узором из рельефных кружков, причем по бокам орнамент идет в два пояса; к верхней части изображения также припаяны колечки. Орнаментальный узор в два яруса не получил распространения. Известны лишь две подвески — из Приладожья (№ 742) и Латвии [Zaigā, 1974, p. 244, fig. 1, 5], тулово у которых покрыто двумя рядами волнистых линий.

Еще одна несерийная объемная фигурка из Костромского края относится к числу птицевидных изображений. Хвост у амулета имеет вид полукруга, к которому припаяны дополнительные колечки, а тулово орнаментировано рельефными выпуклыми линиями (табл. XXV, 9). Близкая аналогия этой подвеске известна в Финляндии на памятнике XII—XIII вв. [Sarvas, 1971, s. 55, k. 2].

Группа VII

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И ИХ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПОДРАЖАНИЯ

Данная группа крайне немногочисленна и насчитывает всего 15 экз. Основная часть находок происходит из курганного могильника у с. Влазовичи, исследованного в области расселения радимичей (рис. 13). В кург. XLI было найдено пять костяных уточек, лежавших у голени левой ноги умершей. В кург. XXV — еще четыре птицевидные подвески, также оказавшиеся между ногами костяка; вместе с ними находились зуб и коготь медведя. Автор раскопок П. М. Еременко отметил в своих отчетах, что все подвески изготовлены из кости [АЛОИА, ф. 1, д. 1891/50, л. 32; д. 1894/103, л. 59]. Однако в коллекции Государственного Исторического музея хранятся как костяные, так и бронзовые литые уточки (2 экз.), происходящие из кург. XXV;⁹⁰ последние полностью повторяют форму костяных украшений.

Радимичские уточки несколько отличаются друг от друга по деталям оформления головы. Но все они имеют плоское основание, выгнутую книзу шею и заостренное к хвосту тулово; в средней части амулетов просверлено сквозное отверстие (табл. XXV, 10—13).

Полностью аналогичная подвеска обнаружена в сравнительно недавнее время в районе г. Трубчевска Брянской области. В кург. 4 у с. Кветунь костяная уточка входила в набор амулетов, включавших, в частности, бронзовую ложечку и располагавшихся у левой руки умершей. Еще одна уточка, литая из бронзы и несколько отличающаяся от вышерассмотренных изделий по оформлению шеи, встречена в могильнике у с. Колчина, на правом берегу р. Болвы (приток р. Десны). Подвеска также была частью набора амулетов и найдена у плеча костяка (табл. XXV, 15).

⁹⁰ ГИМ, инв. 32884, хр. 121/27а.

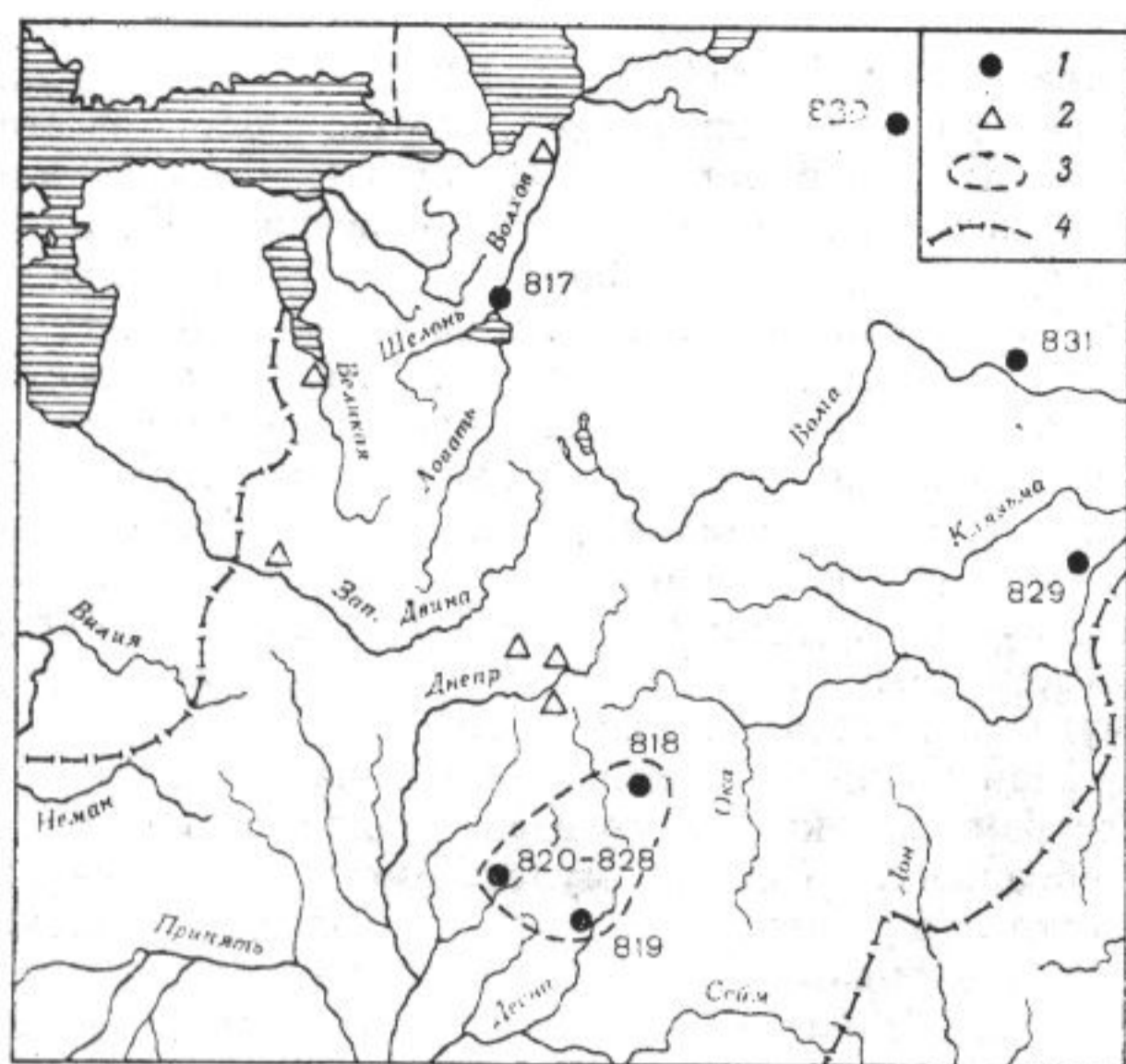

Рис. 13. Подвески VII группы. Карта находок.

Места находок подвесок: 1 — VII группы, 2 — костяных уточек VII—IX вв.; 3 — ареал уточек радимичского типа; 4 — границы Руси XII—XIII вв.

Все эти птицевидные украшения имеют довольно ограниченный ареал, концентрируясь в восточной части Днепровского бассейна.⁹¹ Датируются они XI—XII вв. К северу от них еще одна костяная уточка с плоским основанием, вытянутой шеей и вертикальным сквозным отверстием обнаружена на Славенском конце в Новгороде (табл. XXV, 14). Она залегала во втором слое, датированном А. В. Арциховским XIV—XVII вв. [1949, с. 123, 142—144, рис. 17, 2].⁹² Еще одно птицевидное изделие из кости встречено при раскопках муромского Тумовского селища IX—XI вв. (№ 829).

Особое место среди амулетов VII группы занимают две миниатюрные костяные фигурки, найденные в Вологодской и Костромской областях (№ 830, 831; табл. XXIV, 9). Они крайне близки друг другу. Большая стилизация изображений затрудняет определение зооморфного сюжета; существует мнение, что это двуглавые конские подвески.⁹³ Конская фигурка из грунтового погребения у д. Погостище найдена на груди костяка вместе с другими украшениями финно-угорских типов. В Боровиковском курганном могильнике такая находка обнаружена около тазовых костей. Оба погребальных комплекса датируются XII в.

Точные аналогии этим изделиям известны на р. Чепце. Такие стилизованные фигурки были навершиями орнаментированных костяных копоушек.⁹⁴

⁹¹ В работах Б. А. Рыбакова и В. В. Седова имеются указания на находки подобных амулетов в Нисимовичах, также расположенных в зоне радимичского расселения [Рыбаков, 1932, с. 93; Седов, 1970, с. 140].

⁹² Скорее всего зооморфная подвеска попала в этот слой из более ранних культурных отложений.

⁹³ Так определил костромскую находку Н. М. Бекаревич [1901, с. 375]. Аналогичное заключение было высказано Л. А. Голубевой и по поводу фигурки из Вологодской области [1962, с. 73—75].

⁹⁴ Такие копоушки найдены на городище Идна-Кар [АЛОИА, ф. 2, д. 1929/156, л. 15—16]; одна из них опубликована А. П. Смирновым [1952, табл. XLVI, 3].

Примечательно, что в костромском погребении миниатюрный «конек» найден вместе с резной копоушкой. По-видимому, камское происхождение имеют и рассматриваемые изделия, которые в северорусских землях могли использоваться в качестве подвесок.

Классификация костяных птицевидных изображений, а также решение вопроса об их происхождении крайне затруднены самой спецификой косторезного ремесла. Мастера из разных областей могли изготавливать формально близкие, но отражающие неодинаковые этнокультурные традиции изделия. В рассматриваемый и предшествующий периоды костяные зооморфные фигурки распространялись в Прикамье и Поволжье, в бассейне Вычегды и Прибалтике, но не всегда можно с уверенностью связать их с определенным кругом древностей. Поэтому, учитывая к тому же и малочисленность подобных украшений в землях средневековой Руси, мы не разделяем костяные птицевидные изображения на типы.

Б. А. Рыбаков, отмечая наличие аналогий радимичским уточкам среди пермских и вятских древностей IX—XII вв., подчеркивал в то же время, что значительный территориальный разрыв между этими находками затрудняет их интерпретацию [Рыбаков, 1932, с. 93]. По заключению А. В. Арциховского, костяная подвеска из Новгорода также имеет ряд точных аналогий в Прикамье. Но подобные уточки, отмечал исследователь, встречены и далеко от тех мест, в курганах радимичей [Арциховский, 1949, с. 142].

Действительно, в восточных районах финно-угорского расселения можно выделить целую серию изделий, напоминающих древнерусские находки [Спицын, 1902, с. 30, табл. XXII, 19; АЛОИА, ф. 2, д. 1929/156, л. 22; Халиков, Безухова, 1960, с. 31, рис. 24, 1; Савельева, 1972, табл. 13, 12, и др.]. Несмотря на определенные различия, все они имеют плоское основание, вертикальное сквозное отверстие и сужающееся к концу туловище. Немногочисленные костяные уточки встречены и в более южных памятниках салтово-маяцкой культуры (VIII—IX вв.) [Плетнева, 1967, с. 172—173, рис. 47, 8].⁹⁵ Во второй половине I тыс. н. э. резные изображения водоплавающих птиц появляются в лесной зоне Восточной Европы (рис. 13). Найдены они в горизонте Е-2 Старой Ладogi (вторая четверть IX в.) [Давидан, 1976, с. 114—116, рис. 8, 2, 3], на городище Камно Псковской области (последние десятилетия IX—начало X в.) [Тараканова, 1956, с. 40, рис. 20; Плоткин, 1974, с. 16], в круглых курганах с трупосожжениями VII—VIII вв. из окрестностей Полоцка (Борки) [Штыхов, 1971, с. 313—315; Очерки... 1972, с. 20, рис. 6, 6—9], в смоленских длинных курганах VIII—IX вв. (Дроково, Лопино, Михайково, Ярцево) [РИМ, 1893, с. 111—113; Седов, 1970, с. 102; 1974, с. 33, табл. 23, 23—25]. Костяные уточки из Старой Ладogi и Витебской области по своим очертаниям, и в первую очередь по отогнутому вниз хвосту и сквозному отверстию на голове, близки находкам из слоя второй половины I тыс. н. э. городищ Отепя и Рыуге в Эстонии [Моога, 1955, р. 66, fig. 19, 4; Шмидехельм, 1959, с. 168—169, 181,

⁹⁵ Автор называет их амулетами-онгонами и проводит параллели с сибирскими шаманскими изображениями.

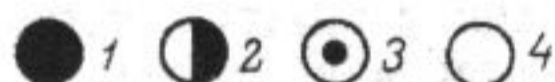
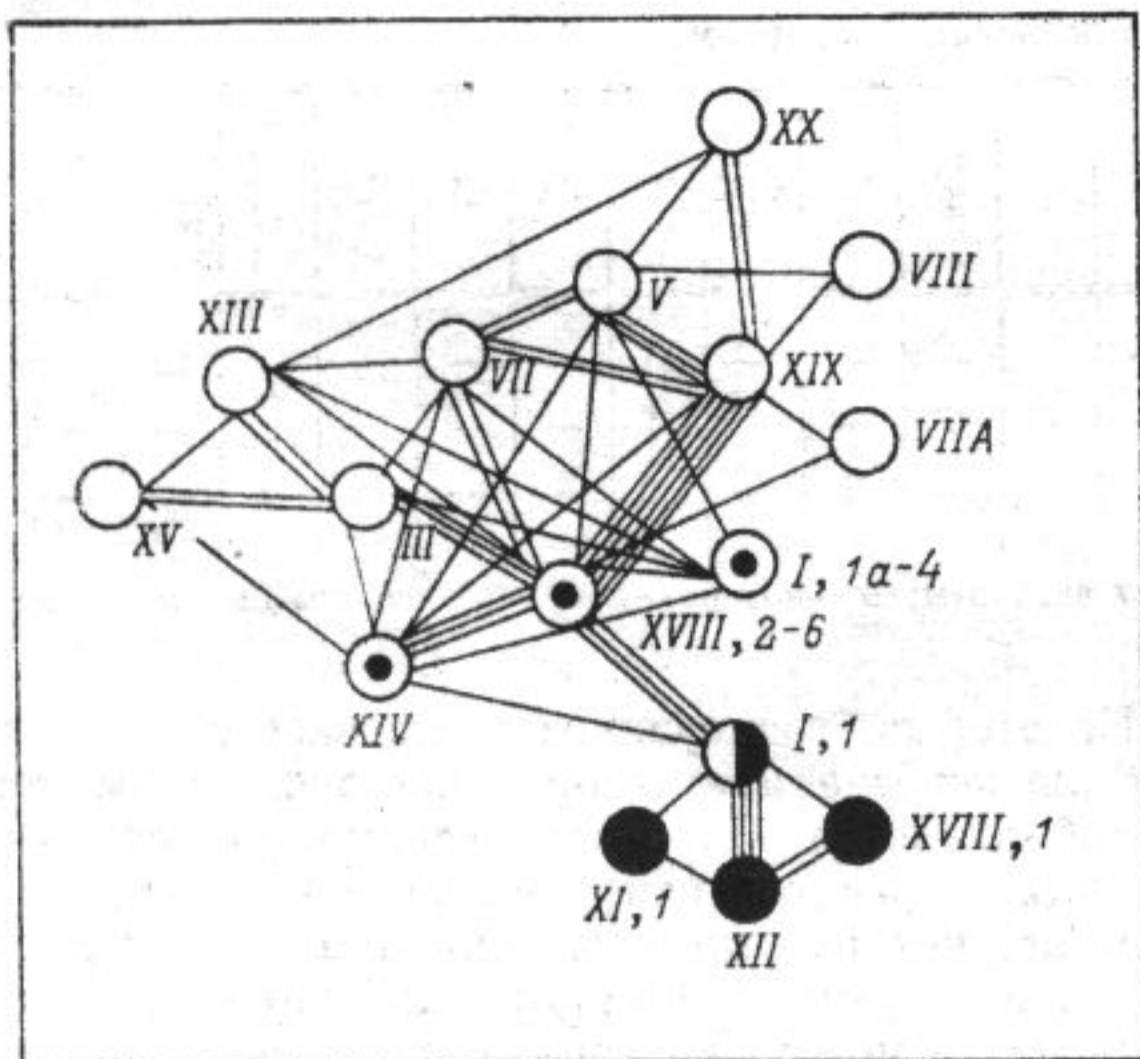

Рис. 14. Граф совстречаемости зооморфных подвесок.

1 — X—начала XI в.; 2 — XI—начала XII в.; 3 — XI—XII вв., 4 — XII—XIV вв.

табл. VII, 5], а также бронзовым подвескам-уточкам из средневековых латгальских могильников [Kriese, 1842, Taf. 11, 7; Bähr, 1850, Taf. X, 7; Людинский могильник, 1893, табл. VIII, 6; Katalog..., 1896, Taf. 18, 5; Šnore, 1936, p. 65—66, fig. 3, 4; Нукшинский могильник, 1957, табл. II, 14; XVIII, 1, 2; Шноре, 1961, табл. V, 2, и др.]. Несколько отличаются от них костяные украшения из Псковской и Смоленской областей (правда, амулеты из длинных курганов встречаются, как правило, в поврежденном состоянии, поэтому судить об особенностях их формы трудно).

По заключению В. В. Седова, появление костяных уточек на памятниках I тыс. н. э. Смоленской земли обусловлено наследием балтского субстрата; с этими находками он сопоставляет и более поздние радимичские амулеты [1970, с. 140]. Наличие в памятниках радимичей отчетливых элементов восточнобалтийской культуры и погребальной обрядности свидетельствует в пользу предположения о связи рассматриваемых древностей с балтскими традициями.

СИНХРОНИЗАЦИЯ ДРЕВНОСТЕЙ

Проведенное выше хронологическое определение различных серий подвесок основано в первую очередь на анализе комплексов с такими находками. Установленные даты могут быть проверены и сопоставлены между собой по взаимовстречаемости зооморфных украшений в отдельных погребениях и вещевыхкладах. На рассматриваемой территории известно свыше 40 комплексов, включающих от двух до пяти категорий подвесок в самых различных сочетаниях. Для выяснения их взаимосвязанности полученные цифровые данные переведены в граф совстречаемости серий (типов, а в ряде случаев и вариантов) изделий (рис. 14). С этой же целью составлены таблицы процентного соотношения подвесок, найденных в погребениях по обряду трупосож-

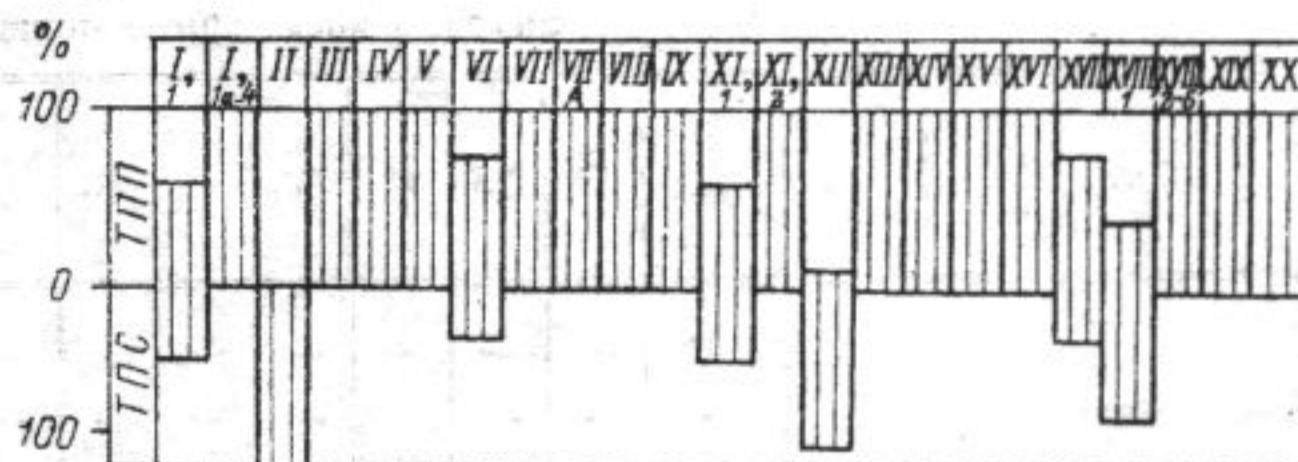

Рис. 15. Таблица соотношения зооморфных подвесок, встречающихся в погребениях по обряду кремации и ингумации.

ТПС — трупосожжения; ТПИ — труположения.

жения (рис. 15), и их сочетания с находками монет (табл. 6).

На графе совстречаемости в обособленную группу выделяются подвески XI, 1 (ранний вариант «всадниц»), XII (изображения «олений») и XVIII, 1 (ранняя серия приземистых, как бы плывущих уточек из Приладожья). Эта группа обнаруживает корреляцию только с подвесками I, 1 (ранний, «классический» вариант прорезных приладожских уточек), которые являются связующим звеном между изделиями первого блока и иными формами зооморфных украшений. Древности указанной группы появились еще в эпоху обряда кремации, и все они (фактически без исключения) встречаются только с монетами X в.

Связующая серия изделий (I, 1) также известна в ранних комплексах с сожжениями, но в отличие от подвесок, образующих первый блок, встречается с монетами как X, так (что наблюдается значительно чаще) и XI в. Подвески I, 1 обнаруживают совстречаемость с объемными фигурками уточек (XVIII, 2—4) и «обычными» коньками XIV типа. Эти серии взаимосвязаны и с более поздними вариантами I типа — 1a—4. Все они найдены лишь при останках несожженных трупов вместе с монетами XI в. (лишь два изображения — с монетами, чеканенными на рубеже X—XI вв.).

Остальные формы подвесок, представленные на графе, образуют перекрещивающуюся систему взаимосвязей. Они также встречаются лишь в погребениях по обряду ингумации, но уже не сопровождаются нумизматическими находками. Примечательно, что наиболее многочисленная серия рассматриваемых изделий — полые коньковые амулеты XX типа — слабо представлена в наборах подвесок: лишь по одному разу они найдены вместе с прорезными коньками XIII типа, пластинчатыми «сплошными» уточками с шумящими привесками V типа и дважды — с полыми «барашками» XIX типа.

Рассмотренные случаи взаимовстречаемости различных форм зооморфных украшений дают дополнительный материал для их синхронизации и находятся в полном соответствии с установленной выше хронологией типов и вариантов подвесок. Обособленная группа ранних изделий относится к X—началу XI в. Переходная, связующая серия прорезных пластинчатых уточек раннего варианта I типа появилась одновременно с этими формами, но существовала более длительный период — до начала XII в.: вполне естественно, что она обнаруживает совстречаемость с подвесками, датированными нами XI—XII вв. Последние в свою очередь коррелируются с остальными разновидностями древностей, дата ко-

Находки зооморфных подвесок в комплексах с монетами

Дата	I, 1	I, 1a-4	II	III	IV	V	VI	VII	VII A	VIII	IX	XI, 1	XI, 2	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII, 1	XVIII, 2-4	XIX	XX
XI в.	12	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	—	—	1	—	12	—	—
Кон. X—нач. XI в.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2	—	—	—
X в.	5	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	4	—	2	—	2	—	—	14	2	—	—	—

Примечание. В головке римские цифры — типы находок, арабские — их варианты; в боковике — дата наиболее поздних монет в комплексах.

торых определяется в соответствующих разделах работы в рамках XII (или конца XI—начала XII в.) и XIII вв. На сравнительно поздний период их распространения указывает и отсутствие в комплексах с такими находками монет XI в. Наблюдаемая слабая сопряженность полых коньковых подвесок XX типа с другими формами амулетов подтверждает позднюю дату их появления в русских землях — конец XII в.

Некоторые разновидности древностей ни разу не были встречены в наборах зооморфных амулетов. Это объясняется или малочисленностью самих типов, или их распространением на территориях, в памятниках которых представлены лишь изделия определенной формы (например, наборные коньковые подвески, сконцентрированные в Волго-Окском междуречье). Их синхронизация устанавливается как по вещевому материалу комплексов, так и по данным табл. 6.

ГЛАВА 3

ЗООМОРФНЫЕ УКРАШЕНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Время бытования зооморфных украшений в землях Руси — более чем 500 лет. Появившись еще в эпоху образования Киевской державы, они продолжали пользоваться популярностью у местного населения и в период феодальной раздробленности, а на некоторых территориях такие украшения доживают даже до XV в. В течение этого длительного времени происходили значительные изменения исторического, культурного, этнического и культового порядка. Некоторые из них с неизбежностью должны были отразиться и на рассматриваемой категории древностей.

Зооморфные украшения распространены на широких пространствах Восточно-Европейской равнины. Вместе с тем выделяются районы наибольшей концентрации культовых изделий, характеризующиеся не только обилием находок, но и наличием в таких регионах местных разновидностей подвесок (рис. 1): Юго-Восточное Приладожье (найден не менее 160 амулетов); Костромское Поволжье (140 экз.); Суздальское Ополье (73 экз.); северо-запад Новгородской земли (обнаружено 100 зооморфных подвесок и, кроме того, еще 63 экз. происходят из самого Новгорода). В общей сложности в этих четырех районах сосредоточено 536 изделий, что составляет около 65% известных древнерусских подвесок.

Отмеченные регионы, так же как и прилегающие к ним территории с находками зооморфных украшений, относятся преимущественно к числу областей, занятых финно-угорским или смешанным славяно-финским населением. На это указывают средневековые письменные источники,¹ данные гидронимии, лингвистики, этнографии, антропологии, археологии.²

¹ Согласно летописным источникам, в северо-западных землях Руси обитали чудь, воль, ижора и корела; на Белом озере — весь; в восточной части Волго-Окского междуречья — меря, мурома и мещера. В процессе освоения Восточноевропейского Севера древнерусское население вошло в соприкосновение с такими северными и северо-восточными племенами, известными по летописи, как чудь заволочская, печера, пермь, югра.

² Литература по данному вопросу обширна. Из археологических работ, посвященных северо-западу Новгород-

В археологических исследованиях уже давно высказывалось мнение о принадлежности основной части зооморфных украшений к кругу древностей финно-угорского происхождения. Изучение вещевого материала и особенностей погребального обряда комплексов с такими находками показывает, что большинство выделенных типов действительно проявляет устойчивую встречаемость с элементами чудской культуры (рис. 16).³ Достаточно сказать, что в погребениях с финно-угорскими традициями сосредоточено до 70% находок. Однако среди рассматриваемого материала известны отдельные разновидности украшений, этническая атрибуция которых не так определена. Для выявления особенностей распространения зооморфных подвесок большое значение приобретает их хронологическая дифференциация (табл. 7).

Отчетливо выделяются два основных периода эволюции рассматриваемых древностей: ранний (X—начало XII в.) и поздний (XII—XIV вв.). Эти периоды в свою очередь состоят из последовательно сменяющих друг друга хронологических этапов. В X—начале XI в. ранние серии изделий концентрируются лишь в двух северорусских районах: в Приладожье (типы I, VI, XI, XII, XVIII) и восточной

ской земли, следует отметить исследования А. М. Тальгрена и В. В. Седова [Tallgren, 1938b, p. 79—108; Седов, 1952, с. 72—85; 1953, с. 190—229]. Этнический состав населения Приладожья и Белозерья рассматривался В. И. Равдоникасом, В. В. Пименовым, С. И. Кочкуркиной, А. А. Голубевой, Н. В. Тухтиной [Равдоникас, 1930, 1934а; Голубева, 1962, с. 53—78; Пименов, 1965; Тухтина, 1966, с. 120—136; 1971, с. 162—181; 1976; Кочкуркина, 1973]. Анализ средневековых памятников Волго-Окского междуречья проведен в последние десятилетия П. Н. Третьяковым, Е. И. Горюновой, А. Л. Монгайтом, В. Ф. Генингом [Третьяков, 1931; Монгайт, 1953, с. 178—189; 1961; Горюнова, 1961; Генинг, 1967, с. 52—69].

³ Учет финно-угорских элементов в памятниках Северной Руси проведен по данным об особенностях чудской культуры, содержащимся в современных археологических исследованиях. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах рассмотрены в обобщающей статье В. В. Седова [1966]. Проблеме выделения чудского наследия в культуре Северной Руси посвящено и специальное исследование автора, основные выводы которого уже получили освещение в печати [Рябинин, 1974а].

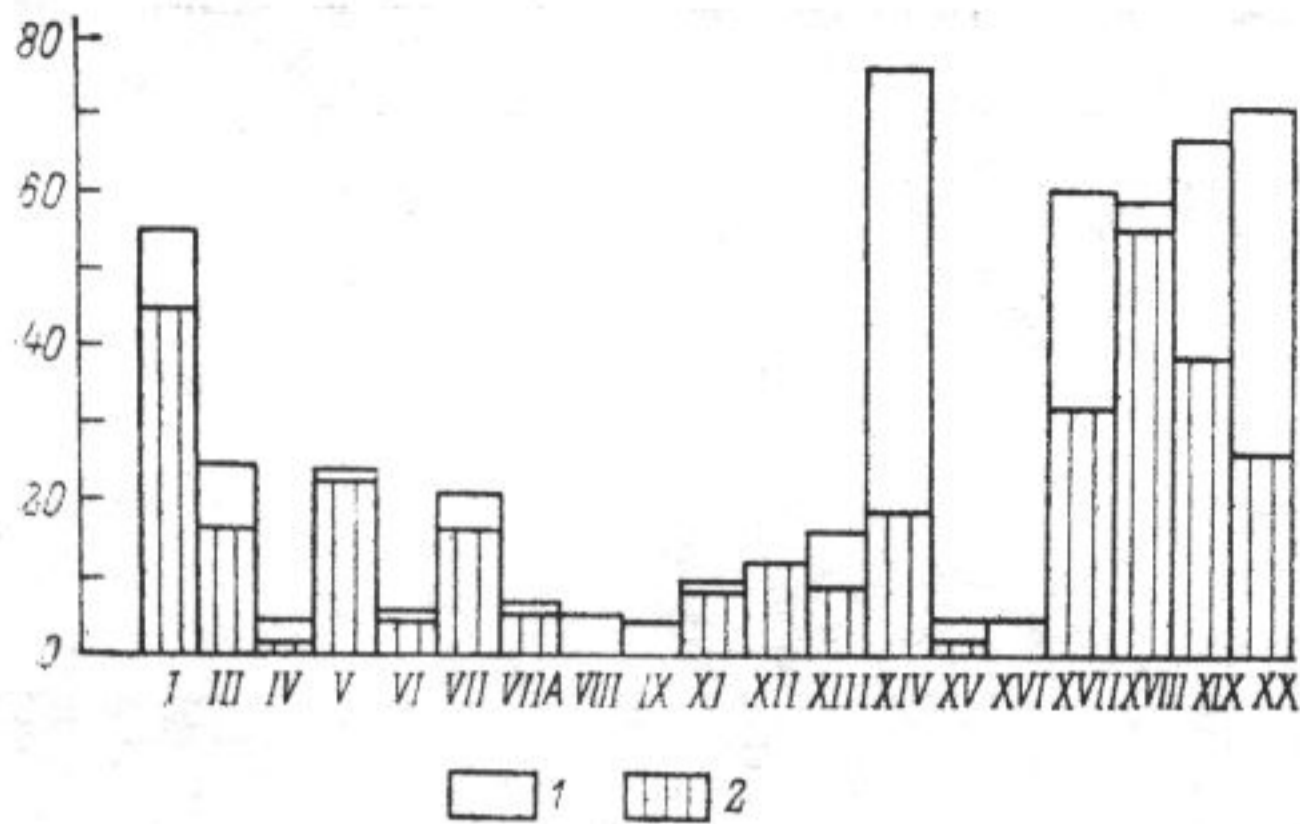

Рис. 16. Находки зооморфных украшений в погребениях с элементами финно-угорской культуры.

По вертикали — количество находок; по горизонтали — тип; 1 — общее количество зооморфных подвесок в погребальных комплексах; 2 — количество зооморфных подвесок, встреченных в комплексах с элементами финно-угорской культуры.

части Волго-Окского междуречья (тип XVII) (рис. 17). В этот период в Юго-Восточном Приладожье вырабатываются такие местные формы подвесок, как пластинчатые и объемные изображения уточек, четвероногих «олений». Характер комплексов с этими находками ясно указывает на их принадлежность финно-угорскому населению. Ареал местных форм изделий территориально ограничен и, по-видимому, совпадает с областью расселения чуди Приладожья. За его пределами аналогичные украшения встречаются в слоях Новгорода конца X — начала XI в., что свидетельствует об усилении связей Приладожья с центром Северо-Западной Руси. Другой пункт находок ладожских изделий — могильник у д. Вырицы на окраине Ижорской возвышен-

ТАБЛИЦА 7

Хронология зооморфных подвесок

Место находки	X-нач. XI в.	X-XI вв.	XI-нач. XII в.	XI-XII вв.	XII в.	XII-XIV вв.
Северо-запад Новгородской земли	—	6	12	11	24	42
Новгород	2	—	2	—	6	51
Псковская обл.	1	—	5	5	4	7
Карелия (окрестности Приозерска)	—	—	—	—	—	5
Приладожье и Прионежье	58	6	59	19	20	13
Вологодская обл.	—	—	3	2	17	23
Архангельская обл.	—	—	3	2	13	10
Костромское Поволжье	—	—	8	—	47	89
Ивановская обл. (центральные районы)	—	—	4	2	4	—
Суздальское Ополье и окрестности Муром	24	22	30	5	2	6
Ярославская обл.	—	—	6	2	—	7
Калининская обл.	1	—	8	5	—	20
Московская обл.	—	—	4	1	2	16
Смоленская, Брянская, Калужская, Курская обл.	—	—	19	21	6	5
Белоруссия	—	—	2	9	2	4
Прочие территории	—	—	—	4	—	10
Итого . . .	86	34	165	88	147	308

ности — также тяготеет по своей культуре к юго-восточному побережью Ладоги.

В X—XI вв. Приладожье поддерживает связь и с более восточными территориями. Из Прикамья сюда проникают изображения «всадниц» и двуглавых камских коньков. А. А. Спицын, отмечая «сравнительное обилие предметов пермской чуди в Приладожских курганах», высказал предположение о наличии промежуточного исторического звена между Пермью и Ладожским озером [1895, с. 154]. В связи с этим определенный интерес вызывает находка чудских предметов в д. Аксеново на р. Ваге (приток Северной Двины). Встреченный там набор украшений (умбовидные, конические и бутылковидные подвески, изображения «всадниц» и прорезной уточки ладожского типа) имеет смешанный камско-ладожский облик и указывает на направление связей между двумя районами. Очевидно, по этому же торговому пути изображения «всадниц» попадали из Прикамья и в Северное Прионежье (Челмужи, Кокорино). На рассматриваемом материале выявляются и связи Приладожья с Волго-Окским междуречьем. К X—XI вв. относится плетеная коньковая подвеска, обнаруженная в бывш. Тихвинском уезде; эта находка полностью вписывается в серию волго-окских изделий того же времени, найденных на юго-восточном побережье Ладоги.

Второй район концентрации ранних амулетов охватывает область расселения мери и муромы. Здесь получила распространение лишь одна форма изделий — плетеные коньковые подвески «кружевного стиля». Финно-угорская принадлежность волго-окских коньков определяется их находками в грунтовых муромских и мерянских могильниках, а также частой встречаемостью с другими разновидностями чудских древностей.

В XI—начале XII в. происходит заметное расширение топографии находок (рис. 18). Тем не менее эту эпоху можно рассматривать как естественное продолжение предшествующего этапа. По-прежнему доминируют два района концентрации зооморфных подвесок, сложившихся в X в. В обоих сохраняется производство украшений, выработанных еще на предыдущем этапе; новых форм местных подвесок в XI в. на этих территориях не возникает. В XI в. получает широкое распространение лишь одна многочисленная серия изделий, неизвестная в X в. Это пластинчатые коньки «обычного» типа, большая часть которых найдена за пределами финно-угорского расселения (тип XIV). Правда, и среди «обычных» коньков попадаются изделия, обнаруживающие встречаемость с элементами чудской культуры (рис. 16). Но данное обстоятельство объясняется проникновением ряда подвесок XIV типа из мест их производства в финно-угорскую среду, охотно принимавшую изделия с понятным и близким зооморфным сюжетом. В отличие от синхронных чудских амулетов, имеющих, как правило, ограниченные ареалы, «обычные» коньки широко распространяются на огромных пространствах. Это уже не племенной, а древнерусский тип (применительно к рассматриваемой территории), хотя и возникший в определенной этнокультурной среде (видимо, в зоне славяно-балтского и восточнобалтийского расселения).

Конец первого периода знаменуется значительными изменениями в распространении и характере

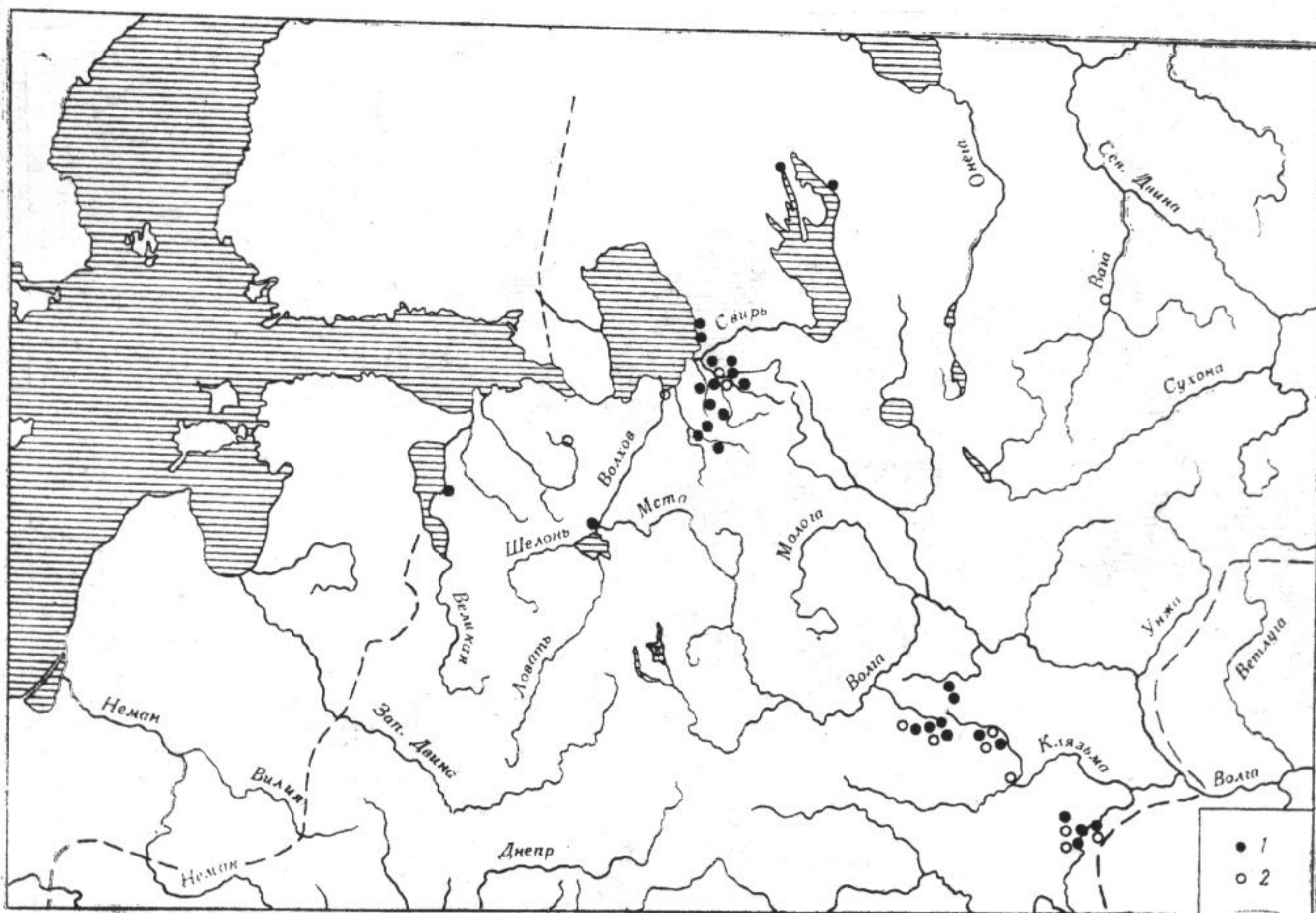

Рис. 17. Зооморфные подвески X—XI вв.

1 — X—начала XI в.; 2 — X—XI вв.

зооморфных изделий. В это время происходит резкое уменьшение количества амулетов в Приладожье, фактически исчезают такие находки на Суздальщине и в Муромском крае.

Постепенное затухание и исчезновение к началу XII в. производства плетеных коньков в северо-восточных областях Руси несомненно связано со сложными этнокультурными процессами, протекавшими в конце I—начале II тыс. в землях мерянских и муромских племен. Древнерусская колонизация Суздальского Ополя, начавшаяся еще в конце IX—X в. и значительно усилившаяся в XI в., привела к постепенной ассимиляции владимирской группы мери. Завершение этого процесса относится в основном ко второй половине XI—началу XII в. [Горюнова, 1961, с. 190—202; Рябинин, 1974а, с. 11]. В XI в. происходит приток славянских поселенцев и на Оку, в земли муромы. Возникновение здесь русского города Мурома и его влияние на окрестные чудские племена, процесс феодализации и насильственной христианизации финно-угорского населения явились, по мнению Е. И. Горюновой, главной причиной «исчезновения муромы, быстро обрусевшей в XI в.» [1961, с. 182, 202—204]. Таким образом, этническая нивелировка населения северо-восточных областей Руси, утрата волго-окскими чудскими объединениями своей культурной самобытности, послужила и причиной исчезновения местной формы зооморфных изделий.

Начало второго периода для культуры Юго-Восточного Приладожья было не только временем заметного сокращения производства рассматриваемых древностей. Меняется качественный состав находок, свидетельствующий о разрушении прежней территориальной замкнутости местной культуры. В начале XII в. исчезает большинство старых зооморфных украшений, сформировавшихся в Приладожье в X—XI вв. На смену им приходят новые разновидности амулетов, которые по своему происхождению можно разделить на две группы. Первая включает изделия, характерные для соседних территорий и попавшие в Приладожье вследствие усилившихся торговых или культурных связей или же принесенные сюда переселенцами. Вторую группу образуют украшения, возникшие лишь к XII в. и получившие очевидную популярность у местного населения. Но ареал таких украшений уже не ограничен бассейнами Ояты, Сяси, Паши и их притоков, он теряет свою прежнюю локальность. Последнее обстоятельство имеет общерусское значение, поэтому на нем следует остановиться особо, после рассмотрения остальных регионов.

В данном же случае для нас наиболее важен факт очевидного «размывания» ареала приладожских форм зооморфных изделий, имевший место где-то на рубеже XI—XII вв. Проникновение славян в Юго-Восточное Приладожье относится, по мнению ряда исследователей, к середине или даже

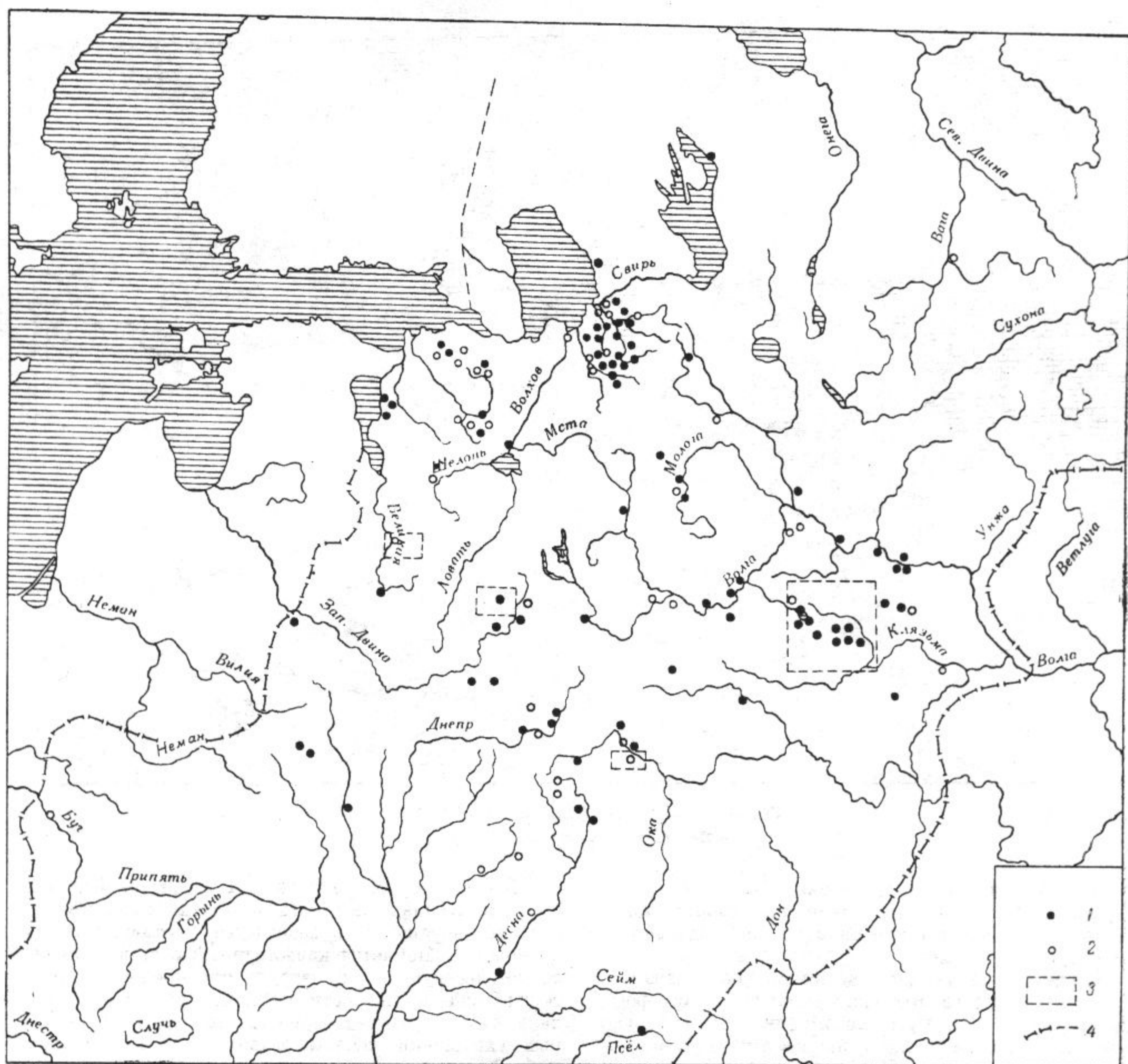

Рис. 18. Зооморфные подвески XI—XII вв.

1 — XI—начала XII в.; 2 — XI—XII вв.; 3 — районы находок; 4 — границы Руси XII—XIII вв.

концу XI в. [Кочкуркина, 1969, с. 27; 1973, с. 80; Назаренко, 1970, с. 200; Тухтина, 1971, с. 181]. Обращает на себя внимание хронологическая близость двух указанных явлений. Очевидно, приход новых групп населения не мог не оказать известное влияние на характер местной чудской культуры. Но не только этим объясняется, на наш взгляд, столь значительное изменение облика последней. Как уже отмечалось, приладожские формы зооморфных подвесок X—XI вв. редко проникали за пределы своего ареала. Совсем иная картина наблюдается в конце XI—начале XII в. В то время как в самом Приладожье происходит постепенное исчезновение локальных серий амулетов, их поздние разновидности (или переработки) приобретают новую «жизнь» в соседних районах: на территории Костромской, Ивановской, Ярославской, Ленинградской, Новгород-

ской и Архангельской областей. Далеко не всегда такие находки связаны с переселением жителей из Приладожья на новые территории. Объяснение данного факта заключается в другом — в интенсивном вовлечении Приладожья в общие процессы, протекавшие на территории Руси, в ликвидации его автономного (по-видимому, не только в этническом, но и политическом отношении) положения. А это отнюдь не однозначно славяно-русской колонизации района, хотя оба процесса прямо или косвенно связаны между собой.

В XII в. появляется новый мощный центр производства зооморфных украшений — Костромское Поволжье (рис. 19). К числу местных форм изделий этого региона относятся двуглавые коньковые подвески (типы VII—VIII), пластинчатые уточки (тип V), полые «барашки» (тип XIX). Все перечис-

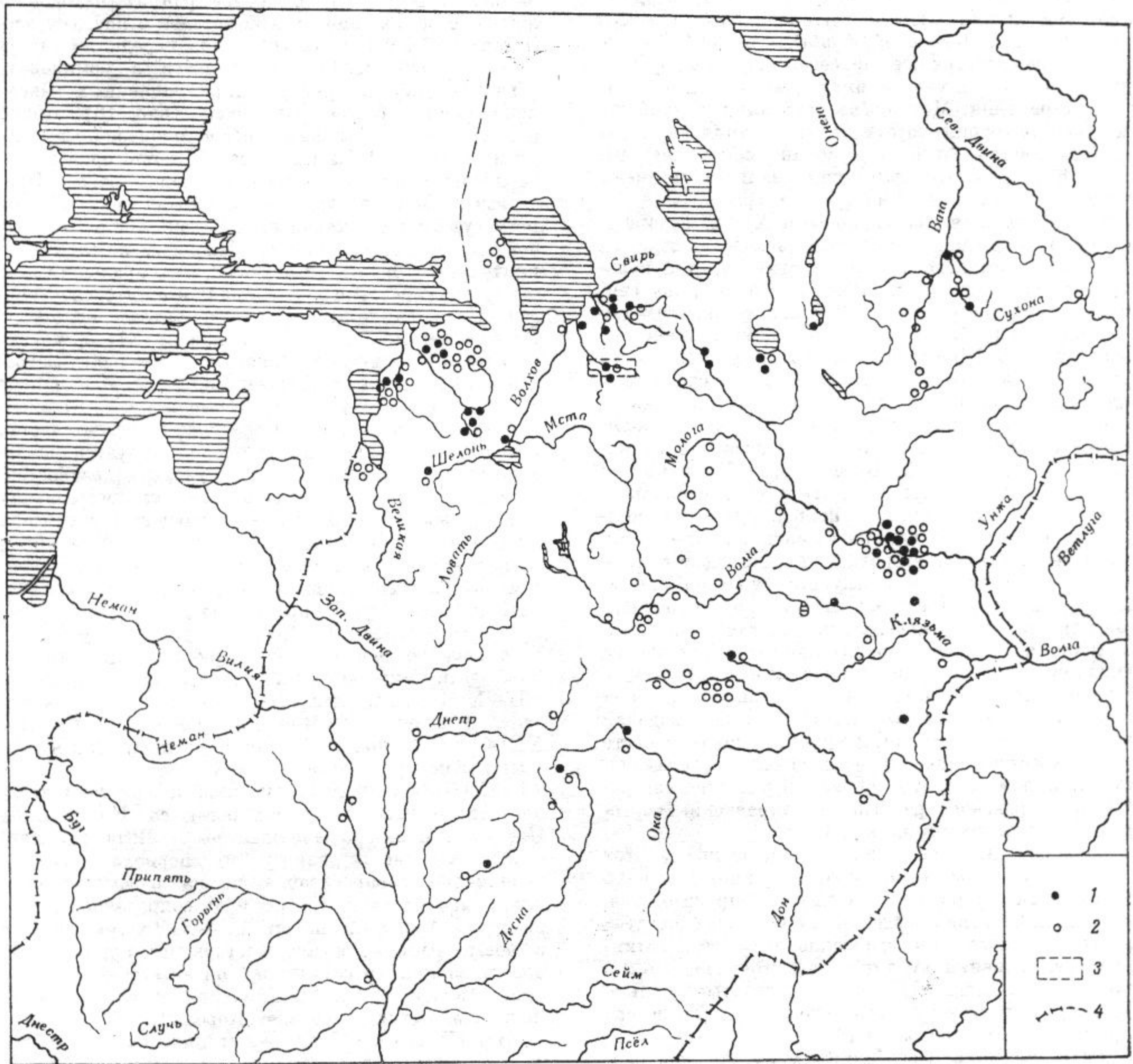

Рис. 19. Зооморфные подвески XII—XIV вв.

1 — XII в.; 2 — XIII—XIV вв.; остальные обозначения те же, что на рис. 18.

ленные разновидности известны и за пределами Костромского края, хотя концентрируются именно в нем. Примечательно, что «костромские» древности почти не встречаются на Северо-Западе. Ареал их охватывает обширные территории: Приладожье, Вологодскую и Архангельскую области. За пределами Руси такие амулеты известны в основном в Прикамье, Волжской Болгарии и землях мари. В целом это формы, получившие распространение преимущественно на Северо-Востоке. Наличие центра их производства на Костромщине не исключает изготовления аналогичных изделий (типов или отдельных вариантов) в соседних областях: Прикамье и Белозерском крае.

Еще один регион выделяется в XII в. на Северо-Западе. В Новгородско-Псковской земле получают

распространение четвероногие пластинчатые коньки XIII типа и ажурные фантастические птички со сложными крыльями (тип III). Обе формы изготовлялись и в русских землях, но типологически сближаются с древностями, распространенными в финно-угорских областях Прибалтики. Более того, как уже отмечалось, подвески XIII типа пользовались особой популярностью у средневекового ливского населения, памятники которого показали не только обилие таких находок, но и продолжительность периода их бытования (до XV в.). Сходство прибалтийских и северо-западных форм зооморфных украшений отражает тесные многовековые связи, существовавшие между двумя соседними территориями. Начальный период этих связей документирован, в частности, находкой подвески II типа в по-

гребении рубежа X—XI вв. у д. Залахтовы; поздний этап — находками ливских птицевидных подвесок XIV—XV вв. в Псковской области (тип X).⁴

Ни северо-восточные, ни северо-западные формы украшений XII в. уже не имеют замкнутых районов распространения. Можно говорить лишь о наибольшей концентрации того или иного типа подвесок в определенном (и иногда крайне обширном) регионе. Какую же этнокультурную «нагрузку» имеют такие поздние серии зооморфных изделий?

Связь большинства украшений XII в. с финно-угорским миром подтверждается частыми находками амулетов в комплексах с элементами чудской культуры и погребальной обрядности. Об этом же свидетельствует популярность многих таких изделий у финно-угров, обитавших за пределами славянского расселения: в Прибалтике и Прикамье. Но более сложной оказывается попытка выделить среди подвесок XII в. серии, характерные лишь для какой-либо одной племенной группировки. Так, «костромские» формы изделий оказываются довольно типичными для населения и Белозерья, и Прикамья, и многих других областей, занятых явно неоднородным населением; «ливские» коньки XIII типа концентрируются не только на памятниках ливов, но и в окрестностях Новгорода и т. д. Следовательно, в XII в. многие формы амулетов уже не вписываются в ареалы отдельных племен, хотя и продолжают тяготеть к определенным областям с центрами их производства. Это не исключает возможности использования амулетов в качестве характерных признаков той или иной территориально-культурной общности, но племенной «паспорт» таких изделий уже теряет свою прежнюю документальность. Вместе с тем возрастает значение зооморфных амулетов как источника для изучения тенденций развития северорусского городского ремесла и направления торговых и культурных связей в XII в.

Обращает на себя внимание появление в этот период стандартных серий подвесок, имеющих явно ремесленный, городской характер производства. Кроме новгородских изделий такого рода следует назвать и владими́ро-суздальские отливки пластинчатых изображений IV типа, немногочисленные, но серийные подвески IX типа, двуглавые коньки (VII, 2), изготовлявшиеся, вероятно, в Белоозере (примеры можно продолжить).

Еще одна важная особенность, отличающая под-

⁴ Об общих традициях производства таких «прибалтийских» форм свидетельствуют сходные детали оформления подвесок. Так, у зооморфных изображений III и XIII типов в основной фигурной прорези имеется характерный пластинчатый выступ. Четыре петлевидных выступа — «ноги» — у коньковых амулетов XIII типа полностью аналогичны таким же выступам у оснований ливских птицевидных изображений X типа. Ромбическая форма петли для подвешивания, которой снабжены изделия X типа, встречена и на прорезных фигурках уток II типа. Таким образом, по особенностям деталей, сближающих между собой серии изделий, последние образуют цепочку типов III—XIII—X—II прибалтийского круга древностей. Примечательна еще одна стандартная форма украшений (тип IX), известная в Калининской и Московской областях. Происхождение этого типа остается неясным. Однако в деталях изображения (наличие у основания фигурки не обычных полукруглых петель, а вытянутых петлевидных выступов) прослеживается сходство с изделиями X и XIII типов. Не исключено, что оформление IX типа произошло под влиянием прибалтийско-финских культурных традиций (или по прибалтийским образцам).

вески этого периода от более ранних находок, — заметное ослабление их взаимосвязи с другими элементами чудской культуры. Уже нередкими становятся случаи появления амулетов в комплексах обычного древнерусского облика, лишенных какой-либо финно-угорской «примеси» (рис. 16). Яркий пример — упоминавшиеся выше птицевидные изображения IV, VIII и IX типов. По территории своего распространения (в основном Владимирская, Ярославская, Московская и Калининская области) они не могут быть сопоставлены с какой-либо определенной племенной общностью. Являясь, по-видимому, продукцией городского ремесла, эти украшения в то же время характеризуются полным отсутствием корреляции с финно-угорскими элементами культуры. Следует иметь в виду, что к началу XII в. многие области Восточноевропейского Севера, занятые ранее финноязычными племенами, были уже плотно заселены славяно-русским и смешанным, славяно-чудским населением. Последнее обстоятельство также с неизбежностью наложило отпечаток на этническую «окраску» рассматриваемых древностей.

Новые явления, выделяемые на материалах XII в., прослеживаются и на заключительном этапе бытования зооморфных украшений. К сожалению, существующие возможности датировок северорусских древностей далеко не всегда позволяют наметить достаточно узкие временные рамки для поздних серий рассматриваемых изделий. Поэтому в последнюю хронологическую группу объединены украшения, датировка которых определена в пределах XII—XIII вв. или конца XII—XIV в. Какая-то часть этих находок окажется синхронной древностям XII в., но в целом это несомненно иной этап в развитии зооморфных изображений.

В XII—XIV вв. районами наибольшей концентрации зооморфных подвесок остаются Костромское Поволжье и северо-западные земли Великого Новгорода. Однако изделия этого периода довольно равномерно распространяются на огромных пространствах Русского Севера и на сопредельных территориях. Ареал украшений XII—XIV вв. охватывает и новые районы, в предшествующее время слабо представленные рассматриваемой категорией древностей (Московская и Калининская области, окрестности Приозерска — древней Корелы).

В XIII в. еще продолжают находиться в обращении некоторые формы пластинчатых изображений, появившиеся в XII в. Но не они определяют своеобразие заключительного этапа бытования зооморфных амулетов. В этот период получает наибольшее распространение и становится господствующей лишь одна группа подвесок — объемные металлические изображения коней и «коней-птиц», или «барашков» (типы XIX—XX).

Выше отмечалось наличие двух основных центров производства указанных изделий. Подвески XIX типа изготовлялись в окрестностях Костромы, полые коньки XX типа — в Новгороде. Вместе с тем на окружающих территориях фиксируется и местное производство отдельных серий объемных изображений. Примечательно, что «костромская» группа украшений имеет более ограниченный ареал, чем «новгородские» коньковые амулеты. Район ее распространения — преимущественно Северо-Восток (от Приладожья до Прикамья). Подвески XX типа широко представлены на памятниках всего Восточно-

европейского Севера, проникая также в Прибалтику и Прикамье. Свыше половины всех находок этого типа — продукция новгородского ювелирного ремесла, рассчитанная на широкий внешний рынок.

Объемные зооморфные изображения сконцентрированы в зоне древней финно-угорской гидронимии, встречаясь преимущественно на памятниках чудского или славяно-чудского населения. Новгородские изделия пользовались, очевидно, особой популярностью у обитателей лесных областей Северной Европы. Примечательно, что запросы на этот товар отличались крайней консервативностью: форма и стилистические детали отдельных серий подвесок почти не изменялись в течение 200 лет.⁵

Отнюдь не случайно, что именно Новгород — крупнейший торгово-ремесленный центр Северной Руси, объединивший вокруг себя пестрые по составу населения территории от Прибалтики до Заволочья, совершавший еще в XI в. походы «за югру и за самоядь», — перешел к собственному производству чудских украшений. Исторические и археологические данные красноречиво свидетельствуют о размахе северной торговли Великого Новгорода, в которой важную роль играл обмен различных товаров у местных племен на меха. По мнению А. М. Тальгрена, поддержанному И. Сернингом, целый ряд культовых изделий изготовлялся самими новгородцами преимущественно для приобретения пушнины у народов Севера. Последняя собиралась у местного населения шаманами, которые передавали ее новгородцам, получая в обмен, в частности, зооморфные «шаманские» фигурки [Serping, 1956, p. 165]. С деятельностью новгородских и карельских торговцев связывается появление чудских изделий у саамов Северной Швеции [там же];⁶ новгородцами, по заключению А. А. Спицына, занесены в бассейны рек Печоры [1915, с. 242] и Северной Двины [ОАК, 1918, с. 179, 180] украшения западного происхождения.

Разумеется, продукция городского ремесла шла

⁵ Возможно, что это связано и с массовым характером самого производства. Русские ремесленники нашли наиболее простую и экономичную форму изделий, ставшую своеобразным образцом для многих поколений мастеров.

⁶ В жертвенных местах средневековых саамов найдена значительная коллекция зооморфных украшений (свыше 20 экз.). По заключению И. Сернинга, большинство этих подвесок датируется XI—XII вв., а место их изготовления находится в северо-западных областях Руси. Отдельные изделия являются местными копиями привозных образцов. Полностью присоединяясь к выводам автора, мы можем на основе анализа зооморфных амулетов определить более узкий район их происхождения. Для многих северошведских находок это, без сомнения, Юго-Восточное Приладожье и Белозерье. Именно оттуда в XI—XII вв. шло проникновение языческих украшений на север Скандинавии.

не только в обмен на пушнину. Есть основания полагать, что посредниками в ее распространении служили многочисленные мелкие торговцы-офени или коробейники, разносившие по «медвежьим углам Древней Руси „щепетильные“ товары» городских мастеров [Рыбаков, 1946, с. 99—100; 1948а, с. 465].⁷ Изготовление таких украшений на местах деревенскими ювелирами способствовало появлению значительного количества модификаций объемных фигурок, проявляющихся как в особенностях формы, так и в орнаментальных мотивах. Выделяются довольно обширные ареалы отдельных разновидностей подвесок XX типа, несомненно связанных с местным литьем по восковым моделям (например, «московско-калининские» и «костромские» изделия серии 6).

К XIV в. относится постепенное затухание производства зооморфных изображений. Лишь единичные находки принадлежат, возможно, к несколько более позднему времени. Это объемный амулет из Новгорода (первая четверть XV в.) и подвески X типа, проникшие на северо-западные окраины Руси из области расселения ливов (XIV—XV вв.). В целом прекращение производства амулетов на рассматриваемой территории оказывается в основном синхронным исчезновению стойкой обрядовой традиции, сохранявшейся в славяно-чудских землях Руси еще в XIII и XIV вв., — обычая погребать умерших под курганными насыпями и в жальничных могилах. Оба этих явления несомненно взаимосвязаны: и культовые изделия, и курганный обряд захоронения являются для XIV—XV вв. пережитками «мерзкого» язычества, с которыми христианская церковь усиливала свою борьбу.⁸

⁷ Может возникнуть сомнение в том, что предметы языческого культа изготовлялись с целью сбыта в одном из основных центров христианства на Руси. Но, как было отмечено Б. А. Рыбаковым, «торговля амулетами в XI—XII вв. шла, очевидно, хорошо» не только на славяно-чудском пограничье, но и в более южных областях Киевской державы, в частности на Смоленщине [1948а, с. 458]. Несомненно, что на Севере имелись еще более благоприятные условия для производства такого рода металлических украшений.

⁸ Известно, что курганно-жальничный обряд погребения сохранялся в глухих уголках Новгородской земли еще в XVI в. Языческий характер этого обряда раскрыт в грамоте новгородского архиепископа Макария (1534 г.): жители Водской пятины «к церквам, к божественному пению не ходят, и к вам, ко отцам своим духовным, ко игуменом и попам, на покаянье не приходят, а молятся по скверным своим мольбищам древесом и камнем... И среды, и пятка, и святых постов не чтят и не хранят. И в Петров пост ядят скором и жертву и питья жрут, и пьют мерзким бесом, и призывают на те свои скверные мольбища злодеевых отступник арбуев чудских, и мертвых своих кладут по курганам и коломищем с теми же арбуи» [Дополнения..., 1857, с. 27—28].

ГЛАВА 4

СЕМАНТИКА ЗООМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Изучение зооморфных изображений, происходящих с территории Руси, будет явно неполным без выяснения связи этих культовых фигурок с определенными идеологическими представлениями средневекового, в том числе и субстратного, населения Восточной Европы (славян, финно-угров и балтов). Перспективность сравнительного анализа языческих верований нескольких соседних группировок отмечена Б. А. Рыбаковым. По заключению исследователя, «интересны сопоставления славянского язычества с литовским и германским, с одной стороны, и финно-угорским — с другой. Они, безусловно, могут дать интересные исторические результаты» [Рыбаков, 1970, с. 140].

Следы почитания животных прослеживаются в религиях разных народов и эпох. Универсальность культа животных и многообразие форм его проявления неоднократно рассматривались в специальных работах [см., например: Токарев, 1964; Соколова, 1972]. Наша же задача, ограниченная темой исследования и возможностями материала, — попытка определить место зооморфных украшений в системе религиозных верований средневекового населения Восточноевропейского Севера и, насколько это возможно, раскрыть семантику самих изображений. В этом направлении уже проведены интересные исследования, результаты которых отражены в данной главе.

Рассматриваемая категория культовых изделий представлена многочисленными сериями и индивидуальными отливками, свидетельствующими, на первый взгляд, о многообразии воспроизведенных в них существ живого мира. Правда, определенную часть амулетов составляют крайне стилизованные изображения, которые трудно с уверенностью отнести к какому-нибудь конкретному виду. Тем не менее среди них можно сразу же выделить фигурки коней, птиц (гусь, утка, селезень, петух или курочка), собак, баранов, рыб и, очевидно, оленей. В целом это те животные, которые окружали средневековых обитателей Восточной Европы. И вместе с тем зооморфные подвески вряд ли можно считать простыми слепками окружающей действительности. Из 850 учтенных находок с территории Руси лишь три подвески изображают рыбу, одна — зайца, два — барана, одна — собаку. Примечательно, что большинство таких единичных украшений отличается реалистич-

ностью изображения и своеобразием орнаментации. Все это заставляет предположить, что отмеченные изделия находились в стороне от основной системы религиозных верований местного населения, являясь в первую очередь выражением индивидуального творчества ремесленников. Разумеется, отсутствие больших серий амулетов не отрицает их вероятной связи с определенными магическими, заклинательными принципами. Материалы этнографии и фольклора дают много ценных сведений о почитании самых разнообразных животных. Но в данном случае важно следующее: из длинного списка животных, воспроизведенных в украшениях, лишь конь и птица (преимущественно водоплавающая) оказались объектом, который повторялся свыше чем в 1000 подвесках северорусских типов, распространенных на территории от Прибалтики до Урала. Объяснение этого факта следует искать в системе древних языческих верований местного населения. Исходя же из того, что подавляющая часть интересующих нас древностей происходит из областей чудского и славяно-чудского расселения, а многие из них обнаруживают тесную связь с элементами чудской культуры, правильнее будет начать наш обзор с рассмотрения культового значения коня и птицы в системе верований финно-угорских народов.

* * *

Письменные источники свидетельствуют о длительном сохранении языческих обрядов у финно-угров. Лишь в сравнительно поздний период развернулась христианизация иноязычного населения Северной Руси, которое, по заключению Н. М. Гальковского, «еще долгое время оставалось христианами лишь по имени». Послания митрополита Симона в Пермь (1501 г.), архиепископов Макария (1534 г.) и Феодосия (1548 г.) в Водскую пятину наполнены обличениями непрекращающихся языческих молений и ритуальных обрядов среди местной «чуди» [Гальковский, 1916, с. 128]. Некоторые финно-угорские народности Поволжья и Прикамья упорно сопротивлялись внедрению христианства еще в XVIII в. Естественно, что все это способствовало консервации древних верований, которые и были зафиксированы этнографами XIX—начала

XX в. Ценные сведения об идеологических представлениях прибалтийско-финского населения содержатся в карельском народном эпосе «Калевала».

Уже давно исследователями были отмечены близкие черты в религиозных верованиях различных чудских народов. В частности, К. Ф. Жаков, проводя сравнительный анализ языческих культов у западных и восточных финно-угров, писал, что «пережитки старины у зырян, вотяков и финнов поражают своим сходством» [1903, с. 176]. В определенной степени это сходство определялось той важной ролью, которую играли в религиях северных группировок священные животные. «Человекообразное представление о богах было мало распространено у финнов. Божества являлись их воображению еще в виде или неясных стихийных образов, или неодушевленных предметов и животных», — отмечал Д. П. Иловайский [1880, с. 156]. Такому заключению могли способствовать и сведения о религиозных обычаях чудских народов, содержащиеся в средневековых письменных источниках. Это и описание священных рощ, увешанных шкурами жертвенных животных в древней Перми [Житие святого Стефания..., 1897, с. 35], и данные о языческих обрядах чуди Новгородской земли, которая «... всей твари поклоняхуся, яко богу, и чтяху, и жертву приношаху кровную бесом» [ПСРЛ, 1851, с. 73].

Особая роль в финно-угорской мифологии принадлежала водоплавающей птице и коню. Древние карелы считали утку прародительницей всего сущего на земле, отводили ей роль творца природы. Из яйца утки, по «Калевале», возник мир [1956, с. 25, руна 1]. Священными птицами у карел считались также гусь и лебедь [Майнов, 1877, с. 140; Гадзяцкий, 1941, с. 3, 16—18]. В удмуртской мифологии утка являлась той птицей, которая приносит матери солнца молитвы людей [Жаков, 1903, с. 176; Васильев, 1906, с. 261]. Еще в XIX в. у удмуртов был распространен обычай заклания утки в честь матери-земли [Гаврилов, 1880, с. 155—157]. Утку и гуся приносили в жертву духам — покровителям рода [Смирнов, 1890, с. 227; 1891, с. 280—281]. Налицо отчетливая связь этой священной птицы с образом прародительницы земли и солнца.

Сходные верования бытовали среди мордвы. Согласно мордовскому мифу о сотворении мира, помощницей Вярдя-Шкая (неба) в деле мироздания была утка, возникшая из плевка Шкая [Смирнов, 1894, с. 283]. Священной птицей у мордвы считался и лебедь — посланец верховного бога Нишке [Мордовские народные песни, 1958, с. 24; Ворогина, 1975, с. 284]. По космогоническим представлениям марийцев, в сотворении мира принимал участие Кереметь в образе селезня. По повелению верховного бога Юмы он достал из воды землю, став, таким образом, творцом земли [Смирнов, 1889, с. 177]. Согласно коми-зырянской легенде, создателем земли и всего полезного для людей был лебедь Ен [Сидоров, 1928, с. 162; Аполлов, 1931, с. 231—232], выплывший из яйца, снесенного уткой-чожд [Грибова, 1975, с. 87].

Культ водоплавающей птицы был широко распространен у хантов (остяков). Гр. Новицкий, побывавший у них в XVIII в., писал: «По их зловерию почитается бог птиц водных — лебедей, гусей — и всякого рода птиц, иже водному обычны плаванию...

Гусь, боготворимый идол их, баше изваян из меди в подобие гуся» [1884, с. 57—58]. Следы этого культа были зафиксированы этнографами еще в конце XIX в. [Патканов, 1891, с. 86—116].

Краткий обзор материалов этнографии и фольклора позволяет установить широкое распространение верований, связанных со священной ролью водоплавающей птицы, на всей территории финно-угорского расселения. Налицо отчетливо выраженное космогоническое значение этой птицы, выступающей в качестве творца мироздания. Нет ни малейшего сомнения в том, что данные этнографии, относящиеся к XVIII—началу XX в., могут быть перенесены и на более ранний период, в эпоху бытования на интересующей нас территории зооморфных изображений. Истоки же культа водоплавающей птицы в лесной полосе Восточной Европы и Западной Сибири уходят в глубокую древность: об этом свидетельствуют наскальные рисунки, скульптурные фигурки птиц из кости, кремня, дерева и глины, изображения «уточек» на керамике эпох неолита и бронзы [Брюсов, 1940, с. 92—100; Фосс, 1952, с. 36; Евсеев, 1957, с. 117]. Археологические материалы позволяют проследить процесс развития зооморфных изображений и в последующий период. Так, на большом хронологическом отрезке изучена эволюция птицеобразных амулетов в памятниках Среднего Поволжья и Прикамья: от ранних фигурок железного века, появившихся еще в ананьинскую эпоху, до изделий ломоватовского и родановского времени [Смирнов, 1952, с. 72 сл.].

Оформление культа коня в финно-угорской среде относится к более позднему времени, но в эпоху бытования зооморфных амулетов в северорусских землях он уже находился в полном расцвете. Система верований, связанных с культовой ролью коня, отразила усиление значения коневодства в хозяйстве чудских племен. Особенно ярко это прослеживается на археологических памятниках Северо-Востока [Голубева, 1966, с. 81]. Отнюдь не случайно, что в одной из русских летописей после перечисления ряда чудских племен дается их следующая хозяйственная характеристика: «Испрѣва исконнии данницы и конокормцы» [Летописец..., 1851, с. 2]. Известно, что «инии языци» северо-восточных областей, находившиеся в тесных культурно-политических связях с Русью, выращивали коней для русского войска [Третьяков, 1970, с. 114]. Значение лошади еще больше усиливалось в связи с развитием у местного населения земледельческого хозяйства.

По наблюдениям М. Г. Худякова, роль коня в космогонических представлениях народов Прикамья прослеживается с ананьинской эпохи [1933, с. 251—275]. Сходной точки зрения придерживается и А. П. Смирнов, считающий, правда, что изображения коня восходят в своей основе к более ранним тотемическим представлениям, являющимся в ананьинскую эпоху уже пережитком [1952, с. 269]. Во всяком случае в ананьинское время появляются литые фигурки коней, служившие амулетами-оберегами [Голубева, 1966, с. 80].

Культовое почитание коня у восточнофинских народов широко проявилось в аграрной магии, при жертвоприношениях и молениях [Яковлев, 1887, с. 47; Худяков, 1933, с. 271—273]. В удмуртской и марийской мифологии прослеживается образ крыла-

той «лучезарной» лошади, связанной с культом солнца [Март, 1925, с. 697]. Космогоническое значение коня у удмуртов получило отражение в культовой езде на конях по кругу, олицетворявшей движение солнца в виде бега солнечного коня; у марийцев — в обряде жертвоприношения «солнечных» жеребят; у многих восточнофинских народов — в легендах, отождествлявших коня с солнцем [Верещагин, 1889, с. 140; Смирнов, 1952, с. 270—271]. Аналогичные верования были распространены и у западных финнов. Еще Н. Е. Бранденбург отметил связь образа коня в «Калевале» с небесными светилами, в первую очередь с солнцем [1895, с. 79]. На общие черты в идеологических воззрениях западных и восточных финнов указывает, в частности, поклонение священному «коню-камню», зафиксированное на территории от Приладожья до Волго-Окского междуречья [Озерцовский, 1812, с. 140; Троицкий, 1901, с. 82]; об этом же свидетельствует и сходная система верований в пророческие свойства коня, отмеченная у ливского населения Прибалтики [Генрих Латвийский, 1938, с. 72—73; Гуревич, 1948, с. 73] и финно-угров Прикамья [Худяков, 1933, с. 251].

Таким образом, конь для многих чудских народов являлся священным животным, связанным по своей семантике с солнцем. В этом заключается его близость с культовыми водоплавающими птицами — творцами солнца. С солярным культом был связан и олень. По мнению М. Г. Худякова, оленя в качестве родового божества лишь позднее заменили конем. Во всяком случае и олень, и конь в верованиях финно-угров имеют сходное космогоническое значение.

Материалы этнографии и фольклора свидетельствуют о наличии определенных культов почитания животных и в славянской среде — у населения, обитавшего по соседству, а часто и чересполосно с финно-угорскими племенами. Православно-языческий комплекс, исторически сложившийся в быту русского народа в процессе христианизации Руси, «представляет собой сложный, запутанный клубок верований, обычаев, суеверий, религиозно-мистических обрядов языческого происхождения, слившихся с элементами православия» [Носова, 1975, с. 3]. В нем выделяются разновременные напластования дохристианской религии восточных славян, несколько трансформированные, ослабленные, но ощутимые и до наших дней [Рыбаков, 1974, с. 3].

Сравнительный анализ верований восточнославянских народов показывает, что в народных поверьях о животных ведущее место занимают домашние животные [Токарев, 1957, с. 54], в первую очередь конь. Лошадь в хозяйстве земледельца Северной и Центральной России была незаменимой и главной производительной силой. Это обусловило почитание ее как животного, оказывавшего сверхъестественное влияние на плодородие полей [Носова, 1975, с. 46]. С древнейших времен конь был введен в славянскую аграрно-магическую обрядность. «Древность земледелия у русских обусловила давность обряда, включавшего лошадь в магические действия, придавала ему особые формы» [Чичеров, 1967, с. 200].

Глубокие истоки культов, связанных с конем, в славянской среде раскрываются на материалах этнографии и археологии. На старинных русских

вышивках встречаются изображения богини в окружении коней и всадников. Сходный сюжет прослеживается и в металлической пластике XI—XIII вв. Исследователями уже давно отмечены архаичность этого образа [Городцов, 1926] и его связь с культом великого женского божества природы, земли, плодородия [Рыбаков, 1948б, с. 90—105; Амброс, 1966, с. 67—76]. Конь был неотъемлемым атрибутом Великой сельской богини, поклонение которой относится к древнейшим пластам славянских верований.

Конь являлся распространеннейшим символом добра, благоденствия и счастья. Он наделялся магическими, оберегающими от несчастий свойствами. В преданиях русского народа конь выступает защитником от нечистой силы [Афанасьев, 1869, с. 630 сл.]. Славяне, как и финно-угры, наделяли коня пророческими качествами, считали, что по его действиям можно предсказывать судьбу.¹ Коню отводилась важная роль в языческих славянских обрядах, в частности в русалиях, отзвуки которых длительное время сохранялись в русских землях. Во главе процессии «русальщички» носили чучело коня с настоящим черепом на шесте [Рыбаков, 1967, с. 101].

Конь в древности символизировал солнце. Образ коня-солнца встречается и в резьбе, и в вышивке позднейшего времени [Рыбаков, 1948б, с. 102—103; 1951, с. 400—401; 1953а, с. 64; 1953б, с. 510—511]. Вместе с тем конь символизировал и воду. В языческую эпоху коня приносили в жертву водяному божеству, его изображения охраняли посуду для воды (ковши). Б. А. Рыбаков полагает, что такая двойственная природа коня объясняется древними представлениями о пути солнца: «Утром на заре солнце выезжает в колеснице, влекомой чудесными золотогривыми конями; вечером солнце продолжает свой путь под землей, по воде. Здесь коня сменяют „гуси-лебеди“, везущие солнечную колесницу (или ладью) к востоку» [1953а, с. 63—64].

Из птиц у славян наиболее почитаемым являлся петух. По заключению А. И. Савельева, петух в древности представлял «зооморфический образ Перуна-громовника, который своим громозвучным пением (громом) вещал о победе над демоническими силами». В образе петуха, отмечал исследователь, «народ наш олицетворяет небесный огонь и блеск грозы в пространстве небесного моря» [Савельев, 1880, с. 28—30]. Взгляд на петуха как на вестника света, прогоняющего нечистую силу, свойствен едва ли не всем народам, знакомым с этой птицей [Токарев, 1957, с. 54].

Культе различных животных зафиксирован и у древнебалтийского населения. Большой популярностью в местной среде пользовался круг верований, связанных с конем [Седов, 1968, с. 156]. Средневековые письменные источники, например, сообщают, что древние пруссы и литовцы «в своем заблуждении почитали вместо бога все создания... птиц, даже четвероногих животных». Еще в XVI—XVII вв. у пруссов сохранялись пережитки древнего язычества, заключавшиеся, в частности, в обряде жертво-

¹ Например, по сообщению Саксона Грамматика, при Арконском языческом святилище прибалтийских славян был священный конь, принадлежащий, по поверью, Святовиту. При его помощи производились гадания [Срезневский, 1846, с. 97—100].

приношения животных [Перцов, 1953, с. 343—348; Гуревич, 1948, с. 72—77].

Таким образом, важная культовая роль коня и птицы прослеживается у всех этнических объединений, заселявших в эпоху средневековья Север Восточной Европы и прилегающие территории. Наиболее близкими и у славян, и у финно-угров оказываются верования, связанные с конем (солярный культ). Характерной особенностью финно-угорских представлений является чрезвычайно развитое почитание водоплавающей птицы, имеющее ярко выраженное космогоническое значение.

Перечисленными священными животными не исчерпывается, конечно, все многообразие зооморфических культов в славянской, чудской и балтской среде. Исходя из археологического материала, рассматриваемого в настоящей работе, следует отметить культовую роль собаки в славянских верованиях, которой приписывалось вещее знание и способность отгонять нечистую силу [Токарев, 1957, с. 43]. Многочисленные поверья и легенды в славянской и балтской среде были связаны со священными змеями и ужами; их магическое значение выразилось, правда, не в изготовлении змеевидных подвесок-оберегов, а в декоре украшений женского костюма (например, браслеты со змеевидными головками).

Распространение сходных культовых представлений у нескольких этнокультурных объединений не исключает, разумеется, своеобразия их проявления в вещевом материале. В этом отношении интересно сопоставление зооморфных сюжетов по отдельным регионам. Наиболее важны для сравнения те формы украшений, которые возникли в местной среде и отражают традиции определенной племенной или территориальной общности. В землях славяно-чудского пограничья выделяется несколько регионов с концентрацией таких локальных разновидностей изображений.

1. Восточная часть Волго-Окского междуречья (область расселения мери и муромы). Наиболее характерны изображения коня (тип XVII).

2. Юго-Восточное Приладожье. В X—XI вв. происходит оформление и распространение украшений в виде водоплавающей птицы (типы I, XVIII). Синхронные коньковые амулеты связаны не с местными, а с камскими традициями; более поздние разновидности коньковых изображений также возникли не в самом Приладожье (типы VII, XIII, XIV, XX). Единственное исключение составляют стилизованные фигурки четвероногих XII типа, являющиеся характерным элементом приладожской культуры. Но, как уже отмечалось, существует мнение о их связи с образом оленя (или лося). Отсутствие иных местных типов изображений, которые можно было бы отнести к коньковым, подкрепляет это предположение. Во всяком случае среди форм украшений, выработанных в самом Приладожье, наблюдается очевидное преобладание амулетов в виде водоплавающей птицы.

3. Костромское Поволжье. В местной металлической пластике широко представлены изображения коня (типы VII, VIIA) и птицы (V и XVIII, 4). Вырабатываются фигурки «коней-птиц».

4. Северо-запад Новгородской земли. Среди характерных украшений этой территории встречены изображения как птицы (типы I, 3 и III), так и коня (XIII, XX).

В более южных областях Руси, за пределами финно-угорского расселения, распространены преимущественно подвески в виде коньков XIV типа. Однако в памятниках радимичей представлены и местные птицевидные изображения (группа VII), связываемые с наследием восточнобалтийского субстрата.

При сравнительном обзоре местных форм зооморфных украшений по регионам прежде всего обращает на себя внимание преобладание изображений водоплавающей птицы в Приладожье, а коньковых подвесок в землях мери и муромы. Подвески в виде коня были популярны и в собственно-славянской среде, в то время как изображения водоплавающей птицы не получили у славян широкого распространения. Последнее вполне согласуется с данными русской этнографии и фольклора. Образ вестника света — петуха, ярко представленный в верованиях восточных славян, нашел свое выражение, в частности, в подвесках IV и VIII типов. Примечательно, что амулеты-петушки встречены в комплексах без финно-угорской «примеси», а часть их изготовлялась, по видимому, в русских городских центрах.

Определенные различия в соотношении зооморфных сюжетов намечаются лишь для регионов, где выработка местных форм происходила еще в X—XI вв. и имела ярко выраженный племенной (этнокультурный) характер. Но эти различия быстро исчезают. Изображения коня и водоплавающей птицы распространяются на всех северорусских территориях (при сохраняющемся преобладании амулетов в виде коньков у населения, обитавшего к югу от районов с финно-угорским субстратом). Мы видим, как «смоленские» коньковые подвески, изготовлявшиеся в восточнославянской и балтской среде, приобретают популярность у финно-угров, а чудские формы зооморфных амулетов проникают за пределы финно-угорского расселения, хотя и продолжают концентрироваться в его ареале. Близость идеологических представлений разноэтничных коллективов Северной Руси (особенно культа коня, общего у славян, финнов и балтов) обеспечила известную «интернациональность» отдельным сериям изображений на позднем этапе их существования. Последнее обстоятельство следует постоянно учитывать при изучении памятников XII—XIV вв., расположенных в землях славяно-чудского пограничья.² Жившие чересполосно славянские и финно-угорские коллективы неминуемо должны были заимствовать у соседей отдельные элементы их культуры в сфере не только материальной, но и духовной деятельности. Этот факт уже неоднократно отмечался исследователями. По заключению Е. В. Аничкова, на славяно-русское язычество «наслоилась давным-давно прежде всего финская культура» [1914, с. 283]. «Без сомнения, и финны влияли на религиозное мирозерцание русских», — полагал Н. М. Гальковский [1916, с. 53]; «... народные поверья русских славян и финнов переплетались друг с другом», — считал и В. О. Ключевский [1904,

² В погребальных комплексах XII—XIV вв., относящихся к эпохе усилившегося процесса слияния славянского и финно-угорского населения и их аккультурации, нередко наблюдается сочетание характерных типов славянских украшений (например, новгородских и вятичских височных колец) с зооморфными украшениями чудских типов. Это явление нового порядка, слабо представленное на памятниках предшествующего времени.

с. 369]. Очевидно, именно в рассматриваемую эпоху происходило обогащение деревенского искусства теми зооморфными мотивами, которые сохранились в русском народном творчестве до настоящего времени и в которых прослеживается влияние «единой древней культуры финно-угорских племен» [Круглова, 1971, с. 267; см. также: Работнова, 1968, с. 88—89]. Поэтому, отмечая тяготение основной части зооморфных изделий к районам с сильным финно-угорским субстратом, подчеркивая чудское происхождение большинства выделенных типов и их взаимосвязь с культурой дорусского населения, мы тем не менее считаем вполне возможным включить их в число традиционных элементов древнерусской (а в своей тенденции и дальнейшем художественном преломлении — и северной великорусской) культуры, придавших заметное своеобразие ее орнаментальным мотивам.

Отражением важной роли коня и птицы в системе языческих верований явилось усиление их магического, защитного значения. Именно этим объясняется обычай, распространенный в различных областях славянского расселения, закапывать убитого петуха (иногда курицу) при закладке дома [Седов, 1957, с. 21]. Аналогичный обряд принесения строительной жертвы (но уже не птицы, а коня) зафиксирован в Новгороде Великом. Здесь под постройками X—XIV вв. обнаружены черепа коней, помещенные с целью отвлечь злых духов от дома [там же, с. 21—24]. Конские черепа в качестве оберегов от зла еще сравнительно недавно устанавливались на пасаках и изгородях в русских, удмуртских и марийских деревнях [Бломквист, 1956, с. 354]. Многие жилые постройки в северных областях России и на финно-угорских территориях до сих пор украшены изображениями коней и птиц. Конские и птичьи головки вырезались на нижних концах «куриц», поддерживавших крышу, и на наличниках окон [см., например: Белицер, 1958, с. 210—212; Чижикова, 1970, с. 28—31]. Хотя в настоящее время древнее назначение таких зооморфных изображений и забывается, но еще сохранились живые свидетельства их охранительной роли — оберегать дома от пожаров, ветра и т. д.

Конь и птица — любимый мотив в русском и финно-угорском народном искусстве. Их изображения имеются на прялках, ковшах, железных сечках, медных гребнях и зеркальцах [Воронов, 1924, с. 63—120; Рыбаков, 1953а, с. 64; Круглова, 1971, с. 265—267]. Сходные сюжеты магического назначения представлены и на средневековых изделиях. Зооморфными изображениями украшались в древнем Новгороде ручки ковшей; встреченные там же деревянные навершия (вероятно, идолы, которые «нужно рассматривать как духов — покровителей семьи или защитников от злых сил») снабжены фигурными головками птиц и лося [Колчин, 1971, с. 72]. Изображения коней и змеевидных драконов, связанные с представлением о защитной силе животных и древним солярным культом, помещались на древнерусских осветительных приборах — хоросах [Вагнер, 1960, с. 25—31]. Фигурки коней и птиц нередко украшают край решетки семилопастных вятичских височных колец [Арциховский, 1930а, рис. 46; Левашева, 1967, с. 31—33, рис. 6, 13]. Изображения птиц, близких по трактовке курганным подвескам-амулетам, обнаружены на городских древнерусских

браслетах и белокаменной резьбе Дмитриевского собора во Владимире [Рыбаков, 1953б, с. 508—509]. Таким образом, в творчестве средневековых славянских мастеров представлены зооморфные мотивы, сближающиеся с изображениями на подвесках как по сюжету, так и по магическому назначению. А это еще раз доказывает, что зооморфные амулеты, несмотря на их сильную финно-угорскую «окраску», не являлись полностью чужеродным элементом в культуре восточнославянского государства, а составляли ее заметную, хотя и специфическую, особенность.

Зооморфные подвески были принадлежностью женского костюма. В современном этнографическом материале их место прочно заняли вышивки. Стилизованные головки коней украшали нагрудник и разрез ворота удмуртского, мордовского и марийского костюмов; сходные вышивки на рубахах, передниках, головных уборах известны у многих народов Поволжья и Прикамья [Geikel, 1899, S. 6, Taf. XLV; Худяков, 1933, с. 268—269; Белицер, 1940, с. 103—110; Горюнова, 1961, с. 140—141, рис. 64, 5а—5в]. Изображения коня, птицы и оленя (лося) представлены на вышивках Русского Севера [Работнова, 1968, с. 86—89; Маслова, 1969, с. 33—34]. В основе всех этих архаических зооморфных орнаментов лежит все та же вера в магические, защитные свойства священных животных и птиц. Кроме того, конь, как известно, был символом счастья и плодородия, что обусловило его изображению особую популярность именно в женском костюме. Использование птицеобразных подвесок для украшения женской одежды хорошо иллюстрируется материалами карело-финского и эстонского народных эпосов: утки, курочки, гусята в них служат излюбленным объектом ласкательных названий женщин [Калевипоэг, 1950, с. 19, 22, 41, 52, 55—57, 63, 65, 69, 70, 77, 82, 107, 108, 110—112, 114, 121, 122; Калевала, 1956, руны 1, 2, 4, 6, 14, 18, 19, 22—25, 30—34, 37—39, 50]. Отметим, что на территории Руси известны лишь два случая находок зооморфных амулетов в мужских захоронениях.³ Но в некоторых районах Прибалтики, в области балтского расселения, подвески в виде уточек оказываются принадлежностью мужского костюма знатных или богатых латгалов [Нукшинский могильник, 1957, с. 38]. Это уже, очевидно, несколько иной круг культовых представлений.

В свете этнографических и фольклорных данных раскрывается и идеологическая нагрузка средневековых подвесок-амулетов. Становится понятным необычайно широкое распространение на древнерусской территории, особенно в области славяно-чудского пограничья, изображений коней и птиц. Связь образа коня с солнцем находит отражение в кружковой солярной орнаментации некоторых типов коньковых подвесок. Но с солнечной символикой связаны и птицы. Поэтому такой же солярный орнамент покрывает фигурки гусей и уточек (тип I). О близости культов коня и птицы свидетельствует и второй вид орнаментации — волнистая линия (символ воды), которая встречается на изображениях и уточек (тип XVIII), и коньков (XX). На это же указывает другой символ воды — лапчатые шумящие подвески, прикреплявшиеся не только к птицевидным изображениям (типы IV—V, VIII—IX, XVIII), но

³ Номера по каталогу: 258, 464.

и к амулетам в виде коньков (VI, VIIA). Взаимосвязь образов коня и птицы обеспечила в отдельных случаях взаимопереход зооморфных сюжетов. Укажем, например, на переработку птицевидных фигурок III типа (варианты 1 и 2) в изображения коней (3). В северо-восточных областях Руси появляется даже особая форма «коней-птиц», сочетающая в себе видовые особенности разных представителей животного мира.

При анализе семантики зооморфных изображений следует, очевидно, иметь в виду два пласта культовых языческих представлений, тесно связанных между собой. Первый из них уходит корнями в древние космогонические верования, отражает роль священных животных в культах солнца, воды и в происхождении всего сущего на земле. Отпечаток таких представлений и отразился, в частности, в орнаментальных мотивах украшений. Вторая сторона идеологической нагрузки зооморфных подвесок, вытекающая из мифологической, «космической» символики изображений, проявилась в придании им магических, защитных свойств, т. е. в превращении культовых фигурок в обереги. На рассматриваемых древностях могли отразиться и пережитки тотемических представлений, но возможности нашего материала не позволяют судить об этом с достаточной определенностью.

В связи со сказанным интересно сопоставление северорусских амулетов и изделий пермского звериного стиля, распространенных в Прикамье, Приуралье и Зауралье [Грибова, 1975].⁴ Появившееся в ананьинскую эпоху искусство пермского звериного стиля развивалось на протяжении всего I тыс. н. э., вплоть до XII—XV вв. Главная его особенность — «преобладание в местной металлической пластике сложных зооморфных и зооантропоморфных образов и их своеобразная трактовка». Широко представлены изображения самых различных животных и птиц (в том числе и хищных) камско-уральской фауны.

Поздний этап развития пермских древностей совпадает по времени с распространением зооморфных украшений на территории Северной Руси. Большинство рассматриваемых в данной работе подвесок может быть сближено с изделиями пермского звериного стиля и по их принадлежности к финно-угорскому (чудскому) культурному массиву. Однако различия между ними оказываются весьма значительными.

Во-первых, среди северорусских средневековых изображений мы не встречаем того огромного разнообразия представителей животного мира, которое отличает металлическую пластику звериного стиля Прикамья и Приуралья. Подавляющая часть наших находок воспроизводит коня и птицу; образы хищных животных и птиц отсутствуют.

Во-вторых, на территории Руси не произошло оформления собственных типов зооантропоморфных изображений. Все известные здесь находки подвесок, сочетающих образы человека и животного, имеют чужеродное происхождение и проникли сюда

из Прикамья (типы VI и XI, 1). Более того, в тех случаях, когда можно предполагать усвоение местным населением пермских образцов, последние при переработке или полностью теряют все антропоморфные черты (например, замена фигурки «всадницы» простой петлей для подвешивания на амулетах XI, 2), или достигают крайней степени схематизации антропоморфного образа (подвески VII, 1, на которых изображение человека между двумя конями можно обнаружить лишь при тщательном анализе всех деталей украшения). Очевидно, для обитателей северных областей Руси была чужда и непонятна сложная символика зооантропоморфных сюжетов, которые составляли основу пермского звериного стиля.

В-третьих, среди рассматриваемых изделий мы не встречали и сложных зооморфных композиций. Известны лишь фигурки, характеризующиеся удвоением одного и того же образа (двуглавые коньковые и птицевидные подвески), или амулеты, занимающие промежуточное положение между изображениями коня и птицы (тип XIX).

Указанные основные отличия двух зооморфных стилей весьма показательны. Они свидетельствуют, на наш взгляд, о значительных различиях в самой семантике изображений. Пермский звериный стиль, возникший в эпоху родового строя на базе ведения охотничье-рыболовецкого хозяйства, служит выражением особой системы идеологических верований, в основе которой, как полагают, лежат древние тотемические представления. Отсюда — сложность и многообразие зооморфных и зооантропоморфных сюжетов, являющихся тотемными символами многочисленных родов-фратрий [Грибова, 1975, с. 25—66]. Совсем иная картина наблюдается при изучении древнерусских амулетов. На огромных пространствах Восточной Европы распространяются культовые изделия с одночастной композицией, воспроизводящие в основном лишь двух представителей животного мира: коня и птицу. Такая унификация зооморфных сюжетов (даже при учете региональных различий в их соотношении) не имеет, очевидно, ничего общего с тотемическими верованиями. Это не божества рода или фратрии.⁵ Различия в соотношении зооморфных сюжетов, выявляемые на материалах X—XI вв., устанавливаются только на уровне племенных образований. Еще более «интернациональными» становятся образы коня и птицы в последующий период, когда сходные формы изделий широко распространяются среди многоэтничного населения Северной Руси. Появление средневековых амулетов на рассматриваемой территории относится к эпохе распада первобытно-общинных отношений и начала процесса классового разложения, а их расцвет происходит уже в рамках феодального строя.

⁵ Поздние изделия пермского звериного стиля оказываются синхронными северорусским зооморфным украшениям. Следует ли из этого, что различия в семантике изображений свидетельствуют о глубоких различиях в идеологических представлениях финноязычного населения двух соседних территорий? Полагаем, что такой вывод был бы неверным. Необходимо учитывать глубокие истоки пермского звериного стиля и его определенный консерватизм. В эпоху средневековья некоторые элементы сложных образов пермских изделий, связанных с тотемизмом, могли уже утратить свое реальное содержание, но по традиции продолжали оставаться составной частью изображений.

⁴ Работа Л. С. Грибовой — последнее по времени обобщающее исследование, посвященное различным аспектам семантики пермского звериного стиля. В нем суммированы мнения и остальных авторов, рассматривавших данную проблему.

В финноязычных областях Руси еще длительное время сохранялись пережитки родовых отношений, но на смену им уже шли отношения феодального общества. Эта переходная эпоха отразилась и на идеологических представлениях местного населения. В них причудливо переплелись верования, характерные для эпохи разложения первобытнообщинного строя (почитание животных — «духов-покровителей», вера в животного — «культурного героя», творца мира), и, возможно, проявились некоторые элементы зоолатрических культов — этой высшей формы почитания животных, свойственной классовым обществам [см.: Соколова, 1972, с. 91—154].

* * *

Проанализированные в работе подвески-амулеты являются ценным археологическим источником, содержащим важную историко-культурную информацию о средневековом населении северных районов Руси и прилегающих территорий. В землях Киевской державы такие украшения известны лишь с самого конца I тыс. н. э., а их распространение относится к последующему периоду. В целом ряде сопредельных областей (Волго-Вятское и Волго-Камское междуречья, бассейн Оки), где хорошо изучены памятники I тыс. н. э., устанавливается генетическая преемственность средневековых зооморфных изображений с культовыми изделиями предшествующего времени. На протяжении большого хронологического диапазона здесь удается проследить эволюционную связь культур железного века с культурами предков мари, удмуртов и мордвы конца I—начала II тыс. н. э. [Голубева, 1979].

На рассматриваемой территории происхождение многих подвесок-амулетов оказывается не столь определенным. Отчасти это объясняется слабой изученностью финно-угорских памятников, предшествующих образованию Древнерусского государства. До сих пор отсутствуют археологические данные о культуре прибалтийско-финского населения, обитавшего в зоне раннего славянского освоения северо-западных областей Восточной Европы. Нет достоверных сведений о памятниках I тыс. н. э., оставленных летописными племенами — водью и ижорой. Самобытная «чудская» культура Юго-Восточного Приладожья, ярко проявившаяся в курганных материалах X—начала XII в., также не имеет пока местных корней в древностях предшествующего времени.

Аналогичное положение наблюдается и в археологическом изучении белозерской веси и заволочской чуди. Несколько лучше известны памятники I тыс. н. э. в восточной части Волго-Окского междуречья, но существующая информация о культурном своеобразии мери и муромы этого периода еще недостаточна для надежной реконструкции их эволюционного развития начиная с железного века. Данные о дославянском населении Костромского Поволжья — будущего мощного центра производства зооморфных амулетов — базируются на нескольких частично изученных археологических объектах. В целом зона основного распространения культовых подвесок на территории Древней Руси представляет применительно к середине—третьей четверти I тыс. н. э. (а для многих областей — и до самого конца этого

Полагаем, что соотношение разных форм верований не оставалось неизменным. За 500 лет бытования зооморфных украшений менялась и их культовая нагрузка. Вполне возможно, что на определенном этапе их существования на передний план выдвинулась магическая, защитная роль подвесок, а их связь с космогоническими представлениями оказалась опосредованной. Но в культовых зооморфных фигурках нашли свое отражение разновременные пласты языческих верований, традиционно передававшиеся из поколения в поколение и дожившие в вышивке, резьбе и металлическом литье до наших дней.

тысячелетия) обширное археологическое «белое пятно» со спорадическими вкраплениями отдельных малоизученных памятников.

Отсутствие связующих звеньев между древностями рассматриваемого периода и культурами предшествующего времени, обусловленное состоянием источников, не исключает возможности поисков реальных прототипов северорусских форм зооморфных изображений. Некоторые из проанализированных выше разновидностей подвесок возникли за пределами Киевской державы и сконцентрированы в финно-угорских областях Волго-Камского и Волго-Вятского междуречий, в Поочье и Прибалтике: их появление в русских землях объясняется торговыми и культурными связями, объединявшими население различных территорий. Как определенный этап в эволюции «чудских» украшений, известных с I тыс. н. э. на восточном пограничье славянского государственного образования, но испытывших в новых условиях известные типологические изменения, можно рассматривать изделия типов VII, VIIA, XVIII и XIX. Не всегда такая генетическая преемственность выражена достаточно четко, но тем не менее она все же устанавливается.

Однако далеко не во всех случаях за появлением оригинальных форм северорусских амулетов скрываются их прототипы, пока еще не выделенные на археологическом материале. Многие местные формы подвесок возникли уже в древнерусскую эпоху. Питательной средой для их создания служили идеологические представления, связанные с культами коня (оленя) и птицы. Несомненно, и в более раннее время здесь была распространена вера в защитную, магическую силу изображений животных и птиц, но она могла проявляться в вышивке одежды, деревянной резьбе и т. д. Формирование местных типов металлических изделий в землях, лишенных залежей цветных металлов, зависело от уровня развития ювелирного производства, а последнее в свою очередь — от установления прочных связей с областями, обладающими необходимыми сырьевыми запасами. Целый ряд северорусских территорий стал полностью обеспечиваться цветными металлами только с началом функционирования международных и связанных с ними более мелких торговых путей (конец I тыс. н. э.) и с включением этих земель в экономическую орбиту молодого Древнерусского государства. Создание сырьевой основы для ювелирного производства обеспечило, на наш взгляд, тот расцвет

металлической пластики, который с рубежа I—II тыс. н. э. наблюдается как в финноязычных районах Руси, так и в широкой полосе славяно-чудского пограничья. Именно в этих условиях могло произойти и самостоятельное оформление качественно новых типов зооморфных украшений.

Появившиеся еще в эпоху образования восточнославянского государства культовые фигурки животных и птиц пользовались популярностью у средневекового населения вплоть до XV в. За этот длительный период происходило изменение этнокультурной «нагрузки» рассматриваемых находок. Узкокальские (племенные) формы сменились областными разновидностями украшений, тяготевшими к определенным центрам производства, но распространявшимися и за пределы основного ареала их концентрации. Связь большинства таких изделий с финно-угорскими традициями не вызывает сомнений, но их роль как индикаторов племенных образований заметно снижается. Аналогичные явления наблюдаются и при изучении других категорий «чудских» укра-

шений, тоже постепенно утрачивающих свою локальность. Этот факт уже отмечался в ряде археологических работ, авторы которых критически относятся к самой возможности использования древностей XII—XIII вв. для заключений этнического порядка.

Такой негативный вывод представляется преждевременным. Информативное значение позднего пласта средневекового материала еще далеко не исчерпано. При выявлении ареалов «чудских» племен, основанном на материалах XII—XIII вв., особую роль приобретают уже не учет и картография отдельных категорий находок, а изучение их сочетания, определение «удельного веса» признаков в общей системе материальной культуры данного региона и сопоставление их с соседними группами памятников. Зооморфные украшения, рассмотренные не изолированно, а в контексте с другими элементами финно-угорского происхождения, могут быть использованы для реконструкции древних группировок, в остаточной форме еще продолжающих сохранять черты своей племенной самобытности.

КАТАЛОГ НАХОДОК

НАИМЕНОВАНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ И ОБЛАСТНОЕ ДЕЛЕНИЕ, ПРИВЕДЕННЫЕ В КАТАЛОГЕ (В ГРАФЕ «МЕСТО НАХОДКИ»), СООТВЕТСТВУЮТ СУЩЕСТВОВАВШИМ В МОМЕНТ ОБНАРУЖЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЛИ ТЕМ, ПОД КОТОРЫМИ ОНИ ОПУБЛИКОВАНЫ ЛИБО ЗНАЧАТСЯ В МУЗЕЙНЫХ ОПИСЯХ; В СКОБКАХ УКАЗАНЫ НАЗВАНИЯ МЕСТНОСТЕЙ (ПУСТОШЕЙ, УРОЧИЩ), ГДЕ ЛОКАЛИЗОВАНЫ ПАМЯТНИКИ. ТИРЕ ОБОЗНАЧАЕТ ОТСУТСТВИЕ СВЕДЕНИЙ

Зооморфные подвески X—XIV вв. (форма известна)

№ п. п.	Место находки	Обстоятельства находки				Тип	Вариант	Дата	Источник информации о находке	Место хранения
		руководитель раскопок	год	комплекс						
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Г р у п п а I										
1—5	Вырица, бывш. С.-Петербургская губ.	Археол. ин-т	1907	Из курганов	I	1	X—XI вв.	ГЭ, ОИПК, инв. 703/9—13	ГЭ, ОИПК, инв. 703/9—13	
6	Старая Ладога	В. И. Равдоникас	1940	Из слоя поселения	I	1	XI в.	Там же	То же, инв. 1085/17	
7—11	Карлуха, Юго-Восточное Приладожье	То же	1930	Кург. 6, компл. II	I	1	Кон. X—нач. XI в.	Равдоникас, 1934а, с. 30, табл. IX, 2	—	
12—15	То же	»	1930	Кург. 7, компл. I	I	1	2-я пол. X в.	Там же, 1931, с. 353, 361, рис. 131; 1934а, с. 30—31	ГЭ, ОИПК, инв. 699/29—32	
16	»	»	1930	Кург. 17, компл. II	I	1	Кон. X—нач. XI в.	Там же, 1934а, с. 33—34, табл. IX, 2	—	
17	»	»	1930	Кург. 19, компл. II	I	1	XI в.	Там же, с. 34—35, табл. XII, 11	—	
18	Карлуха (Хвалевщина), Юго-Восточное Приладожье	А. М. Линеvский	1947	Кург. 2 (32), компл. II	I	1	XI в.	АИА, Р-1, д. 1947/154, л. 25, рис. 1	Петрозаводский музей	
19	То же	То же	1947	Кург. 8	I	1	XI в.	Там же, л. 28, рис. 8	То же	
20	Мергино, Юго-Восточное Приладожье	»	1948	Кург. 10 (108)	I	1	X—XI вв.	Там же, д. 1948/258, л. 31, 121	»	
21	Шангеничи-лес, там же	»	1948	Кург. 14 (71)	I	1	XI в.	Там же, л. 80	»	
22	Шангеничи-село, там же	»	1948	Кург. 8 (93)	I	1	XI в.	Там же, л. 110	»	
23	Валданица, там же	Д. Европеус	1877	Кург. 1	I	1	2-я пол. X в.	Aspelin, 1876—1878, р. 230, fig. 1116; Salonen, 1929, S. 237—238	НМФ	
24	Нюбиничи, там же	А. М. Линеvский	1949	Кург. 7 (168)	I	1	XI—нач. XII в.	АИА, Р-1, д. 1949/400	Петрозаводский музей	
25—28	Гайгово, там же	То же	1949	Кург. 1 (148), компл. I	I	1	XI в.	Там же, л. 119—120	То же	
29	Щуковщина, там же	Н. Е. Бранденбург	1878—1886	Кург. XLIV, компл. 2	I	1	XI в.	Бранденбург, 1895, с. 107	ГИМ, инв. 32778, хр. 123/47а	
30	То же	То же	1878—1886	Кург. LIV, компл. 2	I	1	XI в.	Там же, с. 45, 110—111, рис. 14	То же	
31	То же	»	1878—1886	Кург. LVII, компл. 3	I	1	XI в.	Там же, с. 112	»	
32—35	Вахрущево, там же	»	1878—1886	Кург. CXVI, компл. 2	I	1	Кон. X—нач. XI в.	Там же, с. 129—130	»	
36—37	Залющик, там же	В. И. Равдоникас	1923	Кург. 2	I	1	XI в.	Равдоникас, 1924, с. 22—23; АЛОИА, ф. 2, д. 1928/134, л. 11	—	
38	Новая, там же	С. И. Кочуркина	1965	Кург. 1	I	1	XI—нач. XII в.	Кочуркина, 1967, с. 308—309	Петрозаводск	

39—40	Бассейн р. Воронеж, там же	Д. Европеев	1879	Кург. 4	1	XI в.	Салопен, 1929, S. 247	НМФ
41	Бывш. Тихвинский уезд, Новгородская губ.	А. И. Колмогоров	1910—1911	Из кургана	I	X—XI вв.	Колмогоров, 1914, с. 424—425, рис. 43	—
42	Галично, Юго-Восточное Приладонье	В. А. Назаренко	1974	Группа III, кург. 1, погр. 7	I	2-я пол. XI в.	Сведения В. А. Назаренко	ГМИЛ
43	Ильино, там же	В. И. Равдоникас	1928	Кург. 6	I	XI—нач. XII в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/134, л. 37	ГЭ, ОИПК, инв. 700/140
44	Новгород	А. В. Арциховский	1951	Из городского слоя	I	Кон. X в.	Седова, 1959, с. 228, рис. 2, 6	Москва
45	То же	То же	1961	То же	I	—	Сведения М. В. Седовой	То же
46	Аксеново, бывш. Архангельская губ.	—	1914	Случайная находка	I	X—XI в.	ОАК, 1918, с. 178—180	ГЭ, ОИПК, инв. 655/6
47	Зубарево, Ярославская обл.	Е. И. Горюнова	1952	Из разрушенного кургана	I	XI—нач. XII в.	Горюнова, 1954, с. 157—158, рис. 71, 1	—
48	Новгород	А. В. Арциховский	1958	Из городского слоя	I	Сер. XII в.	Оп. НАЭ, № 4512/1958	ГИМ, инв. 100497, экспозиция
49	Малый Удрай, бывш. С.-Петербургская губ.	—	—	Из кургана	I	XII в.	Сведения ГЭ	ГЭ, ОИПК, инв. 689/11
50	Кириянова, бывш. Ярославская губ.	А. И. Кельсиев	1878	Кург. 44	I	XI—XII вв.	РИМ, 1893, с. 222, № 2041	ГИМ, инв. 78607, хр. Р8/196
51	Елохово, там же	Н. Г. Керцелли	1871	Кург. 4	I	XI—XII вв.	Там же, с. 250—251, № 2468	То же, инв. 80135, хр. Р8/226
52—53	Неизвестно	—	—	Отдельная находка (?)	I	XI—XII вв.	Сведения Иванова музей, Бурылина	Ивановский музей, экспозиция
54	Пеньки (Алабуга), бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1895	Кург. VIII	I	XII в.	Нефедов, 1899а, с. 170, табл. 4, 9	ГЭ, ОИПК, инв. 1043/487
55	Елотово, там же	КУАК	1895	Группа I, кург. 13	I	XII в.	Бекаревич, 1901, с. 324	Костромской музей, инв. 15474, хр. ХСIII-23
56	Погостице, Вологодская обл.	Н. В. Тухтина	1960	Грунтовое погр. 2	I	XII в.	Тухтина, 1966, с. 129, 136, рис. 4, 4	ГИМ
57	Зачьережье, там же	Н. А. Черницын	1925	Случайная находка	I	XII в. (?)	АЛОИА, ф. 2, д. 1925/190, л. 3 об.	—
58	Новгород	А. В. Арциховский	1955	Из городского слоя	I	2-я пол. XI в.	Оп. НАЭ, № 758/1955	Новгородский музей
59	Щуковщина, Юго-Восточное Приладонье	Н. Е. Бранденбург	1878—1886	Кург. LVII, компл. 1	I	XI в.	Бранденбург, 1895, с. 43, 110, рис. 10	ГИМ, инв. 32778, хр. 123/47а
60	Овино, там же	А. И. Колмогоров	1910—1911	Из кургана	I	XI—XII вв.	АЛОИА, ф. 5, д. 374, л. 88	—
61	Обабкова, бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1895	Группа I, кург. III	I	XII в.	Нефедов, 1899а, с. 177, табл. 4, 14	ГЭ, ОИПК, инв. 624/379
62	Елотово, там же	КУАК	1895	Группа III, кург. 2	I	XII в.	Бекаревич, 1901, с. 329	Костромской музей, инв. 15474, хр. CVII-68
63	То же	»	1895	Группа III, кург. 6	I	XII в.	Там же, с. 330	То же, хр. CVII-62
64	Сторожка, там же	Ф. Д. Нефедов	1895	Группа I, кург. VII	I	XII в.	Нефедов, 1899а, с. 181	ГЭ, ОИПК, инв. 624/479
65	Терпилицы, бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский	1879	Кург. 29	I	XII в.	Спицын, 1896, с. 87, табл. VII, 19	ГИМ
66	Пежовицы, там же	То же	1876	Группа А, кург. 8	I	XII в.	Там же, с. 111, табл. VII, 16	То же, инв. 35322, хр. 37/22а
67	Подберезье, там же	Л. Н. Целищ	1900	Кург. 20	I	XII в.	АЛОИА, ф. 1 д. 1900/92, рис. 33	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
68	Шангичи-лес, Юго-Восточное Приладожье	А. М. Линецкий	1948	Кург. 19 (76)	I	4	XI—XII вв.	АИА, Р-1, д. 1948/258, л. 84	Петрозаводский музей
69	Погостице, Вологодская обл.	Н. В. Тухтина	1960	Грунтовое погр. 2	I	4	XII в.	Тухтина, 1966, с. 129, 136, рис. 4, 4	ГИМ
70	Кривец, бывш. Ярославская губ.	Л. А. Ушаков	1887	Груша I, кург. 16	I	4	2-я пол. XII—XIII в.	Ушаков, 1890, с. 30	То же, инв. 80135, хр. Р-42/266
71	Кожухова (Гореловка), бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1895	Кург. IV	I	4	XII в.	Нефедов, 1899а, с. 186—187, табл. 4, 15	ГЭ, ОИПК, инв. 624/638
72	Низовская, там же	То же	1895	Группа I, кург. V	I	Табл. II, 10	XII в.	Там же, с. 183, табл. 4, 8	То же, инв. 1043/483
73	Малый Удрай, бывш. С.-Петербургская губ.	—	—	Из кургана	I	Табл. I, 12	XII в.	Сведения ГЭ	То же, инв. 689/12а
74	Новинка, Юго-Восточное Приладожье	А. М. Линецкий	1947	Кург. 9 (20)	I	—	XI—XII вв.	АИА, Р-1, д. 1947/154, л. 59	Петрозаводский музей
75	Залахтолье, Псковская обл.	Н. В. Хвоцинская	1974	Кург. 128	II	—	Кон. X в.	Сведения Н. В. Хвоцинской	ГМИЛ
76	Беседа, бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский	1881	Кург. 61	III	1	XI—XII вв.	Список, 1896, с. 96, табл. XI, 20	ГИМ, инв. 35322, хр. 33/53а
77	Старо-Сиверская, там же	То же	1873	Груша II, кург. 17	III	1	XI—XII вв.	Там же, с. 107, табл. VII, 17	—
78—79	Малый Удрай, там же	А. А. Свицман	1910	Кург. 7	III	1	XII в.	Свицман, 1914, с. 81—82	ГЭ, ОИПК, инв. 693/78
80	То же	То же	—	Из кургана	III	1	XII в.	Сведения ГЭ	То же, инв. 689/126
81—83	Борпезо, бывш. Новгородская губ.	Л. Н. Целеп	1908	Кург. 7	III	1	XII в.	То же	То же, инв. 712/72—74
84	Хрепле, Новгородская обл.	А. В. Арциховский	1929	Кург. 5	III	1	XI—XII вв.	Арциховский, 1930б, с. 24, рис. 7	ГИМ (?)
85	Новгород	То же	1953	Из городского слоя	III	1	1-я пол. XII в.	Седова, 1959, с. 228, рис. 2, 7	То же, экспозиция
86	То же	Н. К. Рерих	1959	То же	III	1	XII в.	Сведения М. В. Седовой	Новгородский музей
87	Дубровна, бывш. Псковская губ.	Н. К. Рерих	1899	Кург. 21	III	1	XII в.	Рерих, 1899, с. 357	ГЭ, ОИПК, инв. 864/14
88—89	Псков	Случайная находка	—	Из городского слоя	III	1	XI—XIII вв.	АЛОИА, ф. 2, д. 1931/743, л. 69	Псковский музей (?)
90	Шангичи-лес, Юго-Восточное Приладожье	А. М. Линецкий	1948	Кург. 28 (95)	III	1	XII в.	АИА, Р-1, д. 1948/258, л. 86	Петрозаводский музей
91	Торопец, Калининская обл.	Н. П. Милонов	1939	Из слоя поселения	III	1	XI—XIII вв.	АЛОИА, ф. 35, д. 1939/39, л. 15	ГИМ
92	Волково, Московская обл.	А. В. Арциховский	1940	Кург. 21	III	1 (?)	XIII в.	Там же, д. 1940/9, л. 36—36 об.; Авдусина, 1962, с. 282	—
93	Федоскино, там же	Р. Л. Розенфельдт	1947	Из кургана	III	1	XII—XIII вв.	Сведения Р. Л. Розенфельдта	ИА
94	Подольское, бывш. Костромская губ.	КУАК	1898	Группа I, кург. 1	III	1	XII—XIII вв.	Бекаревич, 1901, с. 414; АЛОИА, ф. д. 1928/223	—
95	Семухино, Ивановская обл.	Е. Н. Ерофеева	1965	Кург. 7	III	1	XII в.	Сведения Ивановского музея	Ивановский музей, инв. 68990/30
96	Дроздича, Польша	—	—	Из городского слоя	III	1	XI—XII вв.	Antoniowicz, 1957, s. 367, гус. 1	—
97—99	Забредняжье, бывш. С.-Петербургская губ.	В. А. Городцов	1909	Жальничное погр. 2	III	1А	XII в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1909/31, л. 27, 29	—

100—101	Заполье, Ленинградская обл.	С. А. Теплоухов	1928	Кург. 3	III	1А	XII в.	Там же, ф. 2, д. 1928/122, л. 20—21	ГЭ, ОИПК, инв. 720/43, 45
102	Кривец, бывш. Ярославская губ.	Я. А. Ушаков	1887	Группа кург. 1	III	1А	2-я пол. XII—XIII в.	Ушаков, 1890, с. 32; Толстой, Кондаков, 1897, с. 93, рис. 118	ГИМ, инв. 80135, хр. Р12/266
103	Пировы городища (летописный Ярополч-Залесский), Владимирская обл.	В. В. Седов	1956	Из слоя поселения	III	1А	XI—сер. XIII в.	Седов, 1962, с. 102, рис. 38, 1	Москва
104	Кривец, бывш. Ярославская губ.	Я. А. Ушаков	1887	Группа кург. 4	III	2	XII—XIII вв.	Ушаков, 1890, с. 32; Толстой, Кондаков, 1897, с. 93, рис. 118	ГИМ, инв. 80135, хр. Р12/266
105	Пьянково, бывш. Костромская губ.	Г. М. Девочкин	1870	Кург. 1	III	2	XII—XIII вв.	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223	Костромской музей, инв. 15452, хр. CVII-22
106	Поповка, там же	КУАК	1895	Кург. 5	III	2	XII в.	Бекаревич, 1904, с. 318; АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223	ГЭ
107	Белогуровская, там же	Ф. Д. Нефедов	1895	Кург. II	III	2	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 188—189, рис. 4, 13	Москва
108	Пировы городища (летописный Ярополч-Залесский), Владимирская обл.	В. В. Седов	С 1959	Из слоя поселения	III	—	XII—сер. XIII в.	Седова, 1972, с. 72—73, рис. 24, 15	Москва
109	Дубровна, бывш. Псковская губ.	Н. К. Рерих	1899	Кург. 21	III	Табл. III, 6	XII в.	Рерих, 1899, с. 357—358	ГЭ, ОИПК, инв. 864/15
110	Коханы, бывш. Смоленская губ.	Н. И. Булычев	—	Кург. 11	III	Табл. IV, 6	XII в.	Булычев, 1899, с. 71, табл. ХХХ, 13	ГИМ, инв. 25778, хр. 101/21а
111	Бочарово, там же	То же	—	Кург. 21	III	Табл. III, 5	Рубеж XI—XII вв.	Булычев, 1913, с. 76, табл. VII, 16	То же, инв. 45134, хр. 119/52а
112	Федоровская, бывш. Ярославская губ.	—	—	Из кургана (?)	IV	—	XII—XIII вв.	Картошка III археол. отд. ГИМ (бывш. кол. У. Р. Дэвиса)	То же, инв. 54746, хр. 119/196
113	Владимир	Н. Н. Воронин	1953—1954	Из городского слоя	IV	—	XII—сер. XIII в.	Горюнова, 1961, с. 59, рис. 18, 21	Владими́ро-Сузда́льский музей, экспозиция
114	Суздаль, Владимирская обл.	То же	1936	То же	IV	—	XII—сер. XIII в.	Археологические исследования. 1941, с. 93—95, табл. XIV, 9	—
115	То же	В. П. Глазов	1972	»	IV	—	XII—сер. XIII в.	Глазов, 1973, с. 57—58	Владимир
116	Пировы городища (летописный Ярополч-Залесский), Владимирская обл.	В. В. Седов	1956	Из слоя поселения	IV	—	XII—сер. XIII в.	Седов, 1962, с. 102, рис. 38, 4	Москва
117	Семухино, Ивановская обл.	Е. Н. Ерофеева	1965	Кург. 9	IV	—	XII в.	Сведения Ивановского музея	Ивановский музей, инв. 68980/43
118	Низовская, бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1895	Группа кург. III	IV	—	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 184, табл. 4, 1	ГЭ, экспозиция
119	Левашиха (Сухарева), там же	То же	1895	Группа кург. I	IV	—	2-я пол. XII—XIII в.	Там же, с. 164, табл. 4, 10	То же, ОИПК, инв. 624/71
120	Ваймуши, бывш. Архангельская губ.	Случайная находка	До 1909	Из могильника (?)	IV	—	XII—XIII вв.	АЛОИА, ф. 1, д. 1909/80, л. 34—35; Tallgren, 1928а, S. 153, Abb. 17	НМФ, инв. 5384 : 2
121	Новгород	А. В. Арциховский	1951—1955	Из городского слоя	V	—	1-я пол. XII в.	Седова, 1959, с. 228, рис. 2, 9	—
122	Сущева, бывш. Псковская губ.	—	1904	Отдельная находка	V	—	XII—XIII вв.	Сведения ГЭ	ГЭ, ОИПК, инв. 855/2
123	Старая Ладога	Н. И. Репников	1910	Из слоя городища	V	—	XII—XIII вв.	Гроздилов, Третьяков, 1948, с. 84—89, табл. IV, 4	То же, инв. 2790/38
124	Яровищина, Юго-Восточное Приладжье	Д. Европеус	1870-е гг.	Кург. 3	V	—	XII в.	Aspelin, 1876—1878, р. 231, fig. 1130; Salonen, 1929, S. 238	НМФ
125	Новинка, там же	А. М. Линеvский	1947	Кург. 5 (16)	V	—	XII—нач. XIII в.	АИА, Р-1, д. 1947/154, л. 32—33 об.	Петрозаводский музей

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
126	То же	То же	1947	Кург. 9 (20)	V	—	XI—XII вв.	Там же	ГИМ, инв. 32778,
127	Саньково, Юго-Вос- точное Дожье	Н. Е. Бранден- бург	1878—1886	Кург. СХ	V	—	XII в.	Бранденбург, 1895, с. 126, табл. III, 1	хр. 123/47а
128	Бывш. Тихвинский, уезд, Новгород- ская губ.	—	1913	Из курганов	V	—	XII в. (?)	АЛОИА, ф. 5, д. 374, л. 125	ГЭ, ОИПК, инв. 702/12 (бывш. кол. Граммашинского)
129	Митино и Зворы- кино, бывш. Во- логдская губ.	А. В. Панин	1893	Группа II, кург. 1	V	—	XII в.	Там же, ф. 1, д. 1895/220, л. 9; Спицын, 1899, с. 160—162; Голубева, 1962, с. 68—71, рис. 12.	—
130	Белоозеро, Вологод- ская обл.	Л. А. Голубева	1961—1962	Из слия городи- ща	V	—	XII—XIII вв.	Голубева, 1973, с. 42, рис. 5, 1; 1967, с. 93— 95, рис. 33, 3	ГИМ
131	Пески, там же	С. В. Ошибкина	1969	Из разрушенно- го могильника	V	—	XII в.	Ошибкина, 1972, с. 67— 68, рис. 22, 6	То же
132	Бывш. Вологод- ская губ.	—	До 1869	Отдельная на- ходка	V	—	XII—XIII вв.	Aspelin, 1876—1878, р. 154, fig. 676	—
133—136	Окрестности г. Вель- ска, Архангель- ская обл.	—	—	Находки	V	—	XII—XIII вв.	Сведения О. В. Овсянни- кова	Вельский музей
137	Воскресенское (Ва- сильевское горо- дище), бывш. Ар- хангельская губ.	—	—	В составе кладя (?)	V	—	XII в.	Спицын, 1915, с. 240— 244, рис. 39; Tallgren, 1931, р. 114, fig. 6	Архангельский му- зей
138	Городищи, бывш. Костромская губ.	КУАК	1894	Из кургана (?)	V	—	XII—XIII вв.	Сведения Костромского му- зея	Костромской музей
139—140	Пьянково, там же	Г. М. Девочкин	1870	Кург. XX	V	—	XII в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223	То же, инв. 15452, хр. СХХVIII-25
141	Татаринава, там же	КУАК	1895	Группа I, кург. 12	V	—	XII в.	Бекаревич, 1901, с. 341— 342	То же, инв. 15438, хр. ХСIII
142	Руболдино, там же	»	1896	Кург. 1	V	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 353	То же, инв. 15486, хр. СVI-48
143	Большое Андрей- ково, там же	»	1896	Группа I, кург. 15	V	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 366	То же, инв. 15454, хр. СVII-37
144	Боровниково, там же	»	1896	Группа III, кург. 3	V	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 376—377	То же, инв. 15470, хр. СI-56
145—149	Гоменки, там же	Случайные рас- копки	До 1896	Из курганов	V	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 380—382	То же, инв. 15467, хр. ХСV
150	Кисловская, там же	Ф. Д. Нефедов	1895	Группа I, кург. IV	V	—	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 174	ГЭ, ОИПК, инв. 1044/85
151	Иордания (пу- стопь), там же	То же	1896	Кург. VIII	V	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 211	То же, инв. 1043/486
152	Мальцева, там же	»	1895	Кург. II	V	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 161—162, табл. 4, 3	То же, инв. 624/11
153	Сторожева, там же	»	1895	Группа II, кург. VI	V	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 182, табл. 4, 2	То же, инв. 1043/482
154	Иворова (Кувал- дина), там же	»	1895	Кург. I	V	—	XII в.	Там же, с. 191, табл. 4, 5	То же, инв. 624/750
155	Кожухова (Горе- ловка), там же	»	1895	Кург. II	V	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 186, табл. 4, 4	То же, инв. 624/633
156	Белогуровская, там же	»	1895	Кург. V	V	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 189	То же, инв. 624/707
157	Студенец (Могили- щи), там же	»	1896	Кург. VIII	V	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 220	То же, инв. 1043/225
158	Бывш. Костром- ская губ.	»	1895—1896	Из курганов	V	—	XII—XIII вв.	Там же, табл. 4, 6	То же, инв. 1043/484

159	Семухино, Ивановская обл.	Е. Н. Ерофеева	1966	Кург. 10	V	—	XII в.	АИА, Р-1, д. 1966/3385, л. 89, рис. 80	Ивановский музей, инв. 68994/25
160	Кузнецовка, Московская обл.	С. В. Киселев	1930	Кург. 3	V	—	XII в.	Киселев, 1936, с. 248—249, рис. 3	—
161	Неизвестно	—	—	Отдельная находка (?)	V	—	XII—XIII вв.	Сведения Иванковского музея	То же, инв. 64125 (бывш. кол. Д. Г. Бурдылина)
162	Кидомля (пустошь), бывш. Тверская губ.	П. М. Казначеев	1893	Кург. 1	V	—	XII—XIII вв.	АЛОИА, ф. 5, д. 381, л. 69; Тверской музей, 1894, с. 10—11	—
163—164	Чернобыль, бывш. Киевская губ.	Случайная находка	1896	В составе клада	V	—	1-я пол. XIII в.	Ханенко Б. И., Ханенко В. И., 1902, с. 19, 42, табл. VI, 624	—
165	Березовка, Куйбышевская обл.	А. Е. Алихова	1952	Из слоя поселения	V	—	XII—XIII вв.	Алихова, 1960, с. 196—197, рис. 3, 2	—
166	Большая Брембола, бывш. Владимирская губ.	П. С. Савельев	1853	Кург. 1460	—	Табл. VI, 6	Кон. X—нач. XI в.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 42; Уваров, 1871, с. 798, табл. XXV, 20; Спицын, 1905а, с. 162, рис. 466	ГИМ, инв. 54746, хр. Р10/286
167	Ильино, Юго-Восточное Приладжье	В. И. Равдоникас	1928	Кург. компл. II	—	Табл. IV, 11	XII в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/134, л. 39	ГЭ, ОИПК, инв. 700/188

Г р у п п а II

168	Подъелье, там же	Н. Е. Бранденбург	1878—1886	Кург. компл. I	VI	—	Кон. X в.	Бранденбург, 1895, с. 124—125, табл. III, 16	ГИМ, инв. 32778, оп. 137/325
169—170	Заозерье, там же	В. И. Равдоникас	1928	Кург. компл. VIII	VI	—	Нач. XI в.	Равдоникас, 1930, с. 65, рис. 50; АЛОИА, ф. 2, д. 1928/134, л. 16—17	—
171	Сорогожа, бывш. Тверская губ.	Н. И. Ренников	1902	Кург. 1 (24)	VI	—	XI в.	Ренников, 1904, с. 16—17, табл. III, 10; АЛОИА, ф. 1, д. 1902/96а, л. 96 об.—97	—
172	Малый Удрай, бывш. С.-Петербургская губ.	А. А. Спицын	1910	Кург. 7	VII	1	XII в.	Спицын, 1914, с. 81—82	ГЭ, ОИПК, инв. 693/77
173	Стан, Вологодская обл.	Г. П. Гроздилов	1929	Кург. 1	VII	1	XII в.	МАЭ, полев. оп.; Голубева, 1973, с. 16, 28	МАЭ, инв. 6012/20
174	Белоозеро, там же	Л. А. Голубева	1959—1960	Из слоя поселения	VII	1	XII в.	Голубева, 1962, с. 72, рис. 13, 1; 1973, с. 42, 44, рис. 5, 7	ГИМ
175	Воскресенское (Васильевское городище), бывш. Архангельская губ.	Случайная находка	—	В составе клада (?)	VII	1	XII в.	Спицын, 1915, с. 240—244, рис. 39; Tallgren, 1931, р. 114, fig. 6	Архангельский музей, инв. 349
176	Татарина, бывш. Костромская губ.	КУАК	1895	Группа I, кург. 15	VII	1	XII в.	Бекаревич, 1901, с. 342—343	Костромской музей, инв. 15473, хр. ХСП-15
177	Терешино, там же	»	1895	Группа I, кург. 5	VII	1	XII в.	Там же, с. 312—313; АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223	—
178	Лешкова, там же	Ф. Д. Нефедов	1895	Кург. V	VII	1	XII в.	Нефедов, 1899а, с. 186, табл. 4, 17	ГЭ, ОИПК, инв. 624/616
179	Старая Ладога	В. И. Равдоникас	1950	Из слоя поселения	VII	2	XII—XIII вв.	Сведения ГЭ	То же, инв. ЛС-1179
180	Белоозеро, Вологодская обл.	Л. А. Голубева	1949—1961	То же	VII	2	XII в.	Голубева, 1962, с. 72, рис. 13, 2; 1973, с. 42—44, рис. 5, 9	ГИМ
181	То же	То же	1949—1961	»	VII	2	XII—XIII вв.	Голубева, 1973, с. 42—44, рис. 5, 8	То же, экспозиция

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
182	Воскресенское (Васильевское городище), бывш. Архангельская губ. Новгород	Случайная находка	—	В составе кладда (?)	VII	2	XII в.	Спицын, 1915, с. 240—244, рис. 39; Tallgren, 1931, р. 114, fig. 6	Архангельский музей
183	Бывш. Тихвинский уезд, Новгородская губ.	А. В. Арциховский	1966	Из городского слоя Из кургана	VII	3	1-я пол. XII в.	НАЭ, № 683/1966.	Москва
184	Мозолово, Юго-Восточное Приладжье	В. И. Равдоникас	1919	Кург. 9	VII	3	XII в.	Фотоарх. ЛОИА, II-41866 (из собр. Грамматинского)	—
185	Митино и Зворыкино, бывш. Вологодская губ.	А. В. Панин	1893	Группа II, кург. 1	VII	3	XII в.	Равдоникас, 1934а, с. 51, табл. XVIII, 5	—
187	Погостище, Вологодская обл.	А. Я. Брюсов	1959	Грунтовое погребение	VII	3	XII в.	Спицын, 1899, с. 160—162; Голубева, 1962, с. 68—71, рис. 12; АЛОИА, ф. 1, д. 1895/220, л. 9	—
188	То же	Н. В. Тухтина	1960	Находки	VII	3	XII в.	Брюсов, 1969, с. 82, рис. 34	—
189—190	Вельск, окрестности, Архангельская обл.	—	—	—	VII	3	XII—XIII вв.	Тухтина, 1966, с. 129, 136, рис. 4, 4	ГИМ
191—193	Воскресенское (Васильевское городище), бывш. Архангельская губ.	Случайная находка	—	В составе кладда (?)	VII	3	XII в.	Сведения О. В. Овсянникова	Вельский музей
194	Зубарево, Ярославская обл.	Е. И. Горюнова	1952	Из разрушенного кургана	VII	3	XI—нач. XII в.	Спицын, 1915, с. 240—244, рис. 39; Tallgren, 1931, р. 114, fig. 6	Архангельский музей
195	Терешино, бывш. Костромская губ.	КУАК	1895	Группа I, кург. 2	VII	3	XII в.	Горюнова, 1954, с. 157—158, рис. 71, 12	—
196	То же	»	1895	Группа I, кург. 5	VII	3	XII в.	Бекаревич, 1901, с. 311—312	Костромской музей, инв. 15469, хр. CXIV-12
197—198	Васильевское, бывш. Костромская губ.	»	1896	Группа II, кург. 16	VII	3	XII в.	Там же, с. 312—313	То же, инв. 15475, хр. LXXXVIII
199	Петрушина, там же	Ф. Д. Нефедов	1895	Кург. III	VII	3	XII—XIII вв.	Там же, с. 352	То же, инв. 624/447
200	Безрядова (пустошь), там же	То же	1895	Кург. IV	VII	3	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 180, табл. 4, 19	ГЭ, ОИПК, инв. 62X/441
201	Влечиха (Сидельница), там же	»	1896	Кург. III	VII	3	XII—XIII вв.	Там же, с. 190, табл. 4, 18	То же, инв. 1043/481
202	Семухино, Ивановская обл.	Е. Н. Ерофеева	1966	Кург. 10	VII	3	XII—XIII вв.	Там же, с. 218	То же, инв. 624/447
203	Закопье, бывш. Владимирская губ.	А. П. Поливанов	1899	Грунтовое погр. 3	VII	3	XI—XII вв.	АИА, Р-1, д. 1966/3385, л. 89, рис. 57, 80	Ивановский музей, инв. 68991/24
204	Антоновка, бывш. Черниговская губ.	П. М. Еременко	1894	Кург. СХХХ	VII	3	XII в. (?)	Макаренко, 1908, с. 43—45, рис. 11, 20	КИМ
205	Пьянково, бывш. Костромская губ.	Г. М. Девичкин	1870	Кург. XI	VIII	—	XII в.	Еременко, 1896, с. 101; ОАК; 1896, с. 20, рис. 16; АЛОИА, ф. 1, д. 1894/103, л. 78 об.	Костромской музей, инв. 15452, хр. CXVIII-21
206	То же	То же	1870	Кург. XII	VIII	—	Нач. XII в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223	То же, хр. CX XIV-25
207	»	»	1870	Кург. XXII	VIII	—	XII в.	—	То же, хр. CX XIX-3
208	Кубасова (пустошь)	Ф. Д. Нефедов	1895	Группа I,	VIII	—	1-я пол. XII в.	Нефедов, 1899а, с. 173;	ГЭ, ОИПК, инв.

209	стошь), бывш. Костромская губ. Иворова (Кувалдино), там же	То же	1895	кург. VIII Кург. IV	VIIA	—	—	XII в.	АЛОИА, ф. 46, д. 64, л. 50 Нефедов, 1899а, с. 191, табл. 4, 20 АИА, Р-1, д. 1966/3385, л. 90—91, рис. 61, 80 АЛОИА, ф. 1, д. 1909/89, л. 106 об.—107	624/241 То же, инв. 624/757 Ивановский музей, экспозиция
210	Семухино, Ивановская обл.	Е. Н. Ерофеева	1966	Кург. 12	VIIA	—	—	XI—XII вв.		
211	Пировы городища (летописный Ярополч-Залесский), бывш. Владимирская губ.	—	1911	Из слоя поселения	VIIA	—	—	XI—XIII вв.		
212	То же, Владимирская обл.	В. В. Седов	1959—1960	То же	VIIA	—	—	XI—XII вв.	Седова, 1972, с. 72—73, рис. 24, 19	
213	Мятева (Мокрые Пожни), бывш. Тверская губ.	Случайные раскопки	1884	Из кургана	VIII	—	—	XII—XIII вв.	Плетнев, 1903, с. 193	
214	Кидомля (пустошь), там же	А. Е. Гроздов	1880	То же	VIII	—	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 465—466; АЛОИА, ф. 5, д. 381, л. 69; Альбом. . ., 1892, л. 7, рис. 5 Археологическая. . ., 1910, с. 26—27	
215	Милеть, бывш. Московская губ.	И. К. Лидеман	1910 (?)	»	VIII	—	—	XII—XIII вв.	Картоотека III археол. отд. ГИМ	
216	Горки, там же	То же	1912	»	VIII	—	—	XI—нач. XIII в.		
217	Васильевское, бывш. Костромская губ.	КУАК	1895	Груша II, кург. 5	VIII	—	—	XII—XIII вв.	Бекаревич, 1901, с. 309—310; Алучин, 1899, с. 253, рис. 3, а Ханенко Б. И., Ханенко В. И., 1902, с. 35, табл. VI, 379	Костромской музей, инв. 15475, хр. CV
218	Чернобыль, бывш. Киевская губ.	—	1896	В составе кладки	VIII	—	—	1-я пол. XIII в.		
219	Кидомля (пустошь), бывш. Тверская губ.	А. Е. Гроздов	1880	Из кургана	IX	—	—	XII—XIII вв.	Плетнев, 1903, с. 465—466; АЛОИА, ф. 5, д. 381, л. 69; Альбом. . ., 1892, л. 7, рис. 7	
220	Ягодино, там же	С. А. Гатицук	1902	Кург. 5 (81)	IX	—	—	XII—XIII вв.	Гатицук, 1904, с. 42, табл. V, 8; АЛОИА, ф. 1, д. 1902/75, л. 220	Москва
221	Бывш. Серафимо-Знаменский скит, Московская обл.	Р. Л. Розенфельдт	1971	Кург. 6	IX	—	—	Нач. XIII в.	Розенфельдт, 1973, с. 62—65, рис. 17, 8	
222	Чухново, Псковская обл.	—	—	Случайная находка	X	—	—	XIV—1-я пол. XV в.	Сведения Л. А. Голубевой	Печорский музей, инв. 450
223	Осминка, там же	Г. П. Гроздилов	1960	Из грунтового могильника	X	—	—	XIV—1-я пол. XV в.	АИА, Р-1, д. 1960/2198, л. 37—38	

Г р у п п а III

224	Вырина, бывш. С.-Петербургская губ.	Археол. ин-т	1907	Из кургана	XI	1	—	X—XI вв.	Сведения ГЭ	ГЭ, ОИПК, инв. 703/7
225	Карлуха, Юго-Восточное Приладожье	В. И. Равдоникас	1930	Кург. 6, компл. II	XI	1	—	Коя. X—нач. XI в.	Равдоникас, 1931, с. 363—364, рис. 134; 1934а, с. 30, табл. IX, 2	
226	Сязнега, там же	Н. Е. Бранденбург	1878—1886	Кург. LI, компл. I	XI	1	—	Нач. XI в.	Бранденбург, 1895, с. 110, табл. III, 2	ГИМ, инв. 32778, хр. 123/47а
227	Исаково и Усадиче, там же	Случайные раскопки	1880-е гг.	Из кургана	XI	1	—	X—нач. XI в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1885/62, л. 2	ГЭ, ОИПК, инв. 1014/6
228	Видлицы, Карелия	В. И. Равдоникас	1929	Кург. 3, компл. I	XI	1	—	XI в.	Равдоникас, 1934а, с. 14—15, табл. V, 10	
229—231	Кокорино, там же	Случайные раскопки	1930-е гг.	Из курганов	XI	1	—	X—нач. XI в.	Там же, 1934б, с. 170—171	
232—235	Челмужи, там же	Г. П. Гроздилов	1934	Кург. 2, компл. I	XI	1	—	Нач. XI в.	Гроздилов, 1947, с. 111—114; АЛОИА, ф. 2, д. 1934/342, л. 3—8	ГЭ, ОИПК, инв. 1553/35—38

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
236	Аксеново, бывш. Архангельская губ.	—	1914	Случайная находка	XI	1	X—XI вв.	ОАК, 1918, с. 179—180	То же, инв. 655/2
237	Будино, бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский	1876	Кург. 15	XI	2	XI—XII вв.	Спицын, 1896, с. 78, табл. XII, 10	ГИМ, инв. 35322, хр. 31/576
238	Кяргино (Круглицы), Юго-Восточное Приладожье	А. М. Линевский	1949	Кург. 5 (137)	XI	2	XII в.	АИА, Р-1, д. 1949/400, л. 78—79	Петрозаводский музей
239	Бывш. Тихвинский уезд, Новгородская губ.	А. И. Колмогоров	1910—1911	Из кургана	XI	2	XI—XII вв.	Колмогоров, 1914, с. 424—425, рис. 44	—
240	Видлицы, Карелия	В. И. Равдоникас	1929	Кург. 2, компл. IV	XI	2	XI—XII вв.	Равдоникас, 1934а, с. 13—14, табл. V, 3; АЛОИА, ф. 2, д. 1928/134, л. 129—130	—
241	Зубарево, Ярославская обл.	Е. И. Горюнова	1952	Из разрушенного кургана	XI	2	XI—нач. XII в.	Горюнова, 1954, с. 157—158, рис. 71, 13	—
242	Аксеново, бывш. Архангельская губ.	—	1914	Случайная находка	XI	2	XI в.	ОАК, 1918, с. 179—180	ГЭ, ОИПК, инв. 655/3
243—246	Карлуха, Юго-Восточное Приладожье	В. И. Равдоникас	1930	Кург. 9, компл. I	XII	—	X—нач. XI в.	Равдоникас, 1934а, с. 31—32, табл. X, 9 (а—г)	—
247	То же	То же	1930	Кург. 17, компл. II	XII	—	Кон. X—нач. XI в.	Там же, с. 33—34	—
248	Карлуха (Хвалевщина), Юго-Восточное Приладожье	А. М. Линевский	1947	Кург. 2 (32), компл. II	XII	—	XI в.	АИА, Р-1, д. 1947/154, л. 25, рис. 2	Петрозаводский музей
249	Шангеничи-село, там же	То же	1948	Кург. 8 (93)	XII	—	XI в.	Там же, л. 110	То же
250	Яровщина, там же	В. И. Равдоникас	1929	Кург. 4, компл. II	XII	—	2-я пол. X в.	Равдоникас, 1930, с. 60—61, рис. 69	Лодейнопольский музей (?)
251	Валданица, там же	Д. Европеус	1877	Кург. 4, компл. II	XII	—	X—нач. XI в.	Aspelin, 1876—1878, р. 233, fig. 1110; Salonen, 1929, S. 237—238	НМФ
252	То же (?)	То же	1877	Из кургана	XII	—	X—XI вв.	Aspelin, 1876—1878, р. 230, fig. 1114; Salonen, 1929, S. 238	То же
253	Нюбиничи, Юго-Восточное Приладожье	А. М. Линевский	1949	Кург. 2 (162)	XII	—	Кон. X—нач. XI в.	АИА, Р-1, д. 1949/400, л. 181—182	Петрозаводский музей
254	Исаково и Усадище, там же	Случайные раскопки	1880-е гг.	Из кургана	XII	—	X—нач. XI в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1885/62, л. 2	ГЭ, ОИПК, инв. 1011/5
255	Бывш. Тихвинский уезд, Новгородская губ.	А. И. Колмогоров	1910—1911	То же	XII	—	X—XI вв.	Колмогоров, 1914, с. 425, рис. 45	—
256	Галично, Юго-Восточное Приладожье	В. А. Назаренко	1974	Кург. 3, компл. VI	XII	—	Кон. X—нач. XI в.	Сведения В. А. Назаренко	ГМИЛ
257	Гиттола, Карелия	В. И. Равдоникас	1929	Кург. 1, компл. XIV	XII	—	2-я пол. X в.	Равдоникас, 1930, с. 68, рис. 91	—
258	Горка, там же	Д. Европеус	1870-е гг.	Из кургана	XII	—	X—нач. XI в.	Salonen, 1929, S. 238	НМФ
259	Систа, бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский	—	То же	XIII	1	XI—XIII вв.	Спицын, 1896, с. 98, табл. VI, 20	—
260	Терпилицы, там же	То же	1879	Кург. 31	XIII	1	Кон. XI—нач. XII в.	Там же, с. 87, табл. VII, 21	—
261	Вопша, там же	»	1873	Группа кург. 25	XIII	1	Кон. XI—нач. XII в.	Там же, с. 102, табл. VI, 20	ГИМ, инв. 35322, хр. 37/446

262	Ново-Сиверская, там же	»	1873	Группа II, из кургана	XIII	1	XI—XIII вв.	Asrelin, 1876—1878, fig. 1157	ГЭ
263	Залахтовье, там же	К. Д. Трофимов	1903	Кург. 2	XIII	1	Кон. XI—нач. XII в.	Трофимов, 1909, с. 9; АЛОИА, ф. 1, д. 1908/32, рис. 7	ГЭ
264	Старая Руза, бывш. Московская губ.	—	До 1917	Отдельная на-ходка	XIII	1	XI—XIII вв.	АЛОИА, ф. 5, л. 387, л. 47	ГИМ, инв. 69957, хр. Р7/30а
265	Неизвестно	—	До 1917	—	XIII	1	XI—XIII вв.	Сведения Ивановского музея	Ивановский музей, экспозиция
266	Елотово, бывш. Костромская губ.	КУАК	1895	Группа III, кург. 6	XIII	1	XII в.	Бекаревич, 1901, с. 330	Костромской музей, инв. 15474, хр. CVII-63
267	Шеляиха (Северцы), там же	Ф. Д. Нефедов	1895	Кург. 1	XIII	1	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 194, табл. 4, 7	ГЭ, ОИПК, инв. 624/861
268	Будино, бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский	1876	Кург. 2	XIII	2	XII—XIII вв.	Спицын, 1896, с. 78	ГИМ, инв. 35322, хр. 31/576
269	Кярино (Круглицы), Юго-Восточное Приладжье	А. М. Липневский	1949	Кург. 5 (137)	XIII	2	XII в.	АИА, Р-1, д. 1949/400, л. 78—79	Петрозаводский музей
270	Руболдино, бывш. Костромская губ.	КУАК	1896	Кург. 3	XIII	2	XII—XIII вв.	Бекаревич, 1901, с. 354	Костромской музей, инв. 15485, хр. CVII-43
271	Кубасова (пустошь), там же	Ф. Д. Нефедов	1895	Группа I, кург. IV	XIII	2	XII в.	Нефедов, 1899а, с. 172—173, табл. 4, II	ГЭ, ОИПК, инв. 624/230
272	Любаново, там же	То же	1896	Кург. IV	XIII	2	XII—XIII вв.	Там же, с. 222, табл. 4, I, 2	—
273	Ущевцы, бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский	1881	Кург. 14	XIII	3	XII—XIII вв.	Спицын, 1896, с. 94, табл. VII, 18	ГИМ, инв. 35322, хр. 37/546
274	Забредняжье, там же	В. А. Городцов	1909	Жальничная мог. 2	XIII	3	XII в.	АЛОИА, ф. 1, л. 1909/31, рис.	—
275	Старая Ладога	В. И. Равдоникас	1949	Из слоя поселения	XIII	3	XI—XII вв.	Сведения ГЭ	ГЭ, ОИПК, инв. Ла-22
276	Новинка, Юго-Восточное Приладжье	А. М. Липневский	1947	Кург. 8 (19)	XIII	3	XI—нач. XII в.	АИА, Р-1, д. 1947/154, л. 36—38	Петрозаводский музей
277	Шейка, бывш. Московская губ.	К. Я. Виноградов	1926	Группа II, кург. 1	XIII	3	XII в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1926/112, л. 58—59	ГИМ
278	Поповка, бывш. Костромская губ.	КУАК	1895	Кург. 5	XIII	3	XII в.	Бекаревич, 1901, с. 318	—
279	Новгород	А. В. Арциховский	1955	Из городского слоя	XIII	Табл. XI, 6	2-я пол. XII в.	Седова, 1959, с. 228—230, рис. 2, 10	ГЭ
280	Сельцо, Псковская обл.	Е. И. Исполатов	1928	Кург. 19	XIII	Табл. XI, 7	XII—XIII вв.	АЛОИА, ф. 2, д. 1931/743, № 41	—
281	Бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский	1872—1891	Из кургана	XIV	1	XI—XIII вв.	Спицын, 1896, с. 121, табл. XIV, 18	—
282	Волша, бывш. С.-Петербургская губ.	То же	1873	Группа II, из кургана	XIV	1	XI—XIII вв.	Asrelin, 1876—1878, р. 241, fig. 1207	—
283	Гусева Гора, там же	В. Н. Глазов	1899	Кург. 142	XIV	1	XII в.	Спицын, 1903, с. 83; АЛОИА, ф. 1, д. 1899/50, л. 17—17 об.	—
284	Калихновщина, там же	То же	1900	Кург. 338	XIV	1	XI в.	Спицын, 1903, с. 103—104	—
285	Савиновщина, там же	»	1899	Жальничная мог. 112	XIV	1	XIII в.	Там же, с. 79	ГЭ, ОИПК, инв. 856/349
286	Полицы, там же	И. Г. Данилов	1879	Жальничная мог. 4	XIV	1	XII—XIII вв.	Данилов, 1880, с. 32	То же, инв. 687/2
287	Малый Удрай, там же	А. А. Спицын	1910	Кург. 1	XIV	1	XI—XII вв.	Спицын, 1914, с. 83	То же, инв. 693/69
288	Оредеж, там же	Археол. ин-т	1905	Кург. 12	XIV	1	XI в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1905/51, л. 3 об.—4	—
289	Хрепле, Новгородская обл.	А. В. Арциховский	1929	Кург. 11	XIV	1	XI—нач. XII в.	Арциховский, 1930б, с. 24	ГИМ (?)
290	Новгород	То же	1953	Из городского слоя	XIV	1	Нач. XI в.	Седова, 1959, с. 228—230, рис. 2, 8	МГУ

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
291	То же	А. В. Арциховский	1954	То же	XIV	1	Рубеж XII—XIII вв.	Там же, с. 230	ГИМ, инв. 100497, экспозиция
292	Старая Ладога	Н. И. Репников	1910	Из слоя поселения	XIV	1	XI—XIII вв.	Гроздилов, Третьяков, 1948, с. 84—89, табл. IV, I	ГЭ, ОИПК, инв. 2790/287
293	Шангеничи-лес, Юго-Восточное Приладожье	А. М. Линеvский	1948	Кург. 4 (61)	XIV	1	XI в.	АИА, Р-1, д. 1948/258, л. 60	Петровский музей
294—295	Шангеничи-село, там же	То же	1948	Кург. 3 (88)	XIV	1	XI в.	Там же, л. 104	То же
296	Шуковщина, там же	Н. Е. Бранденбург	1878—1886	Кург. LIV, компл. 2	XIV	1	XI в.	Бранденбург, 1895, с. 45, 110—111, рис. 14	ГИМ, инв. 32778, хр. 123/47а
297	Крючково, там же	В. И. Равдоникас	1928	Кург. 23	XIV	1	XI—нач. XII в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/134, л. 21—22	—
298	Ригачево, там же	То же	1928	Кург. 1, компл. IV	XIV	1	XI в.	Там же, л. 24—25	ГЭ, ОИПК, инв. 700/215
299	Ганьково, там же	В. А. Кольчатов	1973	Кург. 3, компл. I	XIV	1	XI в.	Сведения В. А. Кольчатова	ГМИЛ
300	То же	То же	1971	Кург. 4, компл. I	XIV	1	XI—XII вв.	То же	То же
301	Орехово, там же	И. П. Крупейченко	1963	Кург. 7	XIV	1	XI в.	АИА, Р-1, д. 1963/4585	Тихвинский музей
302	Ильино, там же	В. И. Равдоникас	1928	Кург. 5, компл. III	XIV	1	XI в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/134, л. 37	—
303	Челмужи, Карелия	Г. П. Гроздилов	1934	Кург. 5, компл. II	XIV	1	XI в.	Там же, л. 1934/342, л. 10—12; Археологические исследования... 1941, с. 13—14; Гроздилов, 1947, с. 113	ГЭ, ОИПК, инв. 864/10—11
304—305	Старый Изборск, Псковская обл.	В. В. Седов	1975	Из слоя поселения	XIV	1	XI—XIII вв.	Седов, 1976, с. 44	—
306	Каменка, бывш. Псковская губ.	Н. К. Рерих	1899	Кург. 47	XIV	1	XI в.	Рерих, 1899, с. 364; фотоарх. ЛОИА	—
307—308	Дубровна, там же	То же	1899	Кург. 21	XIV	1	XII в.	Рерих, 1899, с. 357	ГЭ, ОИПК, инв. 864/10—11
309	Бывш. Новоржевский уезд, там же	Случайные раскопки	1922	Из кургана	XIV	1	XI—XII вв.	АЛОИА, ф. 2, д. 1931/743, № 57	Псковский музей
310	Бывш. Торопецкий уезд, там же	—	1923	Отдельная находка	XIV	1	XI—нач. XII в.	Там же, ф. 5, д. 387, л. 51	Торопецкий музей
311	Бенцы и Баруада, бывш. Великолукская обл.	Я. В. Станкевич	1949	Из погребения	XIV	1	XI в.	Станкевич, 1960, с. 310—316, табл. LXXXIV, 2	—
312	Остенец, Псковская обл.	Н. Л. Подвигина	1962	Кург. С-3	XIV	1	XI в.	Подвигина, 1965, с. 293—296, рис. 19	—
313	Юрьевы Горы, там же	Случайная находка	1968—1969	Из слоя поселения	XIV	1	XI—XIII вв.	Сведения Р. С. Минасяна	Музей Усвятской школы (Усвятский р-н Псковской обл.)
314	Сельцо, бывш. Смоленская губ.	К. А. Горбачев	1886	Кург. 2	XIV	1	XI—XII вв.	Горбачев, 1890, с. 724, Прил. I, рис. 1	—
315	Угрюмово, там же	—	До 1893	Из кургана	XIV	1	XI—нач. XII в.	РИМ, 1893, с. 126, № 749	ГИМ
316—317	Саки, там же	И. С. Абрамов	1905	Кург. 55	XIV	1	XI в.	Срицын, 19066, с. 200—201	ГЭ, ОИПК, инв. 812/560
318	То же	То же	1905	Кург. 63	XIV	1	XI в.	Там же, с. 202—203	То же, инв. 812/613
319	Слобода, бывш. Смоленская губ.	Случайные раскопки	1912—1913	Из кургана	XIV	1	XI в.	Ляудански, 1932, с. 36, 56, табл. XIX, 5	—
320	Новоселки, там же	В. И. Сизов	1890	Кург. 2	XIV	1	XI—XII вв.	Сизов, 1894, с. 134, 138—139	ГИМ, инв. 22867-81, хр. 125/35а

321—323	Харлапово, Смоленская обл. То же	Е. А. Шмидт То же	1952—1953	Кург. 17, погр. 1	XIV	1	XI в.	Шмидт, 1957, с. 249—251, табл. VII, 1, 2 Там же, с. 259—260, табл. VII, 1—3, 8 Чебышева, 1886, с. 69—70	Смоленский музей То же
328	Трухонов, бывш. Смоленская губ.	В. М. Чебышева	1879	Кург. 9, погр. 1	XIV	1	XI—нач. XII в.	Там же Савин, 1930, с. 234	—
329	То же	То же	1879	Кург. 9, погр. 2	XIV	1	XI—нач. XII в.	—	—
330—331	Мутишино, бывш. Смоленская губ.	Н. И. Савин	1915—1918	Кург. 1	XIV	1	XI—XII вв.	—	—
332	Мизиново, там же	Случайные раскопки	—	Из кургана	XIV	1	XI—нач. XII в.	Ляудански, 1932, с. 34, 53, табл. XVII, 10	Смоленский музей
333	Бородино, Смоленская обл.	В. В. Седов	1958—1959	Из слоя поселения	XIV	1	Кюв. XI—XII в.	Седов, 1960, с. 114, 117, рис. 59, 3	Смоленский музей
334—335	Грозивица, бывш. Могилевская губ.	Н. Е. Бранденбург	1889	Кург. 1 (ССIX)	XIV	1	XII в.	Бранденбург, 1908, с. 200	ГЭ, ОИПК, инв. 956/2, 6
336	Витебск	—	—	Из городского слоя	XIV	1	XI—XIII вв.	Штыхов, 1969, с. 125	—
337	Лукомль, Витебская обл.	—	—	То же	XIV	1	XI—XIII вв.	Там же	—
338	Браслав, там же	Л. В. Алексеев	1956	»	XIV	1	XI в.	Сведения Л. В. Алексеева	—
339—340	Бывш. Борисовский уезд, Минская губ.	К. Тышкевич	1850-е гг.	Из курганов	XIV	1	XI—XIII вв.	Тышкевич, 1865, с. 40	—
341	Карпиловцы, там же	То же	1850-е гг.	Из кургана	XIV	1	XI—XII вв.	Tyszkiewicz, 1868a, s. 284; 1868b, tab. VI, 2	—
342	Селище, там же	»	1859	То же	XIV	1	XI—XII вв.	Тышкевич, 1865, с. 47—48	—
343	Логойск, Минская обл.	Г. В. Штыхов	1968	Из слоя замчища	XIV	1	XI—XIII вв.	Штыхов, 1969, с. 123—125, рис. 2, 3	—
344	Минск	То же	—	Из городского слоя	XIV	1	XI—XIII вв.	Там же, с. 125	—
345	Эзьмоны, бывш. Минская губ.	—	Ок. 1889	Группа III, из распаханных курганов	XIV	1	XI—XIII вв.	АЛОИА, ф. 1, л. 1889/42, л. 22, 72, табл. I, 15	ГИМ, инв. 35127, хр. 115/246
346—347	Вирков, там же	Л. З. Завитневич	1892	Кург. 104	XIV	1	2-я пол. XII—XIII в.	Там же, л. 1892/69, л. 21, табл. XLIV, 1, 2	То же, хр. P7/196
348	То же	То же	1892	Кург. 107	XIV	1	XI—1-я пол. XII в.	Там же, л. 23, табл. XLIX, 3	То же
349	Устиж, бывш. Минская губ.	»	1892	Кург. 70	XIV	1	2-я пол. XII—XIII в.	Там же, л. 17 об.	ГИМ, инв. 25129
350	Вишенки, бывш. Черниговская губ.	—	1902	—	XIV	1	XI—XII вв.	Фотоарх. ЛОИА, III-1890	—
351	Смялич, там же	П. М. Еременко	1894	Кург. LXIV	XIV	1	XII в.	АЛОИА, ф. 1, л. 1894/103, л. 33, 93—94	—
352	Влазовичи, там же	То же	1891	Кург. XXXIV	XIV	1	XI—XII вв.	Там же, л. 1891/50, л. 29—29 об.; Рыбакоу, 1932, с. 92, табл. VI, 10	ГИМ, инв. 32884, хр. 115/46
353	Гочево, бывш. Курская губ.	Д. Я. Самоквасов	1909	Кург. XCVIII	XIV	1	XI в.	Самоквасов, 1915a, с. 28; 1915b, табл. XLI, 8	—
354	Войлово, бывш. Калужская губ.	Н. И. Булычев	—	Кург. 27	XIV	1	XI—нач. XII в.	Булычев, 1903, с. 66, табл. XI, 18	ГИМ, инв. 42215, хр. 123/386
355	Колчино, там же	То же	—	Кург. 56	XIV	1	XI—нач. XII в.	Там же, с. 31, табл. V, 7	То же
356	Трашковици, там же	»	—	Кург. 15	XIV	1	XI—XII вв.	Там же, 1899, с. 60—61	ГИМ
357	Коханы, бывш. Смоленская губ.	»	—	Случайная находка	XIV	1	XI—XII вв.	Там же, с. 79, табл. XXII, 14	То же, инв. 42215, хр. 105/126
358	Серенск, Калужская обл.	Т. Н. Ипкольская	1965—1966	Из слоя поселения	XIV	1	2-я пол. XII—1-я пол. XIII в.	Ипкольская, 1968, с. 114, рис. 37, 6	—
359	Сукромля, бывш. Смоленская губ.	Случайные раскопки	—	Из кургана	XIV	1	XI—XII вв.	Ляудански, 1932, с. 18—19, табл. VI, 3	—
360	Акулин Бор, там же	Н. И. Савин	1925	Кург. 1	XIV	1	XI в.	АЛОИА, ф. 2, л. 1925/119, л. 5; Савин, 1930, с. 234, 237, табл. IV, 12	—
361	Бочарово, там же	Н. И. Булычев	—	Кург. 8	XIV	1	Рубеж XI—XII вв.	Булычев, 1913, с. 71—72, табл. VI, 5	ГИМ, инв. 45134, хр. 119/55

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
362	Паново, там же	С. А. Гатцук	1904	Кург. 27	XIV	1	XI в.	Спицын, 1905б, с. 116—117 РИМ, 1893, с. 130, № 818	ГЭ, ОИПК, инв. 810/84 ГИМ
363	Бывш. Юхновский уезд, там же	Н. Г. Керцелли	1873	Отдельная на-ходка	XIV	1	XI—XII вв.		
364	Подмоклово, Мо-сковская обл.	А. В. Успенская	1957—1958	Из слоя поселе-ния	XIV	1	Кон. X—XI в.	Успенская, 1969, с. 245—246, рис. 2	То же, экспозиция
365	Беседы, там же	А. В. Арцихов-ский	1946	Из кургана	XIV	1	XI—XII вв.	Журжалина, 1961, с. 130	МГУ
366	Жилье Горы, бывш. Московская губ.	С. А. Гатцук	1904	Кург. 45	XIV	1	XI—нач. XII в.	Спицын, 1905б, с. 123	ГЭ, ОИПК
367	Ратмино, Москов-ская обл.	А. В. Успенская	1966	Из слоя поселе-ния	XIV	1	XI в.	Успенская, 1966, с. 107—108	ГИМ, экспозиция
368	Васильевское, бывш. Тверская губ.	Е. Ромейко	1898	Из кургана	XIV	1	XI—нач. XII в.	Сведения ГИМ	То же, инв. 45988
369	Андреевское и Из-брижи, там же	В. Я. Щербаков	1878	То же	XIV	1	XI—XII вв.	Жизневский, 1890, с. 678; Плетнев, 1903, с. 148—149; Альбом... 1892, л. 7, рис. 2	—
370	Тверь, там же	—	—	Из городского слоя	XIV	1	XI—XIII вв.	Сведения ГИМ	ГИМ, инв. 22299
371	Глинники, там же	Ю. Г. Гендуне	1905	Кург. 59	XIV	1	XI—нач. XII в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1906/30, л. 43 об.—44	—
372	Федово, там же	А. А. Ширин-ский-Шихматов	1903	Погр. 5	XIV	1	XI в.	Там же, д. 1903/93, л. 43, 63	—
373	То же	То же	1903	Погр. 61	XIV	1	XI в.	Там же, л. 45 об., 60	—
374	Борисовское, Ка-линская обл.	И. П. Портнягин	1973	Из кургана	XIV	1	XI—XII вв.	Сведения И. П. Портня-гина	Калининский музей
375	Сорогожа, бывш. Тверская губ.	А. Анненский	—	То же	XIV	1	XI—нач. XII в.	Репников, 1904, с. 17, табл. III, 6	ГЭ, ОИПК, инв. 2852/1
376	Крестцы, Вологод-ская обл.	А. В. Никитин	—	Отдельная на-ходка (?)	XIV	1	XI—XIII вв.	Никитин, 1974, с. 102—105, рис. 37, 6	—
377	Митино и Зворыки-но, бывш. Волог-годская губ.	А. В. Панин	1893	Группа II, кург. 1	XIV	1	XII в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1895/220, л. 9; Спицын, 1899, с. 160—162; Голубева, 1962, с. 68—71, рис. 12	—
378	Воздвиженье, Яро-славская обл.	П. Н. Третьяков	1934	Кург. 3	XIV	1	2-я пол. XI в.	Археологические исследо-вания... 1941, с. 79—80, табл. XII, 15	—
379	Турьино, бывш. Ко-стромская губ.	КУАК	1898	Кург. 16	XIV	1	XII в.	Бекаревич, 1901, с. 420	Костромской музей, инв. 15484, хр. ХСVII-38
380	Криушкина, бывш. Владимирская губ.	П. С. Савельев	1853	Кург. 3274	XIV	1	XI—XII вв.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 75; Уваров, 1871, с. 796	ГИМ, инв. 54746, хр. Р10/36а
381—382	Исаково, там же	То же	1853	Кург. 443	XIV	1	XI—нач. XII в.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 16; Уваров, 1871, с. 822—823, табл. ХХХIII, 8; Спицын, 1905а, с. 148, рис. 260	То же, хр. Р10/186, № 2466
383—384	Бывш. Владимир-ская губ.	А. С. Уваров, П. С. Савельев	1851—1854	Из кургана	XIV	1	XI—XII вв.	Сведения ГИМ	То же, № 2469, 2470
385	Калихновщина, бывш. С.-Петер-бургская губ.	В. Н. Глазов	1900	Кург. 348	XIV	1	XI в.	Спицын, 1903, с. 105, табл. XXI, 3	ГЭ, ОИПК, инв. 856/280
386	Глинники, бывш. Тверская губ.	Ю. Г. Гендуне	1905	Кург. 7	XIV	1	XI—нач. XII в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1906/30, л. 37	—
387	Кобож, Вологод-ская обл.	В. И. Равдон-кас	1929	Группа II, кург. 2	XIV	2	XI в.	Сведения МАЭ	МАЭ, инв. 6012/75
388	Верхоляны, бывш.	В. Н. Глазов	1903	Кург. 374	XIV	3	XI—нач. XII в.	Спицын, 1903, с. 107,	ГЭ, ОИПК

389	С.-Петербургская губ. Сорогожа, бывш. Тверская губ.	А. Анненский	—	Из кург. XIV	XIV	3	XI—нач. XII в.	табл. XXIII, 5 Релников, 1904, с. 18	—
390	Мятлева (Мокрый Пожни), там же	В. И. Колосов, И. А. Виноградов	1901	Кург. 2	XIV	3	XI—XII вв.	Тверской музей. . ., 1894, с. 23; Плетнев, 1903, с. 194	—
391	Терпилицы, бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский	1879	Кург. 29	XIV	Табл. XI, 9	XII в.	Спицын, 1896, с. 87, табл. VII, 20	ГИМ
392	Котино, там же	То же	1880	Кург. 3	—	Табл. XIII, 3	XI—XII вв.	Там же, с. 66, табл. XIV, 16	То же, инв. 35322, хр. 121/14а
393	Сумино, там же	»	1876, 1880	Кург. 106	Тип неопределен	—	XI в.	Там же, с. 79	То же, хр. 33/27а
394	Клопицы, там же	»	1877	Кург. 21	То же	—	XI—XII вв.	Там же, с. 80	—
395	Калихновщина, там же	В. Н. Глазов	1900	Кург. 338	—	Табл. XI, 10	XI в.	Там же, 1903, с. 103—104, табл. XX, 9	ГЭ, ОИПК
396	Шангеничи-село, Юго-Восточное Приладожье	А. М. Линеvский	1948	Кург. 3 (88)	Тип неопределен	—	XI в.	АИА, Р-1, д. 1948/258, л. 104	Петрозаводский музей
397	Бывш. Тихвинский уезд, Новгородская губ.	А. И. Колмогоров	1910—1911	Из кургана	—	Табл. XI, 12	X—XII вв.	Колмогоров, 1914, с. 425, рис. 46	—
398	Большая Брембола, бывш. Владимирская губ.	П. С. Савельев	1853	Кург. 1538	Тип неопределен	—	Нач. XI в.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 47 об.; Уваров, 1871, с. 836	—

Г р у п п а IV

399	Забредняжье, бывш. С.-Петербургская губ.	В. А. Городцов	1909	Жальничное погр. 2	XV	—	XII в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1909/31, л. 27, 29	—
400	Хрепле, Новгородская обл.	А. В. Арциховский	1929	Кург. 5	XV	—	XI—XII вв.	Арциховский, 1930б, с. 24, рис. 6	ГИМ (?)
401	Смялч, бывш. Черниговская губ.	П. М. Еременко	1894	Кург. LXIV	XV	—	XII в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1894/103, л. 33, 93—94; ОАК, 1896, с. 20, рис. 18	—
402	Кочергина (Стрелка), бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1895	Кург. 1	XVI	—	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 162, табл. 6, 38	ГЭ, ОИПК, инв. 624/29
403	Вески, бывш. Владимирская губ.	А. С. Уваров	1852	Кург. 60	XVI	—	XI—XII вв.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 88; Уваров, 1871, табл. XXXIV, 20	ГИМ, инв. 54746, хр. Р9/346
404	Пирогово, Московская обл.	Т. А. Пушкина	1970	Кург. 2	XVI	—	XI—XIII вв.	Сведения Т. А. Пушкиной	МГУ

Г р у п п а V

405	Бывш. Тихвинский уезд, Новгородская губ.	—	—	Из кургана	XVII	—	X—XI вв.	АЛОИА, ф. 5, д. 374, л. 132	Новгородский музей
406	Зубарево, Ярославская обл.	Е. И. Горюнова	1952	То же	XVII	—	XI—нач. XII в.	Горюнова, 1954, с. 157—158, рис. 71, 18	—
407	Посады, бывш. Тверская губ.	Случайные раскопки	—	Кург. 2	XVII	—	1-я пол. XI в.	РИМ, 1893, с. 197—198, № 1699; Толстой, Кондаков, 1897, с. 92, рис. 117	ГИМ, инв. 78607, хр. 123/24а
408	Пекуново, Московская обл.	А. В. Успенская	1966—1967	Кург. 10	XVII	—	XI в.	Успенская, 1971, с. 254—257, рис. 2	ГИМ
409	Кустеря, бывш. Ярославская губ.	А. С. Уваров	1854	Кург. 751	XVII	—	X—нач. XI в.	Уваров, 1871, с. 797—798	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
410	Сарское городище, там же	П. С. Савельев	1852	Из слоя поселения	XVII	—	X—нач. XI в.	Там же, с. 796, 830; Третьяков, 1941, с. 96, рис. 53, I; Горюнова, 1961, с. 97—101, рис. 39, 30	—
411	То же	А. Е. Леонтьев	1973	То же	XVII	—	Кон. X—нач. XI в.	Сведения А. Е. Леонтьева	ИА
412	Городище, бывш. Владимирская губ.	П. С. Савельев	1853	Кург. 1987	XVII	—	XI в.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 51 об.; Уваров, 1871, с. 796	ГИМ, инв. 54746, хр. Р10/27а, № 2228
413—414	То же	То же	1853	Кург. 1991	XVII	—	XI в.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 51 об.—52; Уваров, 1871, с. 796	То же, № 2230
415	» Осипова Пустынь, бывш. Владимирская губ.	»	1853	Кург. 2978	XVII	—	XI в.	Уваров, 1871, с. 796	—
416	»	»	1854	Кург. 43	XVII	—	X—XI вв.	АЛОИА, ф. 8, д. 1854/4, л. 15 об.	—
417	»	»	1854	Кург. 160	XVII	—	X—нач. XI в.	Там же, л. 20	—
418	»	»	1854	Кург. 198	XVII	—	X—нач. XI в.	Уваров, 1871, с. 840	—
419	Веськово, бывш. Владимирская губ.	»	1853	Кург. 987	XVII	—	X—нач. XI в.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 34 об.; Уваров, 1871, с. 792, табл. XXV, I; Слицын, 1905а, рис. 415	ГИМ, инв. 547446, хр. Р10/49а, № 2240
420	Киучер, Ярославская обл.	М. И. Смирнов	1926	Кург. 6	XVII	—	X—нач. XI в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1926/146, л. 4	—
421	Большая Брембола, бывш. Владимирская губ.	П. С. Савельев	1853	Кург. 1482	XVII	—	XI в.	Там же, ф. 8, д. 1853/2, л. 42 об.; Уваров, 1871, с. 796	—
422	То же	То же	1853	Кург. 1486	XVII	—	XI в.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 43; Уваров, 1871, с. 796	—
423	Кабанское, бывш. Владимирская губ.	»	1853	Кург. 539	XVII	—	XI в.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 18; Уваров, 1871, с. 795—796	—
424	То же	»	1853	Кург. 548	XVII	—	XI в.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 19; Уваров, 1871, с. 791	—
425—426	»	»	1853	Кург. 583	XVII	—	X—нач. XI в.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 20	—
427	»	»	1853	Кург. 586	XVII	—	Кон. X—нач. XI в.	Там же, л. 20 об.; Уваров, 1871, с. 829	—
428	»	»	1853	Кург. 588	XVII	—	X—XI вв.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 20 об.	—
429	»	»	1853	Кург. 703	XVII	—	X—нач. XI в.	Там же, л. 23 об.	—
430—431	»	»	1853	Кург. 707	XVII	—	X—XI вв.	Там же; Уваров, 1871, с. 829	—
432	»	»	1853	Кург. 755	XVII	—	X—XI вв.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 24 об.	—
433	Вознесенский сад, бывш. Владимирская губ.	К. Н. Тихонов	1863	Из погребения	XVII	—	XI в.	Там же, ф. 1, д. 1863/3, л. 28; Слицын, 1905а, рис. 465	—
434	То же	То же	1863	То же	XVII	—	XI в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1863/3, л. 22, 28; Слицын, 1905а, рис. 433	—
435	Семухино, Ивановская обл.	Е. Н. Ерофеева	1966	Кург. 1	XVII	—	XI—нач. XII в.	АИА, Р-1, д. 1966/3385, л. 83; д. 1966/3385а, рис. 85	Ивановский музей, инв. 68991, экспозиция
436	То же	То же	1966	Кург. 21	XVII	—	XI—нач. XII в.	Там же, д. 1966/3385, л. 85	То же, инв. 68991, экспозиция

437	Кубаево, бывш. Владимирская губ.	А. С. Уваров, К. Н. Тихонов	1852	Кург. 92	XVII	XI в.	л. 97; д. 1966/3385а, рис. 85
438	Шелебово, там же	То же	1852	Кург. 2	XVII	XI в.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 61 об.; Уваров, 1871, с. 797
439	То же	»	1852	Кург. 20	XVII	XI в.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 67—67 об.
440	»	»	1852	Кург. 57	XVII	XI в.	Там же, л. 68 об.—69
441	»	»	1852	Кург. 89	XVII	XI в.	Там же, л. 71
442	»	»	1852	Кург. 92	XVII	XI в.	Там же, л. 73 об.
443	»	»	1852	Кург. 236	XVII	XI в.	Там же, л. 78 об.
444—445	Шоклово, бывш. Владимирская губ.	»	1852	Кург. 3	XVII	XI в.	Там же, л. 31—31 об.; Уваров, 1871, с. 797
446	То же	»	1852	Кург. 22	XVII	1-я пол. XI в.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 69; Уваров, 1871, с. 797
447	»	»	1852	Кург. 39	XVII	XI в.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 33 об.—34; Уваров, 1871, с. 832
448	»	»	1852	Кург. 116	XVII	XI в.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 38 об.; Уваров, 1871, с. 845—846
449	»	»	1852	Кург. 132	XVII	XI в.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 40
450	»	»	1852	Кург. 142	XVII	XI в.	Там же, л. 40 об.; Уваров, 1871, с. 833
451	»	»	1852	Кург. 166	XVII	X—нач. XI в.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 42; Уваров, 1871, с. 797
452	Весь, бывш. Владимирская губ.	»	1852	Группа кург. 76	XVII	Кон. X—нач. XI в.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 25; Уваров, 1871, л. 797
453	То же	»	1852	Группа кург. 10	XVII	XI в.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 23 об.
454—455	Кестрин, бывш. Владимирская губ.	»	1852	Из кургана	XVII	X—XI вв.	Там же, д. 192, л. 184
456	Осановец, там же	»	1852	Кург. 2	XVII	XI в.	Там же, д. 194, л. 84; Уваров, 1871, с. 797
457	То же	»	1852	Кург. 9	XVII	XI в.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 81 об.; Уваров, 1871, с. 719
458	»	»	1852	Кург. 12	XVII	XI в.	ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194, л. 81 об.; Уваров, 1871, с. 719
459	Давыдовское, бывш. Владимирская губ.	»	1852—1854	Из кургана	XVII	X—XI вв.	Каталог... 1907, с. 35—36, рис. 44; сведения ГИМ
460	То же	»	1852—1854	То же	XVII	X—XI вв.	Там же
461	»	»	1852—1854	»	XVII	X—XI вв.	Уваров, 1871, табл. XXV, 5; Каталог... 1907, с. 35—36, рис. 45
462	Сунгирь, Владимирская обл.	Н. Н. Мошенна	1972—1973	Из разрушенного могильника	XVII	X—XI вв.	АИА, Р-1, д. 1973/5193, л. 12—13, рис. 20, 3
463	То же	То же	1972—1973	То же	XVII	X—XI вв.	Там же, л. 12—13, рис. 20, 1
464	»	»	1972—1973	Погр. 7	XVII	X—XI вв.	Там же, рис. 20, 2
465	Новленская, бывш. Владимирская губ.	Н. Е. Макаренко	1905	Погр. 5	XVII	1-я пол. XI в.	Макаренко, 1908, с. 13—17, рис. 3
466	Малышево, Ивановская обл.	А. Ф. Дубынин	1938	Погр. 9	XVII	X в.	АЛОИА, ф. 35, д. 1938/34, л. 59—61, 110, рис. 14
467	То же	То же	1940	Погр. 15	XVII	Кон. X—XI в.	Там же, д. 1940/23, л. 48—50, 80; д. 1940/23а, л. 14

ГИМ, инв. 54746, хр. 25/486, оп. 1068/300

То же, оп. 1068/307

То же, № 3266

Владими́ро-Сузда́ль-ский музей-заповедник

То же

»

Ивановский музей

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
468	Малышево, Ивановская обл.	А. Ф. Дубынин	1947	Погр. 72	XVII	—	X—XI вв.	Сведения Иванковского музея	Ивановский музей, инв. 9639
469	То же	»	1947	Погр. 80	XVII	—	X в.	АИА, Р-1, д. 1947/135, л. 20 об.	—
470	»	»	1947	Погр. 84	XVII	—	X—XI вв.	Там же, л. 20—21; д. 1947/147, л. 18 об.	—
470а—471	»	»	1947	Погр. 86	XVII	—	X в.	Там же, д. 1947/135, л. 17—18; д. 1947/147, л. 20 об.	—
472—474	»	»	1949	Погр. 197	XVII	—	X—XI вв.	Там же, д. 1949/337, л. 23; д. 1949/338, л. 37—38	Ивановский музей, экспозиция
475—476	»	А. С. Калугин	1930-е гг.	Из разрушенных погребений	XVII	—	X—XI вв.	АЛОИА, ф. 35, д. 1938/34, л. 95, 111, рис. 15	То же, инв. 9639
477	Муром, Владимирская обл.	Случайные раскопки	1948	Погр. 2	XVII	—	X в.	Голубева, 1976, с. 76	Муромский музей, инв. 26980
478	Подболотня, бывш. Владимирская губ.	В. А. Городцов	1910	Погр. 7	XVII	—	X—XI вв.	Городцов, 1914, с. 78	ГИМ, инв. 56480, хр. РЗ/200
479	То же	То же	1910	Погр. 91	XVII	—	X в.	Там же, с. 102	То же
480	»	»	—	Из могильника	XVII	—	X—XI вв.	Травчатова, 1910, с. 6, табл. 4, 4	То же
481—482	Корниловка, бывш. Владимирская губ.	Ф. Я. Селезнев	1924	Погр. 2	XVII	—	X в.	АЛОИА, ф. 2, 1924/166, л. 10—11, 55; Селезнев, 1926, рис. 1, 2	Муромский музей, инв. 10713 (сохранилась одна подвеска)
I	Бывш. Владимирская губ.	А. С. Уваров, П. С. Савельев, К. Н. Тихонравов	1852—1854	Из курганов	XVII	—	X—XI вв.	Сведения ГИМ	ГИМ, инв. 54746, оп. 57, № 44
II	То же	То же	1852—1854	То же	XVII	—	X—XI вв.	То же	То же, оп. 59, № 3249
III	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	Уваров, 1871, табл. XXV, 8	То же, № 3252
IV	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	Сведения ГИМ	То же, № 3253
V	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	Уваров, 1871, табл. XXV, 4	То же, № 3254
VI	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	Сведения ГИМ	То же, № 3257
VII	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	То же	То же, № 3258
VIII	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	»	То же, № 3260
IX	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	»	То же, № 3261
X	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	»	То же, № 3262
XI	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	»	То же, № 3264
XII	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	»	То же, № 3267
XIII	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	»	То же, № 3269
XIV	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	»	То же, № 3271
XV—XXIV	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	Уваров, 1871, табл. XXV, 3	То же, хр. 10/41а
XXV	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	Сведения ГИМ	То же
XXVI	»	»	1852—1854	»	XVII	—	X—XI вв.	Уваров, 1871, табл. XXV, 2	То же
XXVII	» (?)	»	—	»	XVII	—	X—XI вв.	Там же, табл. XXV, 7	То же
								Сведения ГИМ	ГИМ, хр. 111/9а
483—484	Карлуха, Юго-Восточное Приладожье	В. И. Равдоникас	1930	Кург. компл. IIB	XVIII	1	1-я пол. XI в.	Равдоникас, 1934а, с. 32—33, табл. IX, 4	—
485	То же	То же	1930	Кург.	XVIII	1	Ков. X—нач. XI в.	Там же, с. 33—34, табл. XI, II	—
486—487	»	»	1930	Кург. компл. II	XVIII	1	X—нач. XI в.	Там же, с. 35—36, табл. XI, II	—
488—492	Шангеничи-лес, Юго-Восточное Приладожье	А. М. Липовский	1948	Кург. 8 (65)	XVIII	1	X—нач. XI в.	АИА, Р-1, д. 1948/258, л. 76	Петрозаводский музей

Группа VI

493—494	Нюбиничи, там же	То же	1949	Кург. 2 (162)	XVIII	1	Кон. X—нач. XI в.	Там же, д. 1949/400, л. 179, 182	То же
495	Мергино, там же	»	1948	Кург. 10 (108)	XVIII	1	X—нач. XI в.	Там же, д. 1948/258, л. 108	»
496	Бассейн р. Ояти, там же	Случайные раскопки	1926 (?)	Из кургана	XVIII	1	X—XI вв.	АЛОИА, ф. 5, д. 374, л. 126	—
497	Сязнега, там же	Н. Е. Бранденбург	1878—1886	Кург. LX, компл. 3	XVIII	1	2-я пол. X в.	Бранденбург, 1895, с. 113—114	ГИМ, инв. 32778, хр. 123/47а
498	Городище, там же	То же	1878—1886	Кург. СХХV, компл. 1	XVIII	1	X—нач. XI в.	Там же, с. 134	ГЭ, ОИПК, инв. 886/34
499	Там же	Н. И. Репников	1909	Кург. 4	XVIII	1	XI в.	Репников, 1915, с. 35—42	—
500	Челмужи, Карелия	Г. П. Гроздилов	1934	Кург. 1	XVIII	1	X—нач. XI в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1934/342, л. 2—3; Гроздилов, 1947, с. 111—112	ГЭ, ОИПК, инв. 1553/12
501	Новгород	А. В. Арциховский	1960	Из городского слоя	XVIII	1	Нач. XI в.	Оп. НАЭ, № 2321/1960	ИА
502	Юго-Восточное Приладожье (?)	—	До 1891	—	XVIII	1	X—XI вв.	Уварова, 1891, с. 270, рис. 79	Новгородский музей (?)
503	Кузнцы и Чалых, Юго-Восточное Приладожье	Н. Е. Бранденбург	1878—1886	Кург. 1, компл. 3	XVIII	2	XI—XII вв.	Бранденбург, 1895, с. 97, табл. VII, 3	ГИМ, инв. 32778, оп. 137/419
504—505	Новинка, там же	А. М. Линеvский	1947	Кург. 8 (19)	XVIII	2	XI—нач. XII в.	АИА, Р-1, д. 1947/154, л. 36—38	Петрозаводский музей
506	Шангеничи-лес, там же	То же	1948	Кург. 4 (61)	XVIII	2	XI в.	Там же, д. 1948/258, л. 60	То же
507—508	Шангеничи-село, там же	»	1948	Кург. 3 (88)	XVIII	2	Кон. XI—нач. XII в.	Там же, л. 104	»
509—511	Гайгово, там же	»	1949	Кург. 2 (149)	XVIII	2	Кон. XI—нач. XII в.	Там же, д. 1949/400, л. 125—126	»
512—514	Там же	»	1949	Кург. 3 (150)	XVIII	2	Кон. XI—нач. XII в.	Там же, л. 133, 137	»
515	Бассейн р. Ояти, Юго-Восточное Приладожье	Случайные раскопки	До 1891	Из кургана	XVIII	2	XI—XII вв.	АЛОИА, ф. 5, д. 374, л. 126	—
516	Рочевщина, там же	Н. Е. Бранденбург	1878—1886	Кург. XIII	XVIII	2	XII в.	Бранденбург, 1895, с. 100, табл. III, 12	ГИМ, инв. 32778, хр. 123/57а
517	Сязнега, там же	То же	1878—1886	Кург. LIX, компл. 1	XVIII	2	XI в.	Там же, с. 113, табл. III, 6	То же, хр. 123/57а
518	Шахново, там же	Случайные раскопки	1870—1880-е гг.	Кург. СХVIII	XVIII	2	XII в.	Там же, с. 131—132	То же, хр. 123/576
519	Галично, там же	В. А. Назаренко	1974	Группа III, кург. 1, погр. 7	XVIII	2	2-я пол. XI в.	Сведения В. А. Назаренко	ГМИЛ
520	Красная Заря, там же	В. И. Равдонв-кас	1930	Кург. компл. II	XVIII	2	XI—XII вв.	Равдонвкас, 1934а, с. 45—46, табл. XV, 35	—
521	Митино и Эворыкино, бывш. Вологодская губ.	А. В. Панин	1893	Группа II, кург. 1	XVIII	2	XII в.	АЛОИА, ф. 1, л. 1895/220, л. 9	—
522	Стан, Вологодская обл.	Г. П. Гроздилов	1929	Кург. 1	XVIII	2	XII в.	МАЭ, полев. оп.	МАЭ, инв. 6012/24
523	Бассейн р. Кубань, бывш. Костромская губ.	Г. М. Девочкин	1870-е гг.	Из кургана	XVIII	2	XII в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223	Костромской музей, инв. 15452, хр. СХХХVIII-6
524	Коробово (Могилицы), там же	Ф. Д. Нефедов	1895	Кург. III	XVIII	2	XII в.	Нефедов, 1899а, с. 204	ГЭ, ОИПК, инв. 624/1088
525	Вырица, бывш. С.-Петербургская губ.	Археол. ин-т	1907	Из кургана	XVIII	3	XI—XII вв.	Сведения ГЭ	То же, инв. 703/8
526—528	Горка (Никольское), Юго-Восточное Приладожье	Д. Европеус	1878	Кург. 3	XVIII	3	XI—XII вв.	Tallgren, 1916, s. 30—32, fig. 17—19	НМФ, инв. 1914/27—29
529	Кургино, там же	А. М. Линеvский	1948	Кург. 1 (50)	XVIII	3	XII в.	АИА, Р-1, д. 1948/258, л. 134	Петрозаводский музей
530	Алеховщина, там же	В. И. Равдонв-кас	1928	Кург. 1, компл. I	XVIII	3	Кон. XI—нач. XII в.	ЛОИА, ф. 2, д. 1928/134, л. 29; Равдонвкас, 1930, с. 55—56, рис. 61	ГЭ, ОИПК, инв. 700/237

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
531	Никольщина, там же	—	—	Из кургана	XVIII	3	XI—XII вв.	Сведения ГЭ	То же, инв. 1416/3
532	Шуковщина, там же	Н. Е. Бранденбург	1878—1886	Кург. XLIV	XVIII	3	XI в.	Бранденбург, 1895, с. 107	ГИМ, инв. 32778, оп. 137/278
533	Новосельск, там же	В. И. Равдоникас	1928	Кург. 14, компл. VII	XVIII	3	XI в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/134, л. 35—36; Равдоникас, 1930, с. 73—77, рис. 102	ГЭ, ОИПК, инв. 700/384
534	Галично, там же	В. А. Назаренко	1974	Группа III, кург. 1, погр. 7	XVIII	3	2-я пол. XI в.	Сведения В. А. Назаренко	ГМИЛ, экспозиция
535	Бывш. Тихвинский уезд, Новгородская губ.	—	—	Из кургана	XVIII	3	XI—XII вв.	Фотоарх. ЛОИА, II-41867 (из собр. Граммашинского)	—
536—539	Бывш. С.-Петербургская губ.	—	—	—	XVIII	3	XI—XII вв.	Сведения ГИМ	ГИМ, оп. 2078, хр. Р14/24в
540—541	Борисово-Судское, Вологодская обл.	Н. В. Тухтина	1960	Кург., погр. 2	XVIII	3	XI в.	Тухтина, 1966, с. 125, 129, рис. 4, 2	Череповецкий музей
542	Ширьево, там же	—	—	—	XVIII	3	XI—XII вв.	Голубева, 1973, с. 44—45, рис. 6, 12	То же, инв. 766
543—544	Воскресенское (Васильевское горюдище), бывш. Архангельская губ.	—	—	В составе клада (?)	XVIII	3	XI—XIII вв.	Спицын, 1915, с. 240—244, рис. 39; Tallgren, 1931, p. 114, fig. 6	Архангельский музей
545	Елотово, бывш. Костромская губ.	КУАК	1895	Группа III, кург. 2	XVIII	3	XII в.	Бекаревич, 1901, с. 329	Костромской музей, инв. 15474, хр. CVII-65
546	Сторожева, там же	Ф. Д. Нефедов	1895	Группа II, кург. V	XVIII	3	XII в.	Нефедов, 1899а, с. 182, табл. 3, 14	ГЭ, ОИПК, инв. 624/486
547	Семухино, Ивановская обл.	Е. Н. Ерофеева	1965	Кург. 6	XVIII	3	XI—нач. XII в.	Сведения Иванова музей-зея	Ивановский музей, инв. 68990/11
548	Боршево, бывш. Новгородская губ.	Л. Н. Целепи	1908	Кург. 7	XVIII	4	XII в.	Сведения ГЭ	ГЭ, ОИПК, инв. 712/70
549	Пеньки (Алабуга), бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1895	Кург. II	XVIII	4	1-я пол. XII в.	Нефедов, 1899а, с. 169—170	То же, инв. 624/165
550	Кочергина (Земля В. И. Королева), там же	То же	1896	Группа II, кург. X	XVIII	4	1-я пол. XII в.	Там же, с. 214	То же, инв. 1043/191
551	Бассейн р. Кубани, там же	Г. М. Девочкин	1870-е гг.	Из кургана	XVIII	5	XII в. (?)	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223	Костромской музей, инв. 15452, хр. CXXXVIII-8
552	Левашиха (Сухарева), там же	Ф. Д. Нефедов	1895	Группа III, кург. X	XVIII	5	XII в.	Нефедов, 1899а, с. 168	ГЭ, ОИПК, инв. 624/142
553	Никулино (Могилицы), там же	То же	1896	Кург. II	XVIII	5	XII в.	Там же, с. 206	То же, инв. 1043/6
554	Дубровна, бывш. Псковская губ.	Н. К. Рерих	1899	Из кургана	XVIII	6	XI—XII вв.	Сведения ГЭ	То же, инв. 864/18
555—556	Кубасова (пустошь), бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1895	Группа I, кург. VIII	XVIII	6	1-я пол. XII в.	Нефедов, 1899а, с. 173, табл. 2, 10	ГЭ, ОИПК
557	Лужский полигон, бывш. С.-Петербургская губ.	Ф. Е. Щитков	1912	То же	XVIII	—	XI—XII вв.	АЛОИА, ф. 5, л. 386, л. 163	—
558	Ховинсаари, Карелия	Т. Швиндт	1886	Погр. 3	XIX	—	XII—XIII вв.	Schwindt, 1893, s. 54—56, k. 341	НМФ
559	Лалинлахти, там же	То же	1886	Отдельная находка	XIX	—	XII—XIII вв.	Ibid., s. 92, k. 240	То же
560	Яровщина, Юго-Восточное Приладожье	Д. Европеус	1870-е гг.	Кург. 3	XIX	—	XII в.	Aspelin, 1876—1878, p. 231, fig. 1127; Salonen, 1929, s. 235—236	—

561	Рочевщина, там же	Н. Е. Гранденбург	1870—1880	Кург. XIII	XIX	XII в.	Гранденбург, 1895, с. 100, табл. III, 9	ГИМ, инв. 32778, хр. 123/57а
562—564	Шахново, там же	Случайные раскопки	1870—1880	Кург. СХVIII	XIX	XII в.	Там же, с. 131—132, табл. III, 14	То же, хр. 123/536
565	Бассейн р. Паши, там же	—	—	Из кургана (?)	XIX	XII—XIII вв.	Tallgren, 1928b, fig. 11	—
566	Бывш. Тихвинский уезд, Новгородская губ.	—	1913	То же	XIX	XII—XIII вв.	АЛОИА, ф. 5, д. 374, л. 125	—
567	Мятно и Зворыкино, бывш. Вологодская губ.	А. В. Панин	1893	Группа II, кург. 1	XIX	XII в.	Там же, ф. 1, д. 1895/220, л. 9	—
568	Белозеро, Вологодская обл.	Л. А. Голубева	1949—1965	Из городского слоя	XIX	XI—XIII вв.	Голубева, 1973, с. 139—141, рис. 51, 12	ГИМ (?)
569	Погостище, там же	А. Я. Брюсов	1959	Грунтовое погребение	XIX	XII в.	Брюсов, 1969, с. 82, рис. 34; Голубева, 1962, с. 73—75, рис. 15, 19	—
570—572	Старовская Пу-стошь, там же	Н. А. Черницын	1924	Погр. 3	XIX	XII—XIII вв.	АЛОИА, ф. 2, д. 1924/168, л. 27—28; Черницын, 1966, с. 196—199, рис. 1, 12	Тотемский музей
573	Великий Устюг, там же	А. В. Никитин	1959	Из городского слоя	XIX	XIII—XIV вв.	Никитин, 1963, с. 82—83, рис. 25, 10	—
574—575	Шухлиха, бывш. Вологодская губ.	—	До 1871	Отдельные находки	XIX	XII—XIII вв.	АЛОИА, ф. 1, д. 1871/12, л. 6—8	—
576	Окрестности г. Вельска, Архангельская обл.	—	—	Отдельная находка	XIX	XII—XIII вв.	Сведения О. В. Овсянникова	—
577—582	Воскресенское (Васильевское городище), бывш. Архангельская губ.	—	—	В составе клад	XIX	XII в.	Спицын, 1915, с. 240—244, рис. 39; Tallgren, 1931, р. 114, fig. 6	—
583	Семенково, бывш. Костромская губ.	КУАК	1897	Кург. 18	XIX	XII в.	Бекаревич, 1901, с. 385	Костромской музей, инв. 15470, хр. С
584	Погорелово, там же	»	1896	Кург. 1	XIX	XII—XIII вв.	Там же, с. 359	То же, инв. 15457, хр. CIV-33
585—586	Терешино, там же	»	1895	Группа I, кург. 1	XIX	XII в.	Там же, с. 331; АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223	То же, инв. 15471, хр. CIV (сохранилась одна подвеска)
587	То же	»	1895	То же	XIX	XII—XIII вв.	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223	—
588	Васильевское, бывш. Костромская губ.	»	1895	Группа I, курган 10	XIX	XII—XIII вв.	Бекаревич, 1901, с. 307—308	Костромской музей, инв. 15475, хр. CV-24
589	То же	»	1895	Группа I, кург. 14	XIX	XII—XIII вв.	Там же, с. 308—309	То же, хр. CV-130
590	»	»	1896	Группа II, кург. 1	XIX	XII—XIII вв.	Там же, с. 350	—
591	»	»	1896	Группа II, кург. 3	XIX	XII—XIII вв.	Там же, с. 350	Костромской музей, инв. 15475, хр. XXXVIII-47
592	Елотово, бывш. Костромская губ.	»	—	Группа I, кург. 3	XIX	2-я пол. XII—XIII в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223; Третьяков, 1931, с. 12—13 (табл.)	То же
593—594	Куликово, там же	»	1895	То же	XIX	XII—XIII вв.	Бекаревич, 1901, с. 316	Костромской музей, инв. 15458, хр. XXXIX-38 (сохранилась одна подвеска)
595—596	Подольское, там же	»	1896	Группа II, кург. 5	XIX	XII в.	Там же, с. 415—416	То же, инв. 15455, хр. CXV-36, 37
597	Дреново, там же	»	1894	Группа I, кург. 1	XIX	XII—XIII вв.	Там же, с. 390	То же, инв. 15473, хр. XXXIX-8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
598	Тимонино, там же	КУАК	1895	Группа III, кург. 1	XIX	—	2-я пол. XII—XIII в.	Там же, с. 364	То же, инв. 15430, хр. СИП-5
599	Большое Андрейково, там же	»	1896	Группа I, кург. 3	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же	То же, инв. 15475, хр. CVII-10
600	То же	»	1896	Группа I, кург. 13	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 365—366	То же, хр. CVII-23
601	Гридино, бывш. Костромская губ.	»	1897	Кург. 2	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 393—394	То же, инв. 15477, хр. СИП-22
602	Погорелка, там же	»	1897	Группа А, кург. 15	XIX	—	XII в.	Там же, с. 399	То же, инв. 15460, хр. XCVI-4
603	Никульское, там же	»	1895	Группа II, кург. 1	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 332—333	То же, инв. 15475, хр. XXVIII-23
604	Залогино, там же	Случайные раскопки	До 1898	Из кургана	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 425	То же, инв. 15468, хр. XCV-10
605—606	То же	КУАК	1898	Кург. 2	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 424	То же, хр. XCV-9, 18
607	Погост, бывш. Костромская губ.	»	1899	Кург. 1	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 427	То же, инв. 15483, хр. XCI-4
608	То же	»	1899	Кург. 6	XIX	—	XII в.	Там же, с. 428; АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223	—
609	»	»	1899	Кург. 25	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 428; АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223	Костромской музей, инв. 15483, хр. XCI-5
610	Низовская, бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1895	Группа I, кург. III	XIX	—	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 185, табл. 3, 7	ГЭ, ОИПК, инв. 624/601
611	Мальцева, там же	То же	1895	Кург. II	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 162	ГЭ, ОИПК
612—613	Говеново (Максимовка), там же	»	1896	Кург. III	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 223	То же, инв. 624/299
614	Пещерица (пустошь), там же	»	1895	Кург. IX	XIX	—	1-я пол. XII в.	Там же, с. 202	То же, инв. 624/1054
615	Зяновщина, там же	»	1895	Кург. V	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 193—194	То же, инв. 624/843
616	Конница, там же	»	1895	Кург. IV	XIX	—	XIII в.	Там же, с. 192	То же, инв. 624/796
617	То же	»	1895	Кург. VI	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 193	То же, инв. 624/808
618	Петрушина, бывш. Костромская губ.	»	1895	Кург. II	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 180	То же, инв. 624/434
619	Коселиха, там же	»	1895	Кург. I	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 179	То же, инв. 624/412
620	Городина (Чувиль), там же	»	1895	То же	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 171, табл. 3, 11	ГЭ, ОИПК
621	То же	»	1895	Кург. II	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 171	То же, инв. 624/188
622	»	»	1895	Кург. IV	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, табл. 3, 15	То же, инв. 624/192
623—624	»	»	1895	Кург. VIII	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 172	То же, инв. 624/211
625	Кисловская, бывш. Костромская губ.	»	1895	Группа II, кург. II	XIX	—	2-я пол. XII—XIII в.	Там же, с. 175	То же, инв. 624/334
626	Кубасова (пустошь), там же	»	1895	Группа I, кург. I	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 172, табл. 3, 12	То же, инв. 624/1193
627	То же	»	1895	Группа I, кург. VIII	XIX	—	1-я пол. XII в.	Там же, с. 173	То же, инв. 624/260
628	»	»	1895	Группа II, кург. IV	XIX	—	1-я пол. XII в.	Там же, с. 174, табл. 3, 16	То же, инв. 624/299
629	Пеньки (Алабуга), бывш. Костромская губ.	»	1895	Кург. IX	XIX	—	XII в.	Там же, с. 170	То же, инв. 624/185
630	Обабкова, там же	»	1895	Группа I, кург. I	XIX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 176—177	То же, инв. 624/374
631	Кургинский овраг, Ивановская обл.	Е. Н. Ерофеева	1968	Кург. 3	XIX	—	XII—XIII вв.	Сведения Иванковского музея	Ивановский музей, инв. 69431, экспозиция
632	Кочергина (Земля В. И. Королева), бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1896	Группа II, кург. X	XIX	—	1-я пол. XII в.	Нефедов, 1899а, с. 214	ГЭ, ОИПК, инв. 1043/190

633	ская губ. Зуево, Ивановская обл.	Е. Н. Ерофеева	1964	Кург. 5	XIX	XII—XIII вв.	Сведения Иванковского музея	Ивановский музей
634	Зимнево, там же	То же	1956	Группа I, кург. 3	XIX	XII—XIII вв.	То же	То же
635	Есиплево, бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1896	Кург. I	XIX	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 217	ОИПК, инв. 624/1195
636	Новлянское, там же	То же	1895	Кург. IV	XIX	XII—XIII вв.	Там же, с. 195, табл. 3, 5	То же, инв. 624/885
637	Студенец (Могилыщ), там же	»	1895	Кург. III	XIX	XII—XIII вв.	Там же, с. 219—220	То же, инв. 1043/261
638	Краскова, бывш. Владимирская губ.	П. С. Савельев	1853	Кург. 34	XIX	XII в.	АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2, л. 3—4; Уваров, 1871, табл. XXV, 21; Сплицын, 1905а, с. 162, рис. 466	ГИМ, инв. 54746, хр. Р9/346
639	Кривец, бывш. Ярославская губ.	Я. А. Ушаков	1887	Группа I, кург. 10	XIX	2-я пол. XII—XIII в.	Ушаков, 1890, с. 29	То же, инв. 80135, хр. Р12/266
640	То же	То же	1887	Группа I, кург. 14	XIX	XI—1-я пол. XII в.	Там же, с. 30	То же
641	»	»	1887	Группа I, кург. 17	XIX	2-я пол. XII—XIII в.	Там же	»
642	»	»	1887	Группа I, кург. 30	XIX	2-я пол. XII—XIII в.	Там же, с. 31	ГИМ, инв. 80135, хр. Р8/15а
643	Тампорово, бывш. Тверская губ.	Случайные раскопки	1924	Из кургана	XIX	XII—XIII вв.	Сведения ГИМ	То же, инв. 55416, хр. 125/496
644	Неизвестно	—	—	—	XIX	XII—XIII вв.	Сведения Иванковского музея	Ивановский музей, инв. 2263 (из до-революционных приобретений)
645	Бочарово, бывш. Смоленская губ.	Н. И. Бульчев	—	Кург. 20	XIX	XII в.	Бульчев, 1913, с. 74—75, табл. VII, 9	ГИМ, инв. 45134, хр. 119/52а
646	Чернобыль, бывш. Киевская губ.	Случайная находка	1896	В составе кладки	XIX	1-я пол. XIII в.	Ханенко Б. И., 1902, с. 35, табл. VI, 380	—
647—648	Мануйлова, бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский	1891	Кург. 7	XX	Кон. XII—XIV в.	Сплицын, 1896, с. 108	ГИМ, инв. 35322, хр. 33/53а
649	Беседа, там же	А. Мессер	1911	Жальничное по-гребенне	XX	XIII—XIV вв.	Картотека ИИЭ	ИИЭ, инв. 2578 : 4
650	Мутаюля, Ленинградская обл.	О. И. Давидан	1968	Курган	XX	XIII—XIV вв.	Давидан, 1971, с. 110—111	ГЭ, ОИПК, инв. 2995/11
651	Бегуницы, бывш. С.-Петербургская губ.	—	1873	Из кургана	XX	XIII—XIV вв.	Сплицын, 1896, с. 120, табл. XIII, 5	НМФ, инв. 1420/4
652	Тресковныя, там же	Л. К. Ивановский	1877	Кург. 15	XX	XIII—XIV вв.	Там же, с. 110, табл. VIII, 15	ГИМ, инв. 35322, хр. 37/506
653	Ротовицы, там же	То же	1876	Кург. 41	XX	Кон. XII—XIV в.	Там же, с. 77	ГИМ, инв. 35322, хр. 113/16
654	Летошныя, там же	»	1879	Кург. 1	XX	XIII—XIV вв.	Там же, с. 89	То же, оп. 364
655	Ожогино, там же	»	1880	Кург. 56	XX	XIII—XIV вв.	Там же, с. 67	То же, оп. 364
656	Таровицы, там же	»	1875	Кург. 40	XX	XIII—XIV вв.	Там же, с. 61, табл. VIII, 19	То же, хр. 121/206
657	Рабитицы, там же	»	1876	Кург. 71	XX	XIII—XIV вв.	Там же, с. 75	ГИМ, инв. 35322
658	Котино, там же	»	1880	Кург. 5	XX	Кон. XII—XIII в.	Там же, с. 66	—
659	Калитино, там же	Н. К. Рерих	1894	Кург. 18	XX	XIII в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1894/74, л. 36	—
660—661	Воиша, там же	Л. К. Ивановский	1873	Группа II, кург. 6	XX	Кон. XII—XIII в.	Сплицын, 1896, с. 102, табл. VIII, 18	—
662	Ново-Сиверская, там же	То же	1873	Группа II, кург. 124	XX	XIII—XIV вв.	Там же, с. 104, табл. VIII, 17	—
663—664	Даймище, Ленинградская обл.	В. А. Кольчагов	1976	Кург. 24	XX	Кон. XII—XIII в.	Сведения В. А. Кольча-това	ЛОИА
665—666	Ольгин Крест, бывш. С.-Петербургская губ.	В. Н. Глазов	1900	Кург. 10	XX	Кон. XII—XIII в.	Сплицын, 1903, с. 61	ГЭ, ОИПК

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
667	То же	В. Н. Глазов	1900	Кург. 17	XX	—	XIII в.	Там же, с. 62, табл. XXIV, 29	То же, инв. 871/283
668	Савиновщина, бывш. С.-Петербургская губ.	То же	1899	Жальничная мог. 108	XX	—	XIV в.	Там же, с. 78—79, табл. XXIV, 21	То же, инв. 856/330
669	Малая Каменка, там же	»	1901	Жальничная мог. 232	XX	—	XIII—XIV вв.	Там же, с. 93	То же, инв. 871/135
670	То же	»	1901	Жальничная мог. 256	XX	—	XIII—XIV вв.	Там же, с. 95	То же, инв. 871/181
671	»	»	1901	Жальничная мог. 265	XX	—	XIII—XIV вв.	Там же	То же, инв. 871/203
672	Курячок, бывш. С.-Петербургская губ.	»	1899	Кург. 150	XX	—	XIII—XIV вв.	Там же, с. 85	То же, инв. 871/5
673	То же	»	1899	То же	XX	—	XIII—XIV вв.	Там же	То же, инв. 871/7
674	Калихновщина, бывш. С.-Петербургская губ.	»	1900	Кург. 304	XX	—	Кон. XII—XIII в.	Там же, с. 100	То же, инв. 856/121
675	То же	»	1900	Кург. 330	XX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 102—103; АЛЮИА, ф. 5, д. 386, л. 47	ГЭ, ОИПК
676	»	»	1900	Кург. 339	XX	—	XIII—XIV вв.	Спицын, 1903, с. 104; АЛЮИА, ф. 5, д. 386, л. 47	То же
677	Крапивна, бывш. С.-Петербургская губ.	»	1901	Кург. 410	XX	—	XIII—XIV вв.	Спицын, 1903, с. 113	То же, инв. 871/63
678	Подосье, там же	К. Д. Трофимов	1910	Кург. 1	XX	—	Кон. XII—XIII в.	АЛЮИА, ф. 1, д. 1909/128, л. 55 об.—56, 65	—
679	Рекомьяки, Карелия	Т. Швиндт	1886	Грунтовая мог. 5	XX	—	XIII—XIV вв.	Schwindt, 1893, s. 41—47, к. 339	НМФ
680	Ланинлахти, там же	То же	1880-е гг.	Из могильника	XX	—	Кон. XII—XIV в.	Ibid., s. 92, k. 342	То же
681	Тиверск, Ленинградская обл.	С. И. Кочуркина	1972	Из слоя поселения	XX	—	Кон. XIII—XIV в.	АИА, Р-1, д. 1972/4742, л. 18, альбом, рис. 24, 5	Петрозаводск
682	Орешек, там же	В. И. Кильдюшевский	1971	То же	XX	—	XIV в.	Сведения В. И. Кильдюшевского	ГМИЛ
683—684	Батецкий р-н, там же	—	1932	Случайные находки	XX	—	Кон. XII—XIII в.	Сведения ГЭ	ГЭ, ОИПК, инв. 698/18, 22
685	То же	—	1932	То же	XX	—	XIII в.	То же	То же, инв. 698/19, 20
686	Новгород	А. В. Арциховский	1932—1937	Из городского слоя	XX	—	Нач. XIV в.	Арциховский, 1949, с. 150, рис. 22д	—
687	То же	То же	1932—1937	То же	XX	—	Нач. XIV в.	Там же, с. 150, рис. 22е	—
688	»	»	1951	»	XX	—	1268—1281 гг.	Оп. НАЭ, № 960/1951	Москва
689	»	»	1952	»	XX	—	1313—1369 гг.	Там же	ГИМ, оп. 1965/2559
690	»	»	1952	»	XX	—	1281—1319 гг.	Оп. НАЭ, № 10009/1952	Новгородский музей
691	»	»	1952	»	XX	—	1409—1422 гг.	Там же, № 10413/1952	Москва
692	»	»	1952	»	XX	—	1340—1369 гг.	Там же, № 10008/1952	То же, оп. 1965/2558
693	»	»	1952	»	XX	—	1369—1382 гг.	Там же, № 10010/1952	То же, оп. 1965/2556
694	»	»	1952	»	XX	—	1299—1313 гг.	Там же, № 10407/1952	»
695	»	»	1952	»	XX	—	1281—1299 гг.	Там же, № 10426/1952	»
696	»	»	1952	»	XX	—	1313—1340 гг.	Там же, № 10080/1952	»
697	»	»	1953	»	XX	—	1281—1313 гг.	Там же, № 2506/1953	»
698	»	»	1953	»	XX	—	1340—1382 гг.	Там же, № 2655/1953	Новгородский музей
699	»	»	1953	»	XX	—	1340—1369 гг.	Там же, № 2716/1953	Москва
700	»	»	1954	»	XX	—	1299—1313 гг.	Там же, № 3532/1954	Новгородский музей
701	»	»	1955	»	XX	—	1369—1382 гг.	Там же, № 790/1955	То же

702	»	1955	»	XX	—	1197—1224 гг.	Там же, № 791/1955	»	Новгородский музей
703	»	1955	»	XX	—	1224—1238 гг.	Там же, № 792/1955	»	Новгородский музей
704	»	1956	»	XX	—	1268—1281 гг.	Там же, № 23/1956	»	Новгородский музей
705	»	1956	»	XX	—	1268—1281 гг.	Там же, № 94/1956	»	Новгородский музей
706	»	1957	»	XX	—	1313—1340 гг.	Там же, № 1030/1957	»	Новгородский музей
707	»	1957	»	XX	—	1313—1340 гг.	Там же, № 1031/1957	»	Новгородский музей
708	»	1957	»	XX	—	1299—1313 гг.	Там же, № 1032/1957	»	Новгородский музей
709	»	1957	»	XX	—	1499—1224 гг.	Там же, № 1033/1957	»	Новгородский музей
710	»	1957	»	XX	—	1369—1382 гг.	Там же, № 1034/1957	»	Новгородский музей
711	»	1958	»	XX	—	1299—1313 гг.	Там же, № 4515/1958	»	Новгородский музей
712	»	1958	»	XX	—	Коп. XII—XIV в.	Там же, № 4514/1958	»	Новгородский музей
713	»	1958	»	XX	—	1313—1340 гг.	Там же, № 4516/1958	»	Новгородский музей
714	»	1958	»	XX	—	1340—1369 гг.	Там же, № 4517/1958	»	Новгородский музей
715	»	1959	»	XX	—	1313—1340 гг.	Там же, № 3006/1959	»	Новгородский музей
716	»	1960	»	XX	—	1281—1313 гг.	Там же, № 2318/1960	»	Новгородский музей
717	»	1960	»	XX	—	1281—1299 гг.	Там же, № 2319/1960	»	Новгородский музей
718	»	1961	»	XX	—	1281—1299 гг.	Там же, № 468/1961	»	Новгородский музей
719	»	1961	»	XX	—	1299—1313 гг.	Там же, № 469/1961	»	Новгородский музей
720	»	1963	»	XX	—	1230—1250-е гг.	Там же, № 391/1963	»	Новгородский музей
721	»	1963	»	XX	—	1281—1299 гг.	Там же, № 393/1963	»	Новгородский музей
722	»	1963	»	XX	—	1281—1299 гг.	Там же	»	Новгородский музей
723	»	1966	»	XX	—	1170—1190-е гг.	Оп. НАЭ, № 704/1966	»	Новгородский музей
724	»	1967	»	XX	—	1281—1299 гг.	Там же, № 160/1967	»	Новгородский музей
725	»	1967	»	XX	—	XIII—XIV вв.	Там же, № 161/1967	»	Новгородский музей
726	»	1971	»	XX	—	1230-е гг.	Там же, № 257/1971	»	Новгородский музей
727	»	1972	»	XX	—	1270—1280-е гг.	Там же, № 607/1972	»	Новгородский музей
728	»	1972	»	XX	—	Нач. 1260-х гг.	Там же, № 609/1972	»	Новгородский музей
729	»	1972	»	XX	—	Коп. XII в.	Там же, № 610/1972	»	Новгородский музей
730	»	1972	»	XX	—	Коп. XIII в.	Там же, № 606/1972	»	Новгородский музей
731	»	1972	»	XX	—	1270—1280-е гг.	Там же, № 608/1972	»	Новгородский музей
732	»	1972	»	XX	—	Коп. XIII в.	Там же, № 611/1972	»	Новгородский музей
733	»	1972	»	XX	—	Коп. XIII в.	Там же, № 612/1972	»	Новгородский музей
734	»	1973	»	XX	—	Нач. XIII в.	Там же, № 108/1973	»	Новгородский музей
735	»	1974	»	XX	—	XIII—XIV вв.	Там же, № 194/1974	»	Новгородский музей
736	»	1953	»	XX	—	XIII—XIV вв.	Гроздильов, 1965, с. 82—87, рис. 21, 4	ГЭ	Новгородский музей
737	Лезга, Псковская обл.	1953	»	XX	—	XIII—XIV вв.	Там же, с. 82—87, рис. 21, 13	»	Новгородский музей
738	То же	1953	»	XX	—	XIV в.	АИА, Р-1, л. 1960/2198, л. 37—38, альбом, рис. 56	»	Новгородский музей
739	Осминка, Псковская обл.	1960	»	XX	—	XIV в.	Там же, л. 1949/400, л. 52—53	Петрозаводский музей	Новгородский музей
740	Кярдино (Гарьяки), Юго-Восточное Приладожье	1949	А. М. Липневский	XX	—	Коп. XII—нач. XIII в.	Там же, л. 1947/154, л. 113—115	Петрозаводский музей	Новгородский музей
741	Ефремково, там же	1947	То же	XX	—	XII—XIII вв.	Там же	Петрозаводск	Новгородский музей
742	То же	1947	»	XX	—	XII—XIII вв.	Там же	Петрозаводск	Новгородский музей
743	Щипняк, Юго-Восточное Приладожье	1965	С. И. Кочуркина	XX	—	Коп. XII—XIII в.	Кочуркина, 1967, рис. 1, 3	Петрозаводск	Новгородский музей
744	Дожье	—	—	XX	—	Коп. XII—XIII в.	Tallgren, 1928b, fig. 11	—	Новгородский музей
745	Бассейн р. Паши, там же	1913	—	XX	—	Коп. XII—XIII в.	АЛОИА, ф. 5, л. 374, л. 125	—	Новгородский музей
746	Бывш. Тихвинский уезд, Новгородская губ.	—	—	XX	—	Коп. XII—XIV в.	Сведения ГЭ	ГЭ, ОИПК, инв. 1968/11	Новгородский музей
747	Бабаево, Вологодская обл.	1960	Пронскождение неизвестно	XX	—	Коп. XII—XIII в.	Тухтина, 1966, с. 128—129, рис. 4, 3 (слева)	Череповецкий музей	Новгородский музей
748	То же	1960	Н. В. Тухтина	XX	—	Коп. XII—XIII в.	Там же, рис. 4, 3 (справа)	То же	Новгородский музей
749	Крестцы, Вологодская обл.	—	А. В. Никитин	XX	—	Коп. XII—XIV в.	АЛОИА, ф. 1, л. 1911/79, л. 20	—	Новгородский музей

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
749	Ростовское, бывш. Вологодская губ. Городище, там же	—	До 1911	Случайная находка	XX	—	Кон. XII—XIV в.	Там же	—
750	Старовская Пустошь, Вологодская обл. Кудринская, там же	—	1904	То же	XX	—	Кон. XII—XIV в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1906/65, л. 3—6; Слипын, 1926, с. 15	ГЭ, ОИПК, инв. 666/12
751	Старовская Пустошь, Вологодская обл. Кудринская, там же	Н. А. Черницян	1924	Из грунтового могильника	XX	—	Кон. XII—XIII в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1924/168, л. 7; Черницян, 1966, с. 196—199, рис. 1, 1	Тотемский музей
752	Марьино, там же	То же	1929	То же	XX	—	Кон. XII—XIII в.	АЛОИА, ф. 2, 1929/142, л. 41—42, рис. 2; Черницян, 1966, рис. 3, 2	То же
753	Проневская, там же	»	1924	Грунтовое погр. 1	XX	—	Кон. XII—XIII в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1924/168, л. 46—52, рис. 4; Черницян, 1966, с. 199—200, рис. 2, 1	»
754—755	Спасское, бывш. Вологодская губ. Новгородовская, там же	»	1925	Из грунтового могильника	XX	—	Кон. XII—XIII в.	АЛОИА, ф. 2, д. 1925/190, л. 11—11 об.	—
756	Ваймуши, бывш. Архангельская губ.	М. Б. Едемский	1905	Из слоя поселения	XX	—	Кон. XII—XIV в.	Там же, ф. 1, д. 1906/65, л. 13—15	—
757—758	Погорелово, бывш. Костромская губ.	—	1894	Случайная находка	XX	—	XII—XIII вв.	Там же, ф. 2, 1925/190, л. 11 об.; Едемский, 1907, с. 92—93, рис. 2	—
759	Ваймуши, бывш. Архангельская губ.	Случайные находки	До 1909	Из могильника (?)	XX	—	Кон. XII—XIV в.	АЛОИА, ф. 1, д. 1909/80, л. 34—35	НМФ, инв. 5384 : 1
760	Елкотово, там же	КУАК	1896	Кург. 1	XX	—	Кон. XII—XIII в.	Бекаревич, 1901, с. 359	Костромской музей, инв. 15457, хр. CIV-32
761—762	То же	»	1895	Группа I, кург. 19	XX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 325	То же, инв. 15474, хр. ХСПИ
763	То же	»	1895	Группа III, кург. 7	XX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 330	То же, хр. CVII-54
764	Кошляха, бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1895	Кург. V	XX	—	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 179, табл. 3, 2	ГЭ, ОИПК, инв. 624/420
765	Иордания (пустошь), там же	То же	1896	Кург. VI	XX	—	2-я пол. XII—XIII в.	Там же, с. 210, табл. 3, 6	То же, инв. 1043/86
766	Кубасова (пустошь), там же	»	1895	Группа I, кург. II	XX	—	XIII в.	Там же, с. 172, табл. 3, 4	То же, инв. 624/227
767	Шеляха (Северцы), там же	»	1895	Кург. I	XX	—	Кон. XII—XIII в.	Там же, с. 194, табл. 3, 9	То же, инв. 624/881
768	Никульцева, там же	»	1895	То же	XX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 196, табл. 3, 1	То же, инв. 624/910
769	То же	»	1895	Кург. III	XX	—	XIII в. (?)	Там же, табл. 3, 10	То же, инв. 624/916
770	Новлянское, бывш. Костромская губ.	»	1895	Кург. IV	XX	—	XII—XIII вв.	Там же, с. 195	То же, инв. 624/886
771	Конница, там же	»	1895	Кург. VI	XX	—	XIII в.	Там же, с. 193	То же, инв. 624/1194
772	Бывш. Костромская губ.	»	1895—1896	Из кургана	XX	—	Кон. XII—XIII в.	Там же, табл. 3, 8	—
773	То же	»	1895—1896	То же	XX	—	XII—XIII вв.	Там же, табл. 3, 17	—
774—779	Мужицево, бывш. Тверская губ.	»	1927	В составеклада	XX	—	1-я пол. XIII в.	Корзухина, 1954, с. 148, табл. XII, 5	—
780	Ягодно, там же	С. А. Гатцук	1902	Кург. 3	XX	—	XII—XIII вв.	АЛОИА, ф. 1, д. 1902/75, с. 203 (дневник); Гатцук, 1904, с. 41—42	—
781	Васильевское, там же	Случайные копии	1913	Из кургана	XX	—	XII—XIII вв.	ОАК, 1918, с. 188—189	ГЭ, ОИПК, инв. 591/3
782—783	Старица, там же	—	—	Из городского слоя	XX	—	XII—XIII вв.	Сведения ГИМ	ГИМ, инв. 91639, хр. 115/396
784—785	Моглевская, там же	—	—	Из кургана	XX	—	XII—XIII вв.	АЛОИА, ф. 5, д. 387, л. 362	—

786	Добрый Бор, там же	—	Отдельная на- ходка	XX	—	—	ХII—XIII вв.	Жизневский, 1878, с. 199—200; Плетнев, 1903, с. 490	—
787	Жела, бывш. Мо- сковская губ. То же	1904	Кург. 81	XX	—	С. А. Галпук	ХII—XIII вв.	Спицын, 19056, с. 125—131	ГЭ, ОИПК, инв. 670/182
788	Вольница, бывш. Московская губ. Калуга, там же	1904	Кург. 85	XX	—	То же	Кон. XII—XIII вв.	Там же, с. 131—132, рис. 82	То же, инв. 670/191
789	Палашкино, там же	1876	Кург. 9	XX	—	Н. Г. Керцелли	ХII—XIII вв.	Керцелли, 1878, с. 10—11	ГИМ
790	Успенское, там же	—	Из кургана	XX	—	—	ХII—XIII вв.	Городцов, 1928, с. 556	То же, инв. 76123, хр. Р9/506
791	Мяклина, там же	1865	То же	XX	—	А. П. Богданов	ХII—XIII вв.	РИМ, 1893, с. 261, № 67; Богданов, 1867, с. 100—110	То же, инв. 69591, хр. Р7/19а
792—793	Покров, Москов- ская обл.	1845	Из курганов	XX	—	—	ХII—XIII вв.	Древности... 1846, с. 22—24, табл. X, 3, 4	—
794—795	Бывш. Владимир- ская губ. Неизвестно	1924, 1927	Кург. 1	XX	—	В. А. Городцов, М. В. Городцов ИА	ХII—XIII вв.	Городцов, 1928, с. 545, рис. 18	ГИМ (?)
796	Рубежье озеро, бывш. Смолен- ская губ.	1966	То же	XX	—	А. С. Уваров, П. С. Савельев	ХII в.	Беленская, Дубынин и др., 1967, с. 38—39	Москва
797	Осовик, Брянская обл. То же	1851—1854	Из кургана	XX	—	—	Кон. XII—XIV вв.	Сведения ГИМ	ГИМ, инв. 54746, хр. Р9/14а
798	Старое Борисово, Минская обл. Звоницкое, бывш. Екатеринослав- ская губ.	—	—	XX	—	—	Кон. XII—XIII вв.	Сведения Иванковского му- зея (бывш. кол. Д. Г. Бурылина)	Ивановский музей, инв. 64125
799—800	Рубежье озеро, бывш. Смолен- ская губ.	1945—1950	Из городского слоя	XX	—	А. Л. Монгайт	Кон. XII—1-я пол. XIII в.	Монгайт, 1955, с. 21, рис. 4	—
801	Осовик, Брянская обл. То же	—	—	XX	—	—	Кон. XII—XIII в.	Сведения ГИМ (бывш. кол. Н. Г. Керцелли)	ГИМ, инв. 78607, хр. 107/96
802	Старое Борисово, Минская обл. Звоницкое, бывш. Екатеринослав- ская губ.	1972	Из слоя поселе- ния	XX	—	К. В. Павлова	Кон. XII—нач. XIII в.	Гаврилова, Павлова, 1973, с. 55	Рославльский музей
803	Старое Борисово, Минская обл. Звоницкое, бывш. Екатеринослав- ская губ.	1974	То же	XX	—	То же	Кон. XII—нач. XIII в.	Павлова, 1975, с. 69	То же
804	Старое Борисово, Минская обл. Звоницкое, бывш. Екатеринослав- ская губ.	1971	»	XX	—	Г. В. Штыхов	Кон. XII—XIV в.	Штыхов, 1972, с. 403—404	Минск
805	Старо-Сверская, бывш. С.-Петер- буржская губ. Булавино, бывш. Псковская губ. Кургино, Юго-Вос- точное Прила- дожье	—	Из кургана	XX	—	—	Кон. XII—XIII в.	Мельник, 1893, с. 99, табл. X, 299	—
806	Воскресенское (Ва- сильевское горо- дище), бывш. Ар- хангельская губ. Медведева, бывш. Вологодская губ.	1873	Группа кург. 11	—	Табл. XXV, 8	Л. К. Иванов- ский	XIII в.	Спицын, 1896, с. 106, табл. XIII, 6	—
807	Воскресенское (Ва- сильевское горо- дище), бывш. Ар- хангельская губ. Медведева, бывш. Вологодская губ.	1899	Жальничное погр. 41	—	Табл. XXIV, 8	Н. К. Рерих	XIII—XIV вв.	Рерих, 1899, с. 363, рис. 47	ГЭ, ОИПК, инв. 864/34
808	Воскресенское (Ва- сильевское горо- дище), бывш. Ар- хангельская губ. Медведева, бывш. Вологодская губ.	1948	Кург. 2 (51)	—	—	А. М. Лиевский	XII в.	АИА, Р-1, д. 1948/258, л. 136	Петрозаводский му- зей
809	Воскресенское (Ва- сильевское горо- дище), бывш. Ар- хангельская губ. Медведева, бывш. Вологодская губ.	—	В составе кла- да (?)	—	—	—	XII—XIII вв.	Спицын, 1915, с. 240—244, рис. 41	—
810—811	Тимонино, бывш. Костромская губ. Сторожева, там же	1909	Из курганов	—	—	Случайные рас- копки	XII—XIII вв.	АЛОИА, ф. 1, д. 1911/79, л. 19—19 об.; ф. 5, д. 381, л. 62	—
812—813	Тимонино, бывш. Костромская губ. Сторожева, там же	1895	Группа кург. 1	—	—	КУАК	XIII в.	Бекаревич, 1901, с. 335	Костромской музей, инв. 15430, хр. СП-13
814	Есицево, там же	1895	Группа I, кург. I	—	Табл. XXIV, 7	Ф. Д. Нефедов	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 180—181, табл. 3, 3	ГЭ, ОИПК, инв. 624/449
815	Кубасова (пустошь), там же	1896	Кург. IV	—	Табл. XXIV, 6	То же	XII—XIII вв.	Там же, с. 217, табл. 3, 18	То же, инв. 1043/229
816	Кубасова (пустошь), там же	1895	Группа кург. VIII	—	Табл. XXV, 9	»	1-я пол. XII в.	Там же, с. 172, табл. 3, 18	То же, инв. 624

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Группа VII									
817	Новгород	А. В. Арциховский	1932—1937	Из слоя Кург. 41	—	—	—	Арциховский, 1949, с. 143, рис. 17, 2	—
818	Колчино, бывш. Калужская губ.	Н. И. Булычев	—	Кург. 41	—	—	XI—нач. XII в.	Булычев, 1903, с. 28, табл. V, 13	ГИМ, инв. 42215
819	Кветунь, Брянская обл.	В. А. Падин	1948—1953	Кург. 4	—	—	XI—XII вв.	Падин, 1958, с. 221—222, рис. 3, 7	Трубчевский музей
820—823	Влазовичи, бывш. Черниговская губ.	П. М. Еременко	1891	Кург. XXV	—	—	XI—XII вв.	АЛОИА, ф. 1, д. 1891/50, л. 25 об.—26; д. 1894/103, л. 59 об.	ГИМ, инв. 32884, хр. 121/27а
824—828	То же	То же	1891	Кург. XLI	—	—	XI—XII вв.	Еременко, 1896, с. 99, табл. II, 4	То же
829	Тумовка, Владимирская обл.	Е. И. Горюнова	1947—1950	Из слоя поселения	—	—	IX—XI вв.	Горюнова, 1961, с. 163, рис. 78, 27	—
830	Погостище, Вологодская обл.	А. Я. Брюсов	1959	Грунтовое погребение	—	—	XII в.	Голубева, 1962, с. 73—75, рис. 15, 4; Брюсов, 1969, с. 82, рис. 34	—
831	Боровиково, бывш. Костромская губ.	КУАК	1896	Группа II, кург. 4	—	—	XII в.	Бекаревич, 1901, с. 375	Костромской музей, инв. 15470, хр. CI-46

Зооморфные подвески X—XIV вв. (форма неизвестна)

№ п. п.	Место находки	Обстоятельства находки				Дата	Источник информации о находке	Сведения о находке
		руководитель раскопок	год	комплекс	год			
1	2	3	4	5	6	7	8	
832	Озертицы, бывш. С.-Петербургская губ.	Л. К. Ивановский	1877, 1881	Группа Б, кург. 12	XI—XIV вв.	Спицын, 1896, с. 74	«Конек»	
833	Околок, Юго-Восточное Приладжье	Случайные раскопки	—	Из кургана	X—XIII вв.	АИА, Р-1, д. 1947/154	«Уточка»	
834	Кирилдино, там же	Н. Е. Бранденбург	1878—1886	Кург. XXXIX	X—нач. XI в.	Бранденбург, 1895, с. 119—120	«Подвеска-уточка»	
835	Рядань, там же	А. И. Колмогоров	1910—1911	Кург. 2	X—нач. XI в.	Колмогоров, 1914, с. 414	То же	
836	Большой Двор, там же	То же	1910—1911	То же	XI—XIII вв.	Там же, с. 413—414	«Маленькая уточка длиной 2,5 см»	
837	Борисовское (Белый городок), Калининская обл.	Ф. И. Иванов	1924—1926	Находка на поселении	XI—XII вв. (?)	АИА, Р-1, д. 1972/4851, л. 2	«Фигурка рогатого и горбатого зверька»	
838—839	Проневская, бывш. Вологодская губ.	—	—	Случайная находка	XI—XIV вв.	АЛОИА, ф. 2, д. 1925/190, л. 11	«Медные птички, как будто сделаны из шнурков», — не менее двух	
840—841	Никольское городище, там же	—	—	То же	XI—XIV вв.	Там же, л. 3 об.	Привески «в виде коньков с цепочками и бубенчиками» — не менее двух	
842—843	Кремлевская, там же	—	—	»	XI—XIV вв.	Там же, л. 9	«Шумящие коньки» — не менее двух	
844—845	Верхне-Троицкое, там же	—	1905	»	XII—XIII вв.	Спицын, 1926, с. 10—11	Подвески «в виде конька, уточки, петушка» — не менее двух	
846	Леваниха (Сухарева), бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1895	Группа II, кург. XI	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 166	Привеска «в виде конька с двумя лапками»	
847	Коханы, бывш. Смоленская губ.	Н. И. Булычев	—	Кург. 37	XII в.	Булычев, 1899, с. 74, табл. XXXI, 2	Сохранилась в обломках	
848	Никулино (Могильцы), бывш. Костромская губ.	Ф. Д. Нефедов	1896	Кург. III	XII—XIII вв.	Нефедов, 1899а, с. 208	«Привеска-конек»	

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусина Г. А. Три курганные группы у Звенигорода. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962.
- Алихова А. Е. Русский поселок XIII—XIV веков у с. Березовка. — МИА, 1960, № 80.
- Альбом, преподнесенный великому князю Владимиру Александровичу Тверским музеем в 1892 году. Б. м., 1892/БАН СССР, Л.
- Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. — СА, 1966, № 1.
- Амброз А. К. Проблема средневековой хронологии Восточной Европы, ч. II. — СА, 1971, № 3.
- Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.
- Анучин Д. Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. — МАВГР, 1899, т. III.
- Аполлов А. Г. Коми-зыряне. — В кн.: Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931, т. 2.
- Археологическая хроника. — ИАК, Прибавл. к вып. 37, СПб., 1910.
- Археологические исследования в РСФСР (1934—1936 гг.). М.; Л., 1941.
- Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973.
- Арциховский А. В. Курганы вятичей. М., 1930а.
- Арциховский А. В. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе. — В кн.: Новгородский государственный музей. Материалы и исследования. Новгород, 1930б, вып. 1.
- Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. — МИА, 1949, № 11.
- Аспелин И. Р. О потребности изучения форм предметов в постепенном развитии этих форм в доисторических временах. — Тр. IV АС, Казань, 1884, т. 1, отд. 1.
- Атлас древностей мордовского народа. Саранск, 1941.
- Атлас к Трудам IV АС. Казань, 1876.
- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869, т. 3.
- Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведенных членами Комиссии в 1895—1899 гг. — Костромская старина, 1901, вып. 5.
- Беленькая Д. А., Дубынин А. Ф., Смирнов К. А., Юшко А. А. Работы в Москве и Подмосковье. — АО 1966 года, М., 1967.
- Белицер В. Н. Узорное ткачество и вышивки удмуртов. — Сб. Удмурт. НИИЯЛ, Ижевск, 1940, т. 9.
- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX—начало XX в. — ТИЭ, 1958, т. 45.
- Бломжист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев, белорусов. — ТИЭ. Нов. сер., 1956, т. 31.
- Богданов А. П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губ. — ИОЛЕАЭ, 1867, т. 4.
- Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. — МАР, 1895, № 18.
- Бранденбург Н. Е. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб., 1908.
- Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940.
- Брюсов А. Я. Финское погребение X—XI вв. в дер. Погостище Кирилловского района Вологодской области. — КСИА, 1969, вып. 120.
- Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
- Булычев Н. И. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903.
- Булычев Н. И. Раскопки по среднему течению реки Угры. — Зап. Моск. археол. ин-та, 1913, т. 31.
- Вагнер Г. К. О зооморфных изображениях на древнерусских хоросах. — КСИА, 1960, вып. 81.
- Васильев И. Обзорные языческие обряды, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. — ИОАИЭКУ, 1906, т. 22, вып. 4.
- Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда. — ЗРГО, 1889, т. 14, вып. 3.
- Висковатов П. Пюхтицкое древнее кладбище Эстляндской губернии. — В кн.: Временник Эстляндской губернии. Ревель, 1894, кн. 1.
- Воронина Р. Ф. О некоторых чертах верований средне-финской мордвы VIII—XI вв. — СА, 1975, № 1.
- Воронов В. Крестьянское искусство. М., 1924.
- Гаврилов Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880.
- Гаврилова А. В., Павлова К. В. Раскопки городища у с. Осовик. — АО 1972 года, М., 1973.
- Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941.
- Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916, т. 1.
- Гатцук С. А. Отчет С. А. Гатцука о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губернии. — ИАК, 1904, вып. 6.
- Генинг В. Ф. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности). — В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938.
- Глазов В. П. Раскопки во Владимирской области и г. Суздаля. — АО 1972 года, М., 1973.
- Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере. — СА, 1962, № 3.
- Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. — СА, 1966, № 3.
- Голубева Л. А. Раскопки древнего Белоозера в 1961—1962 гг. — КСИА, 1967, вып. 110.
- Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973.
- Голубева Л. А. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки. — СА, 1976, № 2.
- Голубева Л. А., Варенов А. Г. Полые коньки-амулеты Древней Руси. — СА, 1978, № 2.
- Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. — САИ, М., 1979, вып. Е1-59.
- Горбачев К. А. Протокол раскопок курганов Селецкой волости в 1886 г. — ИОЛЕАЭ, 1890, т. 49, вып. 5.
- Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях Муром в 1910 г. — Древности, 1914, т. 24.
- Городцов В. А. Дубровичский финский могильник. — В кн.: К материалам по археологии Рязанского края. Рязань, 1925. (Тр. О-ва исслед. Рязан. края; вып. 5).
- Городцов В. А. Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве. — ТГИМ, 1926, вып. 1.
- Городцов М. В. Вятичские курганные погребения близ д. Мякининой. — ТСА РАНИОН, 1928, вып. 4.
- Горюнова Е. И. Мерянский могильник на Рыбинском море. — КСИИМК, 1954, вып. 54.

- Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 94.
- Грибова Л. С. Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М., 1975.
- Гроздилов Г. П. Курганы у деревни Челмужи. — В кн.: Археологический сборник. Петрозаводск, 1947.
- Гроздилов Г. П. Археологические памятники Старого Изборска. — АСГЭ, 1965, вып. 7.
- Гроздилов Г. П., Третьяков П. Н. Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909—1913 гг. — В кн.: Старая Ладога. Л., 1948.
- Гуревич Ф. Д. Древние верования народов Прибалтики по данным «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского. — СЭ, 1948, № 4.
- Давидан О. И. Раскопки кургана у дер. Мутаюля. — СГЭ, 1971, вып. 33.
- Давидан О. И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки. — АСГЭ, 1976, вып. 17.
- Данилов И. Г. Раскопки слушателей Института курганов в Гдовском и Лужском уездах. — В кн.: Сборник Археологического института. М., 1880, кн. 3.
- Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа. — ТГИМ, 1967, вып. 43.
- Динцес Л. А. Древние черты в русском народном искусстве. — В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951, т. 2.
- Дополнения к Актам историческим. СПб., 1857, т. 1.
- Древности, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1846.
- Евсеев В. Я. Исторические основы карело-финского эпоса. М.; Л., 1957, кн. 1.
- Едемский М. Кокшеньгская старина. — ЗОРСА, 1907, т. 7, вып. 2.
- Еременко П. М. Радимичские курганы. — ЗРАО, 1896, т. 8, вып. 1—2.
- Ефименко П. П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. — В кн.: Материалы по этнографии. Л., 1926, т. 3, вып. 1.
- Ешевский С. Заметка о пермских древностях. — В кн.: Пермский сборник. М., 1859, кн. 1.
- Жаков К. Ф. Некоторые черты из исторической и психологической жизни вотяков (историко-этнологический очерк). — Живая старина, 1903, вып. 1—2.
- Жизневский А. К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. — Древности, 1878, т. 7, вып. 3.
- Жизневский А. К. Курганы Тверской губернии. — ИОЛЕАЭ, 1890, т. 49, вып. 5.
- Житие святого Стефания, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897.
- Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка. — СА, 1961, № 2.
- Збруева А. В. Пермский всадник. — ВДИ, 1950, № 1.
- Иванова М. Г., Наговицын Л. А., Корепанов К. И. Удмуртская экспедиция. — АО 1974 года, М., 1975.
- Иловайский Д. И. История России. М., 1880, т. 1, ч. 2.
- Калевала. Карельские руны, собранные Э. Лённротом/ Пер. А. И. Бельского. М., 1956.
- Калевипозз/ Пер. В. Державина и А. Кочеткова. Таллин, 1950.
- Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М., 1907, отд. 3—6.
- Керцелли Н. Г. Отчет о произведенной раскопке курганов Рузского и Подольского уездов Московской губ. — ИОЛЕАЭ, 1878, т. 31, Прил.
- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. — САИ, М.; Л., 1966, вып. Е1-36, ч. 1.
- Киселев С. В. Кузнецовские курганы. — СА, 1936, т. 1.
- Ключевский В. О. Курс русской истории. СПб., 1904, ч. 1.
- Колмогоров А. Тихвинские курганы. — Тр. XV АС, М., 1914, т. 1.
- Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево. — САИ, М., 1971, вып. Е1-55.
- Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.; Л., 1954.
- Кочуркина С. И. Курганы на р. Паше. — СА, 1967, № 4.
- Кочуркина С. И. Оятские могильники X—XI вв. — СА, 1968, № 2.
- Кочуркина С. И. Курганные группы Юго-Восточного Приладожья. — КСИА, 1969, вып. 120.
- Кочуркина С. И. Курганы северного побережья Онежского озера. — В кн.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
- Кочуркина С. И. Курганы Юго-Восточного Приладожья в X—XIII вв. М., 1973.
- Круглова О. В. Древняя символика в произведениях народного искусства Ярославской области. — СА, 1971, № 1.
- Лашук Л. П. Археологические древности народа коми. — В кн.: Памятники культуры Коми АССР, Сыктывкар, 1959.
- Левашева В. П. Височные кольца. — ТГИМ, 1967, вып. 43.
- Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851.
- Люцинский могильник. — МАР, 1893, № 14.
- Ляўданскі А. Н. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. — Працы Сакціі археол., Менск, 1932, т. 3.
- Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877.
- Макаренко Н. Е. Новленский и Заколдский могильники Владимирской губернии. — Тр. ВУАК, 1908, т. 10.
- Марр Н. Я. Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом освещении из племенных названий. — Изв. АН СССР, 1925, № 16—17.
- Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как исторический источник. — В кн.: Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР, посвященной 50-летию Ленинского декрета о создании РАИМК — Институт археологии АН СССР — и итогам полевых этнографических и археологических исследований в 1968 г. Л., 1969.
- Мейландер К. Ф. Биармы. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979.
- Мельник Е. Каталог коллекции древностей А. Н. Польш в Екатеринославе. Киев, 1893, вып. 1.
- Монгайт А. Л. Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тыс. н. э. — СА, 1953, т. 18.
- Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1955, № 49.
- Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961.
- Мордовские народные песни. М., 1958.
- Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.
- Назаренко В. А. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.
- Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии. — МАВГР, 1899а, т. 3.
- Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. — МАВГР, 1899б, т. 3.
- Никитин А. В. Раскопки в Великом Устюге. — КСИА, 1963, вып. 96.
- Никитин А. В. Городище и могильник у дер. Крестцы. — КСИА, 1974, вып. 139.
- Никольская Т. Н. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. — КСИИМК, 1949, вып. 30.
- Никольская Т. Н. К истории древнерусского города Серенска. — КСИА, 1968, вып. 113.
- Новицкий Гр. Краткое описание о народе остячком. СПб., 1884.
- Носова Г. А. Язычество в православии. М., 1975.
- Нукшинский могильник. — Матер. и исслед. по археол. ЛатвССР, Рига, 1957, т. 1.
- ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
- ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918.
- Озеруковский Н. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя. СПб., 1812.
- Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953.
- Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972, ч. 2.
- Ошибкина С. В. Могильник Пески в Вологодской области. — КСИА, 1972, вып. 129.
- Павлова К. В. Раскопки городища у дер. Осовик. — АО 1974 года, М., 1975.
- Падин В. А. Материалы из раскопок Кветунских курганов X—XIII вв. — СА, 1958, № 2.
- Патканов С. К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказкам. — Живая старина, 1891, вып. 3.
- Первушин Н. Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. — МАВГР, 1896, т. 2.
- Перцов В. Н. Культура и религия древних пруссов. — Учен. зап. Белорус. гос. ун-та им. В. И. Ленина. Сер. ист., 1953, вып. 16.
- Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.
- Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губ. К археологической карте губернии. Тверь, 1903.

- Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — МИА, 1967, № 142.
- Плоткин К. М. К вопросу о хронологии городища Камно Псковской области. — КСИА, 1974, вып. 139.
- Подвигина Н. Л. Раскопки курганов в Псковской области. — СА, 1965, № 1.
- ПСРЛ. СПб., 1851, т. 5.
- Работнова И. П. Финно-угорские элементы в орнаменте севернорусских вышивки и тканья. — В кн.: Русское народное искусство Севера. Л., 1968.
- Равдина Т. В. О датировке вятичских курганов. — СА, 1965, № 1.
- Равдоникас В. И. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924.
- (Равдоникас В. И.) *Raudonikas W. J. Die Grabsitten in den «finnischen» Kurganen in südöstlichen Ladogagebiet.* — ESA, 1929, N 4.
- (Равдоникас В. И.) *Raudonikas W. J. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet.* Stockholm, 1930.
- (Равдоникас В. И.) *Raudonikas W. J. Svenskt och finskt i Gardarike. Grävningar i Ladogaområdet 1930.* — Fornvännen, 1931, N 26.
- Равдоникас В. И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. — ИГАИМК, 1934а, вып. 94.
- Равдоникас В. И. Скандинавские находки в курганах Приладожья. — ПИДО, 1934б, № 9—10.
- Репников Н. И. Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 году. — ИАК, 1904, вып. 6.
- Репников Н. И. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах. — ЗОРСА, 1915, т. 11.
- Рерих Н. К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца. — ЗРАО, 1899, т. 11, вып. 1—2.
- РИМ. Указатель памятников. М., 1893.
- Розенфельдт Р. Л. Курганы у бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожая в Московской области. — КСИА, 1973, вып. 135.
- Рыбаков Б. А. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. — Учен. зап. МГУ, М., 1946, вып. 93.
- Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948а.
- Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве (женское божество и всадники). — СЭ, 1948б, № 1.
- Рыбаков Б. А. Прикладное искусство и скульптура. — В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951, т. 2.
- Рыбаков Б. А. Искусство древних славян. — В кн.: История русского искусства. М., 1953а, т. 1.
- Рыбаков Б. А. Прикладное искусство Владимиро-Суздальской Руси. — В кн.: История русского искусства. М., 1953б, т. 1.
- Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Перефлут. — СА, 1967, № 2.
- Рыбаков Б. А. Основные проблемы изучения славянского язычества. — Тр. VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук, М., 1970, т. 8.
- Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья. — ВИ, 1974, № 1.
- Рыбакоў Б. А. Радзімічы. — Працы Сэкціі археол., Менск, 1932, т. 3.
- Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. — МИА, 1963, № 117.
- Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв. Автореф. канд. дис. Л., 1974а.
- Рябинин Е. А. Новгород и северо-западная область Новгородской земли. (Культурные взаимодействия по археологическим данным). — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974б.
- Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Костромского Поволжья. — КСИА, 1975, вып. 144.
- Савельев А. И. Заметка о символических вещах, находимых в древних могилах. — Сб. Археол. ин-та, СПб., 1880, кн. 4, отд. 3.
- Савельева Э. А. Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М., 1971.
- Савельева Э. А. Лузская пермца. Сыктывкар, 1972.
- Савиц Н. I. Раскопки курганов у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. — Працы Археол. камісіі, Менск, 1930, т. 2.
- Самоквасов Д. Я. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. М., 1915а.
- Самоквасов Д. Я. Атлас Гочевских древностей. Прил. к дневнику раскопок в окрестностях с. Гочева. М., 1915б.
- Седов В. В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. — КСИЭ, 1952, вып. 15.
- Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). — СА, 1953, т. 18.
- Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде. — КСИИМК, 1957, вып. 68.
- Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. — МИА, 1960, № 32.
- Седов В. В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси. — СА, 1961, № 2.
- Седов В. В. Древнее поселение близ г. Вязники. — КСИА, 1962, вып. 85.
- Седов В. В. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966.
- Седов В. В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968.
- Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163.
- Седов В. В. Длинные курганы кривичей. — САИ, М., 1974, вып. Е1-8.
- Седов В. В. Раскопки в Изборске. — АО 1975 года, М., 1976.
- Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). — МИА, 1959, № 65.
- Седова М. В. Ювелирные изделия из Ярополча-Залесского. — КСИА, 1972, вып. 129.
- Селезнев Ф. Я. Археологические исследования в окрестностях Муроме. Культура финнов Средней Оки. Владимир, 1926.
- Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народов коми. Л., 1928.
- Сизов В. И. Раскопки В. И. Сизова в Смоленской губ. — Древности, 1894, т. 15, вып. 2, Протоколы.
- Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951.
- Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, № 28.
- Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья. — МИА, 1961, № 95.
- Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура. — САИ, М., 1965, вып. Д1-14.
- Смирнов И. Н. Черемисы (историко-этнографический очерк). — ИОАИЭКУ, 1889, т. 7.
- Смирнов И. Н. Вотяки (историко-этнографический очерк). — ИОАИЭКУ, 1890, т. 8, вып. 2.
- Смирнов И. Н. Пермь (историко-этнографический очерк). — ИОАИЭКУ, 1891, т. 9, вып. 2.
- Смирнов И. Н. Мордва (историко-этнографический очерк). — ИОАИЭКУ, 1894, т. 12.
- Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972.
- Спицын А. А. Дополнительные замечания. Прил. к кн.: Бранденбург Н. Я. Курганы Южного Приладожья. — МАР, 1895, № 18.
- Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1896, № 20.
- Спицын А. А. Курганы Белозерского уезда. — ЗРАО, 1899, т. 8, вып. 1.
- Спицын А. А. Древности камской чуди по коллекции Ф. А. и А. Ф. Теплоуховых. — МАР, 1902, № 26.
- Спицын А. А. Курганы Гдовского уезда в раскопках В. Н. Глазова. — МАР, 1903, № 29.
- Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, 1905а, вып. 15.
- Спицын А. А. Отчет о раскопках С. А. Гатцука 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губерниях. — ЗОРСА, 1905б, т. 7, вып. 1.
- Спицын А. А. Шаманские изображения. — ЗОРСА, 1906а, т. 8, вып. 1.
- Спицын А. А. Отчет о раскопках, произведенных И. С. Абрамовым в Смоленской губ. — ЗОРСА, 1906б, т. 8, вып. 1.
- Спицын А. А. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губ. — ИАК, 1914, вып. 53.
- Спицын А. А. Археологический альбом. — ЗОРСА, 1915, т. 11.
- Спицын А. А. Древности Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенск, 1924.
- Спицын А. А. Древности Севера. Тотма, 1926.
- Срезневский И. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян по свидетельствам современным и преданиям. Харьков, 1846.
- Станкевич Я. В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. — МИА, 1960, № 76.
- Тараканова С. А. Псковские городища. — КСИИМК, 1956, вып. 62.

- Тверской музей и его приобретения в 1893 г. Тверь, 1894.
- Теплоухов Ф. А. Рисунки древностей пермской чуди, принадлежащих Пермскому музею. Пермь, 1897.
- Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX в. М.; Л., 1957.
- Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1964.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. М., 1897, вып. 5.
- Травчатое Н. П. Подболотский могильник близ гор. Муром. — Тр. ВУАК, 1910, т. 12.
- Трегьяков П. Н. Костромские курганы. — ИГАИМК, 1931, т. 10, вып. 6—7.
- Трегьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. — МИА, 1941, № 5.
- Трегьяков П. Н. О некоторых бронзовых изделиях раннего железного века из Верхнего Поднепровья. — In: *Studia archaeologica in memoriam Naggi Mooga*. Tallinn, 1970.
- Троицкий Н. И. Берега р. Непрядвы в историко-археологическом отношении. — Тр. VII АС, М., 1901, т. 1.
- Трофимов К. Д. Раскопки курганов при дер. Залахтове-Кувшиново С.-Петербургской губернии Гдовского уезда. М., 1909.
- Тузгина Н. В. Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X—XII вв. — ТГИМ, 1966, вып. 40.
- Тузгина Н. В. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья. — В кн.: *История и культура Восточной Европы по археологическим данным*. М., 1971.
- Тузгина Н. В. Этнические особенности веси X—XII вв. Автореф. канд. дис. М., 1976.
- Тышкевич К. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильна, 1865.
- Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. — Тр. I АС, М., 1871, т. 2.
- Уваров А. С. Сборник мелких трудов А. С. Уварова. М., 1910, т. 2.
- Уварова П. С. Областные музеи. — Тр. VII АС, М., 1891, т. 2.
- Успенская А. В. Курганы Южной Белоруссии X—XIII вв. — ТГИМ, 1953, вып. 22.
- Успенская А. В. Древнерусское поселение близ г. Дубна. — ТГИМ, 1966, вып. 40.
- Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески. — ТГИМ, 1967, вып. 43.
- Успенская А. В. Древнерусское поселение X—XII вв. близ с. Подмоклово. — В кн.: *Древности Восточной Европы*. М., 1969.
- Успенская А. В. Пекуновское селище и курганы. — СА, 1971, № 1.
- Ушаков Я. А. Раскопки в Мышкинском уезде 1887 года. — Тр. VII АС, М., 1890, т. 1.
- Фехнер М. В. Шейные гривны. — ТГИМ, 1967, вып. 43.
- Фосс М. Е. Древнейшая история европейской части СССР. — МИА, 1952, № 29.
- Халиков А. Х., Безухова Е. А. Материалы к древней истории Поволжья. Горький, 1960.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Киев, 1902, вып. 5.
- Хвоцинская Н. В. Население восточного побережья Чудского озера (по материалам курганов у деревень Залахтове и Калихновщина). — КСИА, 1976, № 146.
- Худяков М. Г. Культ коня в Прикамье. — ИГАИМК, 1933, вып. 100.
- Чебышева В. М. Раскопки курганов Смоленской губернии Дорогобужского уезда летом 1879 года. — ИОЛЕАЭ, 1886, т. 49, вып. 1.
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. — МИА, 1957, № 58.
- Черницын Н. А. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. — СА, 1966, № 4.
- Чижикова Л. Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища. — В кн.: *Русские (историко-этнографический атлас)*. М., 1970.
- Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. (Очерки по истории народных верований). М., 1967.
- Шмидгельм М. Х. Городище Рыуге в Юго-Восточной Эстонии. — В кн.: *Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии*. М., 1959. (Тр. Прибалт. объедин. комплекс. эксп.; т. 1).
- Шмидт Е. А. Курганы XI—XIII вв. у дер. Харлапова в Смоленском Поднепровье. — МИСО, 1957, вып. 2.
- Шноре Э. Асотское городище. — Матер. и исслед. по археол. ЛатвССР, Рига, 1961, т. 2.
- Штыхов Г. В. Раскопки в Логойске в 1968 г. — В кн.: *Тез. докл. к конф. по археол. Белоруссии*. Минск, 1969.
- Штыхов Г. В. Исследования в Витебской и Минской областях. — АО 1970 года, М., 1971.
- Штыхов Г. В. Раскопки в Северной Белоруссии. — АО 1971 года, М., 1972.
- Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань, 1887.
- Antoniewicz J. Zawieszka w kształcie stylizowanego zwerzećcia z Drohezyna nad Bugiem, pow. Siemiatucze. — *Wiadomości Archeol.*, Warszawa, 1957, t. 24, z. 4.
- Arne T. I. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.
- Arne T. I. Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935.
- Aspelin I. R. Etudes archéologiques sur le Nord Finno-Ougrien. — In: *Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques à Stockholm*. Stockholm, 1876.
- Aspelin I. R. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1876—1878, cah. 2—4.
- Bähr J. K. Die Gräber der Liven. Dresden, 1850.
- Datga J. Izrakumi Salaspils Lipšu Kapulaukā. — In: *Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1973. gadā pētījumu rezultātiem*. Rīga, 1974.
- Geikel A. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors, 1899.
- Heikel A. O. Tuukkalan löytö. — SMYA, 1889, N 10.
- Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga. Riga, 1896.
- Kivikoski E. Die Eisenzeit im Aurflussgebiet. — SMYA, 1939, N 43.
- Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
- Kruse F. Necrolivonika. Dorpat, 1842.
- Latviešu vēsture. Rīga, 1938, N 1.
- Latvijas PSR arheoloģija. Rīga, 1974.
- Moora H. A. Muistsete linnuste uurimise tulemustest Eesti NSV-s — In: *Muistsed asulad ja linnused*. Arheoloogiline kogumik I. Tallinn, 1955.
- Paloniemi M. Ristiretkiajan hautalöytö Teuvalta. — SM, 1960, N 67.
- Salonen H. Gräberfunde aus dem Ladogagebiet. — ESA, 1929, N 4.
- Sarvas P. Ristiretkiajan ajoituskysymyksiä. — SM, 1971.
- Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta. — SMYA, 1893, N 13.
- Selirand J. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.—13. sajand). Tallinn, 1974.
- Serning I. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. Uppsala, 1956.
- Snore E. Kaņa kapi Mērdzenes pag. Dzērvju ciemā. — Senatne un Māksla, Rīga, 1936, t. 2.
- Tallgren A. M. Fornaker från Olonets på Historiska Museet i Helsingfors. — Finskt Museum, Helsinki, 1916, N 23.
- Tallgren A. M. Collection Zaoussaïlov au musée national de Finland à Helsingfors. Helsingfors, 1918, t. 2.
- Tallgren A. M. Die russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands. — ESA, 1928a, N 3.
- Tallgren A. M. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord. — ESA, 1928b, N 3.
- Tallgren A. M. Biarmia. — ESA, 1931, N 4.
- Tallgren A. M. Varia. — ESA, 1938a, N 12.
- Tallgren A. M. The Prehistory of Ingria. — ESA, 1938b, N 12.
- Tönnisson E. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. jh.—anfang 13. jhs.). Tallinn, 1974.
- Tyszkiewicz K. H. O kurhanach na Litwie i Rusi Zachodniej. Berlin, 1868a.
- Tyszkiewicz K. H. XVI Tablic o kurhanach na Litwie i Rusi Zachodniej. Berlin, 1868b.
- Zariņa A. Dažu Mārtiņsalas kapsētas kapu senlietu kompleksi ar stilizētu dzīvnieku figūru piekariņiem. — *Arheol. un etnogr.*, Rīga, 1974, N 11.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- АЛОИА, ф. 1, д. 1863/3. Об археологических разысканиях во Владимирской губернии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1871/12. О высылке на рассмотрение Археологической комиссии древностей, хранящихся в Вологодской семинарии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1885/62. О древностях, приобретенных от дворянина Сафонова.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1889/42. О раскопках Авенариуса в Минской, Гродненской и Ломжинской губерниях.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1891/50. О раскопках преподавателя Новозыбковского реального училища П. М. Еременко в северной части Черниговской губернии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1892/69. О раскопках В. З. Завитневича в Бобруйском уезде Минской губернии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1894/74. О раскопках студента Н. Рериха в Изварской казенной даче Царскосельского лесничества.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1894/103. О раскопках П. М. Еременко в Суражском и Глуховском уездах Черниговской губернии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1895/220. О передаче в Новгородский музей древностей, присланных в Комиссию г. Павиным.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1899/50. Дело ИАК по ходатайству В. Н. Глазова о разрешении ему производства раскопок в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1900/92. О раскопках Л. Н. Целени в Новгородском и Лужском уездах.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1902/75. О раскопках С. А. Гатцука в Мглинском уезде Черниговской губернии, в Старицком, Зубцовском, Осташковском уездах Тверской губернии и в Московском уезде и губернии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1902/96а. Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1902/96б. Перечневая опись предметам древностей, доставленным С. А. Гатцуком из раскопок, произведенных в Старицком, Зубцовском, Осташковском уездах Тверской губернии и Московской губернии у д. Черкизово.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1903/93. Дневник раскопок, произведенных в 1903 г. князем Андреем Ширинским-Шихматовым.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1904/91. О раскопках Русского археологического общества в некоторых уездах Московской, Смоленской и Тульской губерний.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1905/51. О раскопках Петербургского археологического института в Новгородском и Лужском уездах.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1906/30. О раскопках Ю. Г. Гендуне в Корчевском уезде Тверской губернии и Лохвицком уезде Калужской губернии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1906/65. О раскопках В. Н. Глазова в Вологодской губернии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1908/32. О раскопках К. Д. Трофимова в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1909/31. О раскопках Московского археологического института в Гдовском и Лужском уездах С.-Петербургской губернии и в Керчи.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1909/80. Об исследованиях А. М. Тальгрена в Архангельской губернии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1909/89. Отчет о раскопках Московского археологического института.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1909/128. О исследовании К. Д. Трофимовым курганов в д. Средние Озерцы Гдовского уезда С.-Петербургской губернии.
- АЛОИА, ф. 1, д. 1911/79. О раскопках В. Н. Глазова в Устюжском уезде Вологодской губернии.
- АЛОИА, ф. 2, д. 1924/166. Переписка и отчет Ф. Я. Селезнева о раскопках в Муромском уезде Владимирской губернии.
- АЛОИА, ф. 2, д. 1924/168. Отчет о раскопках Н. А. Черницына и Е. И. Праведникова в Тотемском уезде Вологодской губернии.
- АЛОИА, ф. 2, д. 1925/119. Раскопки Н. И. Савина в Дорогобужском уезде Смоленской губернии.
- АЛОИА, ф. 2, д. 1925/190. О раскопках Н. А. Черницына в Тотемском уезде Вологодской области. Отчет за 1925 г. (Н. А. Черницын. Из доисторического прошлого Кокшениги).
- АЛОИА, ф. 2, д. 1926/112. Об археологических раскопках и разведках К. Я. Виноградова в Воскресенском, Можайском и Волоколамском уездах Московской губернии.
- АЛОИА, ф. 2, д. 1926/146. Раскопки М. Смирнова в Переславль-Залесском уезде.
- АЛОИА, ф. 2, д. 1928/122. Раскопки С. А. Теплоухова в Северо-Западной области.
- АЛОИА, ф. 2, д. 1928/134. Отчет В. И. Равдоникаса о раскопках в 1928 г. курганов в Юго-Восточном Приладжье (по течению рек Паши, Капши, Ояти, Тихвинки и Сяси).
- АЛОИА, ф. 2, д. 1928/223. П. Н. Третьяков. Материалы к работе «Костромские курганы».
- АЛОИА, ф. 2, д. 1929/142. Раскопки Н. А. Черницына в пределах Тотемского уезда.
- АЛОИА, ф. 2, д. 1929/156. Раскопки С. Г. Матвеева на городище Идна-Кар (Глазовский уезд Вотской автономной области). Отчеты за 1928 и 1929 гг.
- АЛОИА, ф. 2, д. 1931/743. Учетный каталог археологических памятников Ленинградской области, Псковский округ.
- АЛОИА, ф. 2, д. 1934/342. Отчет о раскопках курганов близ с. Челмужи.
- АЛОИА, ф. 5, д. 374. Фонд А. А. Спицына. Западные финны.
- АЛОИА, ф. 5, д. 381. Фонд А. А. Спицына. Ростов, Ярославль, Владимир, Кострома.
- АЛОИА, ф. 5, д. 386. Фонд А. А. Спицына. Петербургская губерния.
- АЛОИА, ф. 5, д. 387. Фонд А. А. Спицына. Кривичи.
- АЛОИА, ф. 8, д. 1853/2. Дневник археологических разысканий во Владимирской губернии в 1853 г. П. С. Савельева.
- АЛОИА, ф. 8, д. 1854/4. Дневник археологических разысканий во Владимирской губернии в 1854 г. и опись древностям, найденным в Ростовском уезде Ярославской губернии. Раскопки П. С. Савельева.
- АЛОИА, ф. 35, д. 1938/34. Отчет А. Ф. Дубынина об археологических исследованиях в Ивановской области в 1938 г.
- АЛОИА, ф. 35, д. 1939/39. Отчет Н. П. Милонова об археологической разведке на территории г. Торопца Калининской области осенью 1939 г.

- АЛОИА, ф. 35, д. 1940/9. Отчет А. В. Арциховского о раскопках в Звенигородском районе Московской области.
- АЛОИА, ф. 35, д. 1940/23. Отчет А. Ф. Дубынина об археологической экспедиции Ивановского пед. ин-та в Селивановском и Тейковском районах Ивановской области в 1940 г.
- АЛОИА, ф. 35, д. 1940/23а. Прил. к отчету А. Ф. Дубынина. Альбом в двух частях.
- АЛОИА, ф. 46, д. 64. В. И. Смирнов. Материалы к истории изучения Костромского края.
- АИА, Р-1, д. 1947/135. А. Ф. Дубынин. Отчет об археологических исследованиях Малышевского могильника в 1947 г.
- АИА, Р-1, д. 1947/147. Прил. к отчету об археологических исследованиях Малышевского могильника в 1947 г.
- АИА, Р-1, д. 1947/154. А. М. Линецкий. Отчет об исследовании курганов X—XI вв. на р. Ояти Ленинградской области в 1947 г.
- АИА, Р-1, д. 1948/258. А. М. Линецкий. Отчет о раскопках курганов XI в. на р. Ояти Ленинградской области в 1948 г.
- АИА, Р-1, д. 1949/337. А. Ф. Дубынин. Отчет по археологической экспедиции Ивановского гос. пед. ин-та в 1949 г. Альбом.
- АИА, Р-1, д. 1949/338. А. Ф. Дубынин. Отчет по археологической экспедиции Ивановского гос. пед. ин-та в 1949 г.
- АИА, Р-1, д. 1949/400. А. М. Линецкий. Отчет о раскопках курганов XI в. на р. Ояти в Ленинградской области в 1949 г.
- АИА, Р-1, д. 1960/2198. Отчет о раскопках Г. П. Гроздилова в Печорском районе Псковской области.
- АИА, Р-1, д. 1963/4585. Отчет о раскопках И. П. Крупейченко в 1963 г.
- АИА, Р-1, д. 1966/3385. Отчет Верхневолжской экспедиции о результатах археологических работ в Ивановской, Ярославской и Калининской областях.
- АИА, Р-1, д. 1966/3385а. Альбом к отчету Верхневолжской экспедиции за 1966 г.
- АИА, Р-1, д. 1971/4560. Г. А. Арцихов. Отчет I Марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1971 г.
- АИА, Р-1, д. 1972/4742. С. И. Кочкуркина. Отчет о работе Приозерской археологической экспедиции за 1972 г.
- АИА, Р-1, д. 1972/4742а. Альбом к отчету о работе Приозерской археологической экспедиции за 1972 г.
- АИА, Р-1, д. 1972/4851. И. Г. Портнягин. Отчет о работах Борисовского отряда Верхневолжской экспедиции в 1972 г.
- АИА, Р-1, д. 1973/5193. Н. Н. Мошенина. Отчет об археологических раскопках могильника Сунгирь в г. Владимире в 1972—1973 гг.
- АИА, Р-2, д. 1918. Т. А. Хлебникова. Основные произведения волжских болгар периода X—начала XIII в. Канд. дис. Казань, 1963.
- ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 192. Фонд А. С. Уварова. Опись вещей из раскопок курганов.
- ГИМ, ОПИ, ф. 17, д. 194. Фонд А. С. Уварова. Дневник археологических раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева в Суздальском уезде в 1852 г.

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ, ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ В КАТАЛОГЕ НАХОДОК

- Аксеново 46, 236, 242 *
 Акулин Бор 360
 Алеховщина 530
 Андреевское и Избржжл 369
 Антоновка 204
- Бабаево 746—747
 Батецкий р-н Ленинградской обл.
 (ныне Новгородской обл.) 683—685
 Бегуницы 651
 Безрядова, пустошь 200
 Белогуровская 107, 156
 Белоозеро 130, 174, 180—181, 568
 Бенцы и Барузда 311
 Березовка 165
 Беседа 76, 649
 Беседы 365
 Большая Брембола 166, 398, 421—422
 Большое Андрейково 143, 599—600
 Большой Двор 836
 Борисово-Судское 540—541
 Бывш. Борисовский уезд Минской губ.
 339—340
 Борисовское 374
 Борисовское (Белый городок) 837
 Боровиково 144, 831
 Бородино 333
 Боршево 81—83, 548
 Бочарово 111, 361, 645
 Браслав 338
 Будино 237, 268
 Булавино 807
- Ваймуши 120, 759
 Валданица 23, 251—252
 Васильевское (бывш. Костромская губ.)
 197—198, 217, 588—591
 Васильевское (бывш. Тверская губ.)
 368, 781
 Вахрущево 32—35
 Великий Устюг 573
 Вельск, окрестности 133—136, 189—190,
 576
 Верхне-Троицкое 844—845
 Верхоляны 388
 Вески 403
 Весь 452—453
 Веськово 419
 Видлицы 228, 240
 Вирков 346—348
 Витебск 336
 Вишенки 350
 Владимир 113
- Бывш. Владимирская губ. 383—384,
 797, I—XXVII
 Влазовичи 352, 820—828
 Влечиха (Сидельница) 201
 Воздвиженье 378
 Вознесенский посад 433—434
 Войлово 354
 Волково 92
 Бывш. Вологодская губ. 132
 Воляница 789
 Вопша 261, 282, 660—661
 Воронега, р. 39—40
 Воскресенское (Васпльевское городи-
 ще) 137, 175, 182, 191—193, 543—544,
 577—582, 809
 Вырица 1—5, 224, 525
- Гайгово 25—28, 509—514
 Галично 42, 256, 519, 534
 Ганьково 299—300
 Гиттола 257
 Глинники 371, 386
 Говеново (Максимовка) 612—613
 Гоменки 145—149
 Горка (Никольское) 526—528
 Горки (бывш. Московская губ.) 216
 Горки (Карелия) 258
 Городина (Чувиль) 620—624
 Городище (бывш. Владимирская губ.)
 412—415
 Городище (бывш. Вологодская губ.)
 750
 Городище (Юго-Восточное Приладожье)
 498—499
 Городищи (бывш. Костромская губ.)
 138
 Гочево 353
 Гридино 601
 Грозивица 334—335
 Гусева Гора 283
- Давыдовское 459—461
 Даймище 663—664
 Добрый Бор 786
 Дренево 597
 Дрогичин 96
 Дубровна 87, 109, 307—308, 554
- Елкотово 55, 62—63, 266, 545, 592, 761—
 763
 Елохово 51
 Есиплево 635, 815
 Ефремково 740—741
- Жела 787—788
 Жилые Горы 366
- Забредняжье 97—99, 274, 399
 Заколпье 203
 Залахтовье 75, 263
 Залогино 604—606
 Залющик 36—37
 Заозерье 169—170
 Заполье 100—101
 Заячьережье 57
 Звонцкое 805
 Зимнево 634
 Зиновьяна 615
 Зубарево 47, 194, 241, 406
 Зуево 633
- Иворова (Кувалдина) 154, 209
 Ильино 43, 167, 302
 Иорданиха, пустошь 151, 765
 Исаково 381—382
 Исаково и Усадище 227, 254
- Кабанское 423—432
 Калитино 659
 Калихновщина 284, 385, 395, 674—676
 Калчуга 790
 Каменка 306
 Карлуха, см. также Хвалевщина 7—
 17, 225, 243—247, 483—487
 Карпиловцы 341
 Кветунь 819
 Кекомьяки 679
 Кестрин 454—455
 Кидомля, пустошь 162, 214, 219
 Кириллино 834
 Кирьянова 50
 Кисловская 150, 625
 Киучер 420
 Клопицы 394
 Кобожа 387
 Кожухова (Гореловка) 71, 155
 Кокорино 229—231
 Колчино 356, 818
 Конищева 616—617, 771
 Корниловка 481—482
 Коробово (Могильцы) 524
 Бывш. Костромская губ. 158, 772—773
 Котино 392, 658
 Коханы 110, 357, 848
 Кочергина (земля В. И. Королева)
 550, 632

* Цифры после названия — номер, которым помечен предмет в каталоге и на карте.

Кочергина (Стрелка) 402
Кошелиха 619, 764
Крапивна 677
Краскова 638
Красная Заря 520
Кремлевская 842—843
Крестцы 376, 748
Кривец 70, 102, 104, 639—642
Криушкина 380
Крючково 297
Кубаево 437
Кубань, р. 523, 551
Кубасова, пустошь 208, 271, 555—556,
626—628, 766, 816
Кудринская 752
Кузнецовка 160
Кузнецы и Чалых 503
Куликово 593—594
Кургино 529, 808
Куричок 672—673
Кургинский овраг 631
Кустеря 409
Кяргино (Гарняки) 739
Кяргино (Круглицы) 238, 269

Лаянлахти 559, 680
Левашиха (Сухарева) 119, 552, 846
Лезга 736—737
Ленинградская обл. 745
Летошцы 654
Лешкова 178
Логойск 343
Лужский полигон 557
Лукомль 337
Любаново 272

Малая Каменка 669—671
Малый Удрай 49, 73, 78—80, 172, 287
Малышево 466—476
Мальцева 152, 611
Мануйлова 647—648
Марьино 753
Медведева 810—811
Мергино 20, 495
Мизиново 332
Милеть 215
Минск 344
Митино и Зворыкино 129, 186, 377,
521, 567
Могилевская 784—785
Мозолево 185
Мужищево 774—779
Муром 477
Мутаюля 650
Мутышино 330—331
Мякинина 794—795
Мятлева (Мокрые Пожны) 213, 390

Низовская 72, 118, 610
Никольское городище 840—841
Никольщина 531
Никулино (Могильцы) 553, 847
Никульское 603
Никульцева 768—769
Новая 38
Новгород 44—45, 48, 58, 85—86, 121,
183, 279, 290—291, 501, 686—735, 817
Новгородовская 757—758
Новинка 74, 125—126, 276, 504—505
Новленская 465
Новлянское 636, 770
Бывш. Новоржевский уезд Псковской
губ. 309
Новоселки 320
Новосельск 533
Ново-Сиверская 262, 662
Нюбиничи 24, 253, 493—494

Обабкова 61, 630
Овино 60

Ожогово 655
Озертицы 832
Околок 833
Ольгин Крест 665—667
Оредеж 288
Орехово 301
Орешек 682
Осановец 456—458
Осипова Пустынь 416—418
Осминка 223, 738
Осовик 802—803
Остенец 312
Оять, р. 496, 515

Палашкино 791
Паново 362
Паша, р. 565, 743
Пежовицы 66
Пекуново 408
Пеньки (Алабуга) 54, 549, 629
Пески 131
Петрушина 199, 618
Пещериха, пустошь 614
Пировы городища (летописный Яро-
полч-Залесский) 103, 108, 116, 211—
212
Пирогово 404
Погорелка 602
Погорелово 584, 760
Погост 607—609
Погостище 56, 69, 187—188, 569, 830
Подберезье 67
Подболотня 478—480
Подмоклово 364
Подольское 94, 595—596
Подосье 678
Подъелье 168
Покров 796
Полицы 286
Поповка 106, 278
Посады 407
Проневская 754—755, 838—839
Псков 88—89
Пьянково 105, 139—140, 205—207

Рабитицы 657
Ратмино 367
Ригачево 298
Роговицы 653
Ростовское 749
Рочевщина 516, 561
Руболдино 142, 270
Рубожежье озеро 801
Рядань 835

Савиновщина 285, 668
Саки 316—318
Бывш. С.-Петербургская губ. 281, 536—
539
Саньково 127
Сарское городище 410—411
Селище 342
Сельцо (Псковская обл.) 280
Сельцо (бывш. Смоленская губ.) 314
Семеново 583
Семухино 95, 117, 159, 202, 210, 435—
436, 547
Бывш. Серафимо-Знаменский скит 221
Серенск 358
Систа 259
Слобода 319
Смялич 351, 401
Сорогожа 171, 375, 389
Спасское 756
Стан 173, 522
Старая Ладога 6, 123, 179, 275, 292
Старая Руза 264
Старая Рязань 799—800
Старица 782—783
Старовская Пустынь 570—572, 751
Старое Борисово 804

Старо-Сиверская 77, 806
Старый Изборск 304—305
Сторожева 64, 153, 546, 814
Студенец (Могильцы) 157, 637
Суздаль 114—115
Сукромля 359
Сумино 393
Сунгирь 462—464
Сущева 122
Сязнега 226, 497, 517

Тамирово 643
Таровицы 656
Татарина 141, 176
Тверь 370
Терешино 177, 195—196, 585—587
Терпилицы 65, 260, 391
Тиверск 681
Тимонино 598, 812—813
Бывш. Тихвинский уезд Новгородской
губ. 41, 128, 184, 239, 255, 397, 405,
535, 566, 744
Торопец 91
Бывш. Торопецкий уезд Псковской губ.
310
Трашквичи 356
Тресковицы 652
Трухонов 328—329
Тумовка 829
Турьгино 379

Угрюмово 315
Успенское 792—793
Устиж 349
Ущевицы 273

Федово 372—373
Федоровская 112
Федоскино 93

Харлапово 321—327
Хвалевщина, см. также Карлуха 18—
19, 248
Ховинсаари 558
Хрепле 84, 289, 400

Челмужи 232—235, 303, 500
Чернобыль 163—164, 218, 646
Чухново 222

Шангеничи-лес 21, 68, 90, 293, 488—
492, 506
Шангеничи-село 22, 249, 294—295, 396,
507—508
Шахново 518, 562—564
Шейка 277
Шелебово 438—443
Шеляиха (Северцы) 267, 767
Ширьево 542
Шокшово 444—451
Шухлиха 574—575

Щипняк 742
Щуковщина 29—31, 59, 296, 532

Эсьмоны 345

Юго-Восточное Приладожье 502
Юрьевы Горы 313
Бывш. Юхновский уезд Смоленской
губ. 363

Ягодино 220, 780
Яровщина 124, 250, 560

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИА	— Архив Института археологии АН СССР. М.	КУАК	— Костромская ученая архивная комиссия.
АЛОИА	— Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Л.	ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
АО	— Археологические открытия. М.	МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России. М.
АС	— Археологический съезд.	НАЭ	— Новгородская археологическая экспедиция. М.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.	НМФ	— Национальный музей Финляндии. Хельсинки.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.	МАР	— Материалы по археологии России. СПб.
ВИ	— Вопросы истории. М.	МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР. Л.
ВУАК	— Владимирская ученая архивная комиссия.	МГУ	— Московский государственный университет. М.
ГИМ	— Государственный Исторический музей. М.	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
ГМИЛ	— Государственный музей истории Ленинграда. Л.	МИЛ	— Музей истории ЛатвССР. Рига.
ГЭ, ОИПК	— Государственный Эрмитаж, Отдел истории первобытной культуры.	МИСО	— Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск.
Древности	— Труды Московского археологического общества. М.	ОАК	— Отчет Археологической комиссии. СПб.—Пг.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.	ОПИ	— Отдел письменных источников.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества. СПб.	ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ. М., Л.
ЗРГО	— Записки Русского географического общества. СПб.	ПСРЛ	— Полный свод русских летописей. СПб.—Л.
ИА	— Институт археологии АН СССР.	РИМ	— Российский Исторический музей. М.
ИАК	— Известия Археологической комиссии. СПб.	СА	— Советская археология. М.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры. М., Л.	САИ	— Свод археологических источников. М., Л.
ИИЛ	— Институт истории ЛатвССР. Рига.	СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
ИОАИЭКУ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.	СЭ	— Советская этнография. М.
ИОЛЕАЭ	— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.	ТГИМ	— Труды Государственного Исторического музея. М.
ИИЭ	— Институт истории ЭССР. Таллин.	ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР. М.
КИМ	— Киевский Исторический музей. Киев.	ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.	ЕСА	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М., Л.	SM	— Suomen Museo. Helsinki.
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.	SMYA	— Suomen Muinaismuisto-Yhdistyksen Aika-kauskirja. Helsinki.

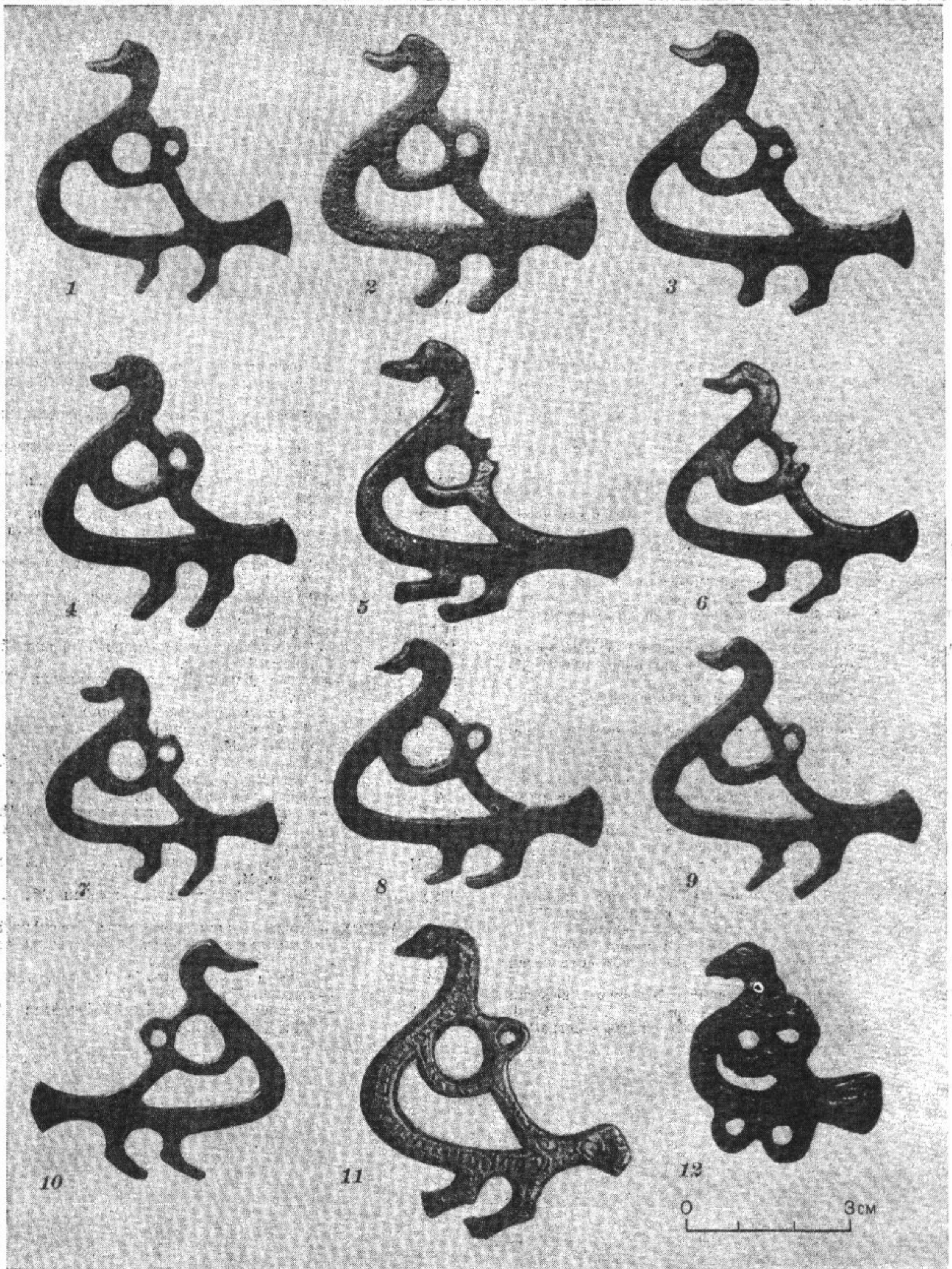

Таблица I. Подвески I группы.

Тип I: 1-4 — Карлуха (12-15; цифры в скобках здесь и далее — номера подвесок по каталогу); 5, 6 — Вырица (1, 2); 7-10 — Карлуха (7-10); 11 — Щуковщина (30); 12 — Малый Удрей (73).

Таблица II. Подвески I группы.

Т и п I: 1 — Малый Удрай (49); 2 — Пеньки (54); 3 — место находки неизвестно (52); 4 — Кирьянова (50); 5 — Обабкова (61); 6 — Ел-
 когово (63); 7 — Сторожева (64); 8 — Кожухова (71); 9 — Пежовицы (66); 10 — Низовская (72). Т и п III: 11, 12 — Малый
 Удрай (78, 79); 13—15 — Боршево (81—83).

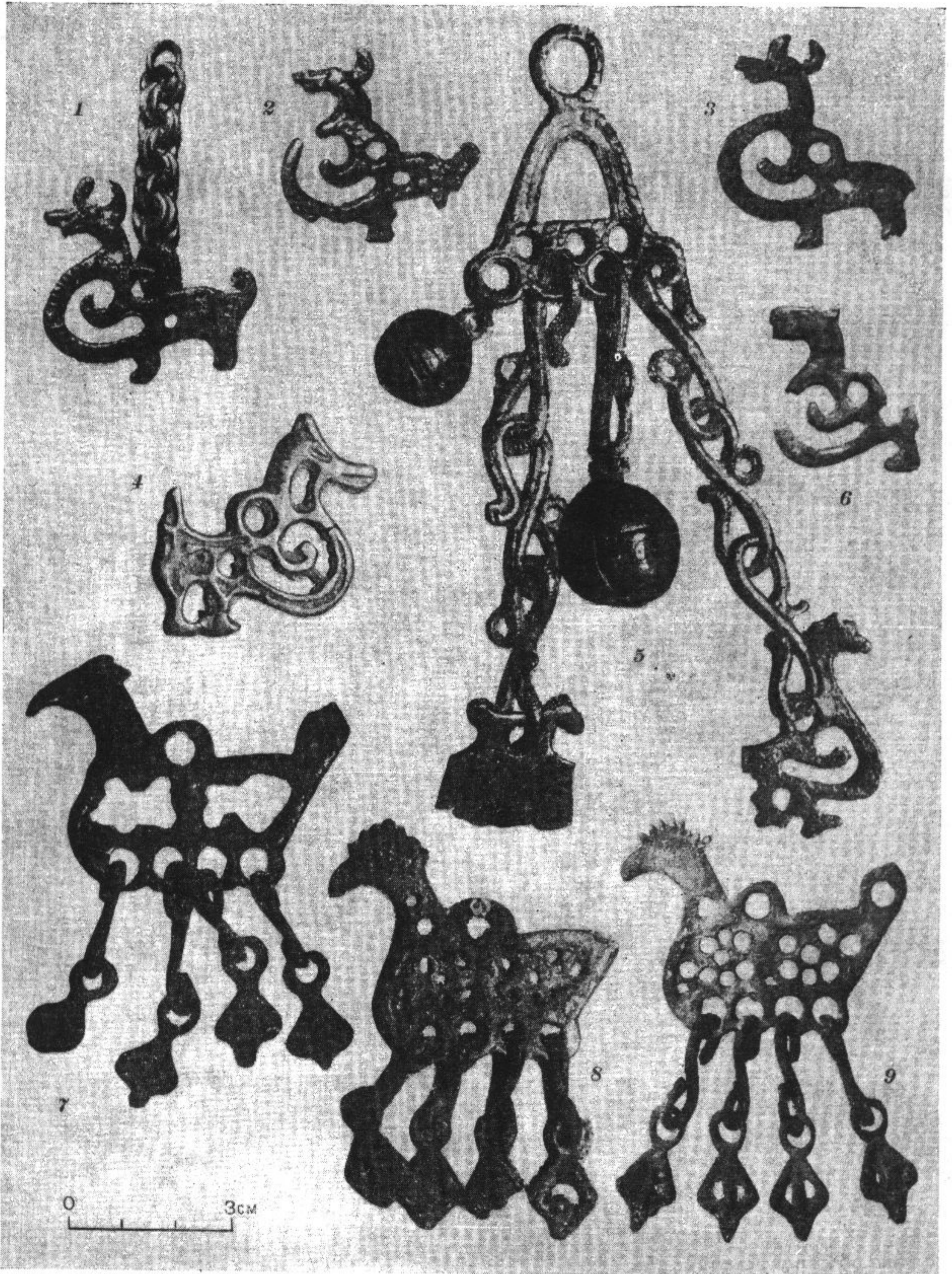

Таблица III. Подвески I группы.

Тип III: 1 — Беседа (76); 2 — Малый Удрай (80); 3, 6 — Дубровна (87, 109); 4 — Пьянково (105); 5 — Бочарово (111). Тип IV: 7 — Левашиха (119); 8 — Федоровская (112); 9 — место находки неизвестно.

Таблица IV. Подвески I группы.

Т и п II: 1 — Залахтовье (75). Т и п III: 2 — Кривец (102); 3 — Заполье (100); 4 — Дубровна (109); 5 — Белогуровская (107); 6 — Коханы (110). Т и п IV: 7 — Низовская (118); 8, 10 — Суздаль (114, 115); 9 — Владимир (113). Несерийная: 11 — Ильино (167).

Таблица V. Подвески I группы.

Тип V: 1 — Сущева (122); 2 — Старая Ладога (123); 3 — Саньково (127); 4 — бывш. Тихвинский уезд (128); 5 — Большое Андрейково (143); 6 — Иордания (151); 7 — Иворова (154); 8 — Кисловская (150); 9 — Белогуровская (156); 10 — Студенец (157).

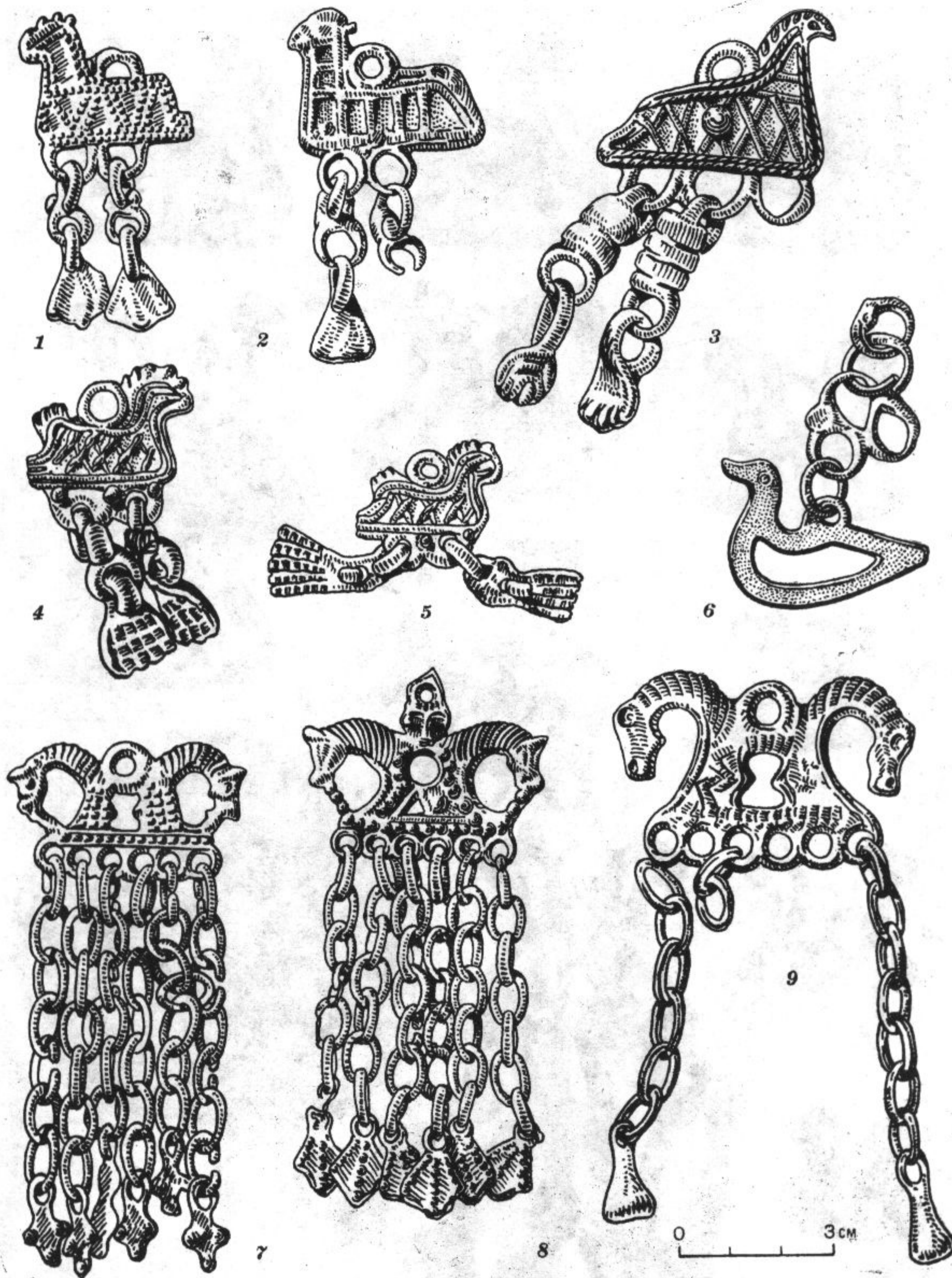

Таблица VI. Подвески I и II групп.

Группа I, тип V: 1 — Мальцева (152); 2 — бывш. Костромская губ. (158); 3—5 — Гоменки (145—147). Несерийная: 6 — Большая Брембола (166). Группа II, тип VI: 7, 8 — Заозерье (169, 170); 9 — Подъелье (168).

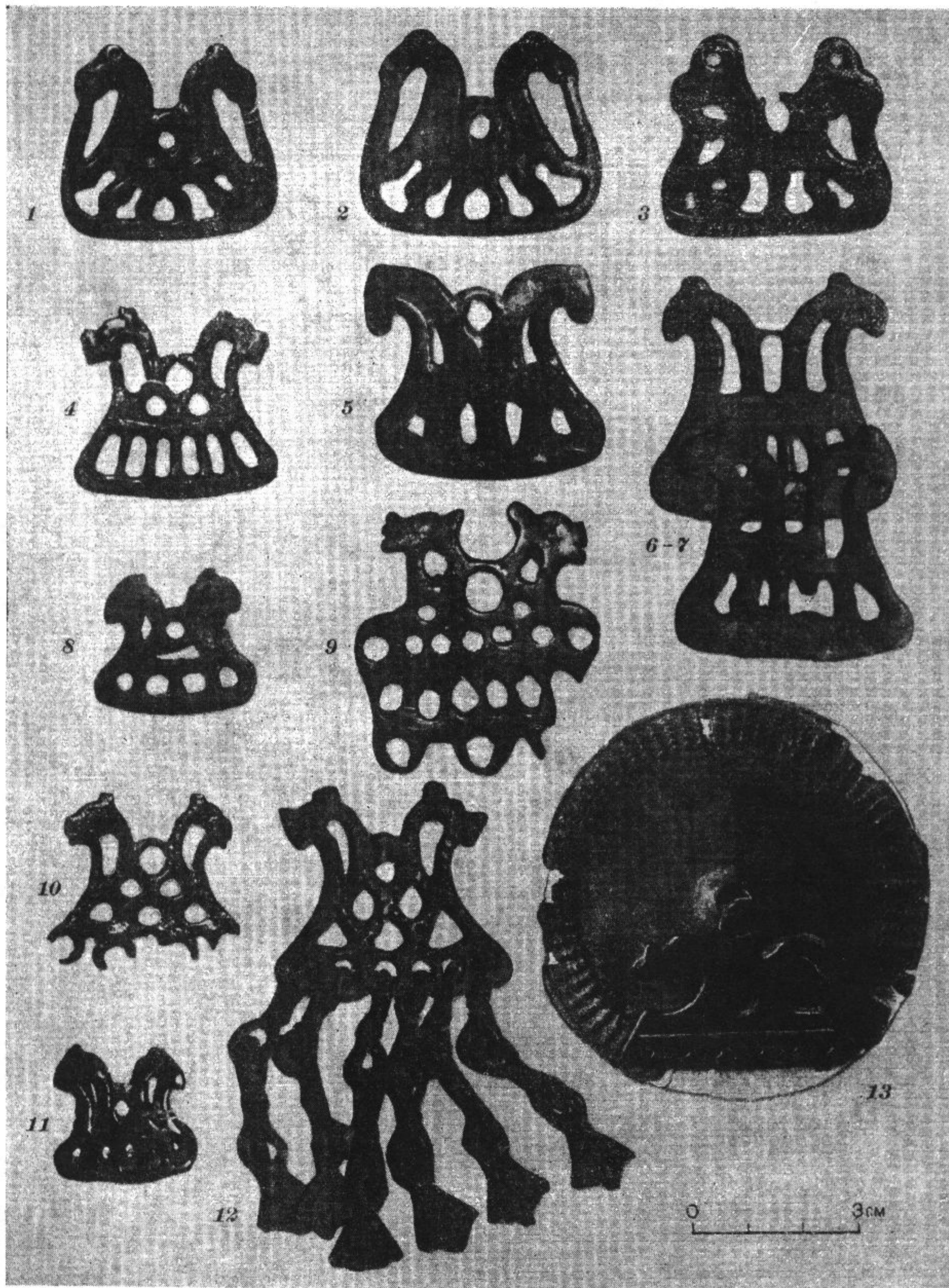

Таблица VII. Подвески II группы.

Т и п VII: 1 — Стан (173); 2 — Татарнинова (176); 3 — Малый Удрай (172); 4 — Безрядова (200); 5 — Терешино (196); 6, 7 — Васильевское (197, 198); 8 — бывш. Тихвинский уезд (184); 11 — Петрушина (199); 13 — Антоновка (204). Т и п VIIA: 9 — Иворова (209); 10 — Кубасова (208); 12 — Пьянково (206).

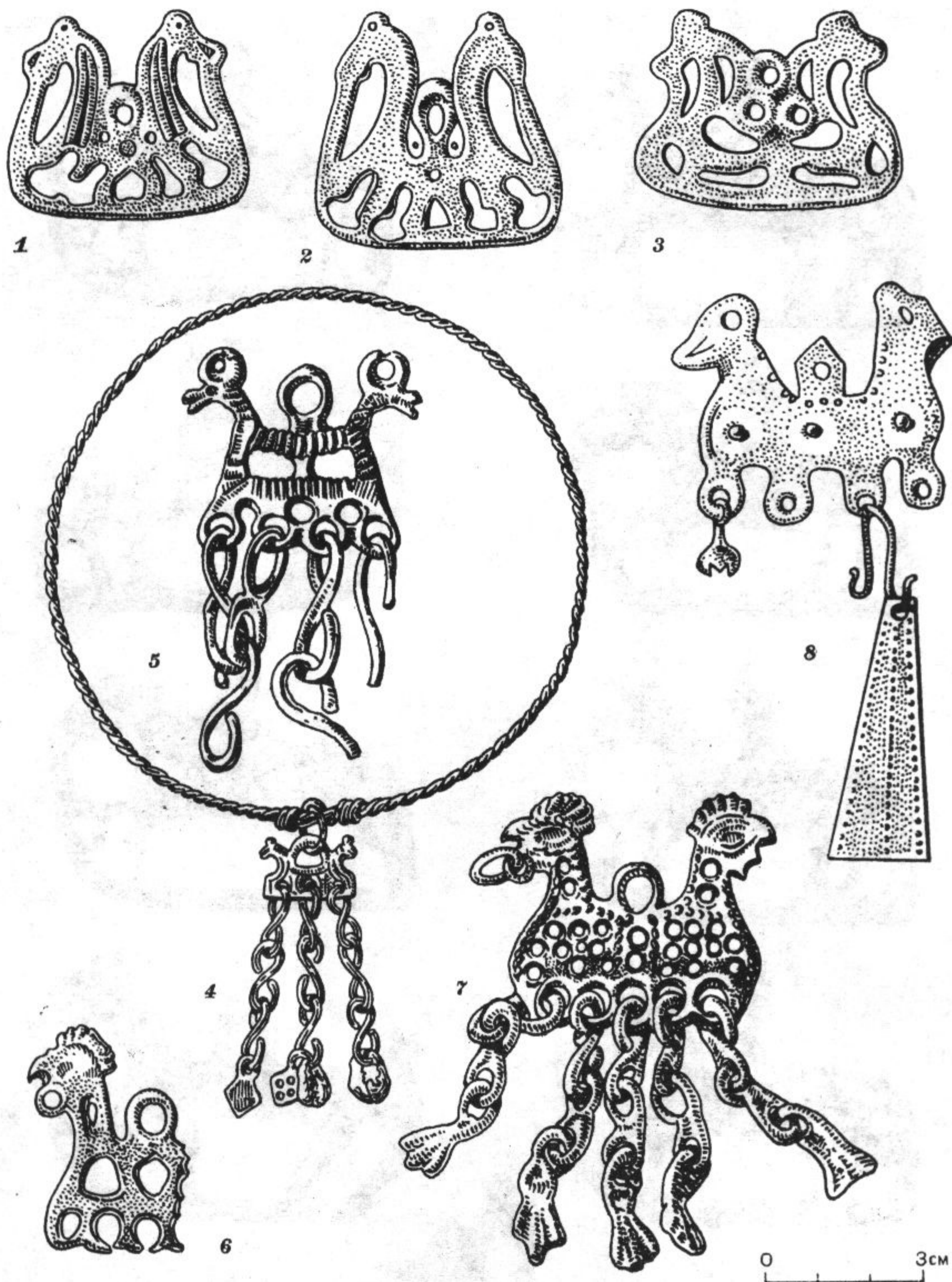

Таблица VIII. Подвески II группы.

Тип VII: 1, 3 — Воскресенское (175, 182); 2 — Терешино (177); 4 — Заколлье (203). Тип VIII: 6 — Кидомля (214); 7 — Васильевское (217). Тип IX: 5 — Ягодино (220). Тип X: 8 — Чухново (222).

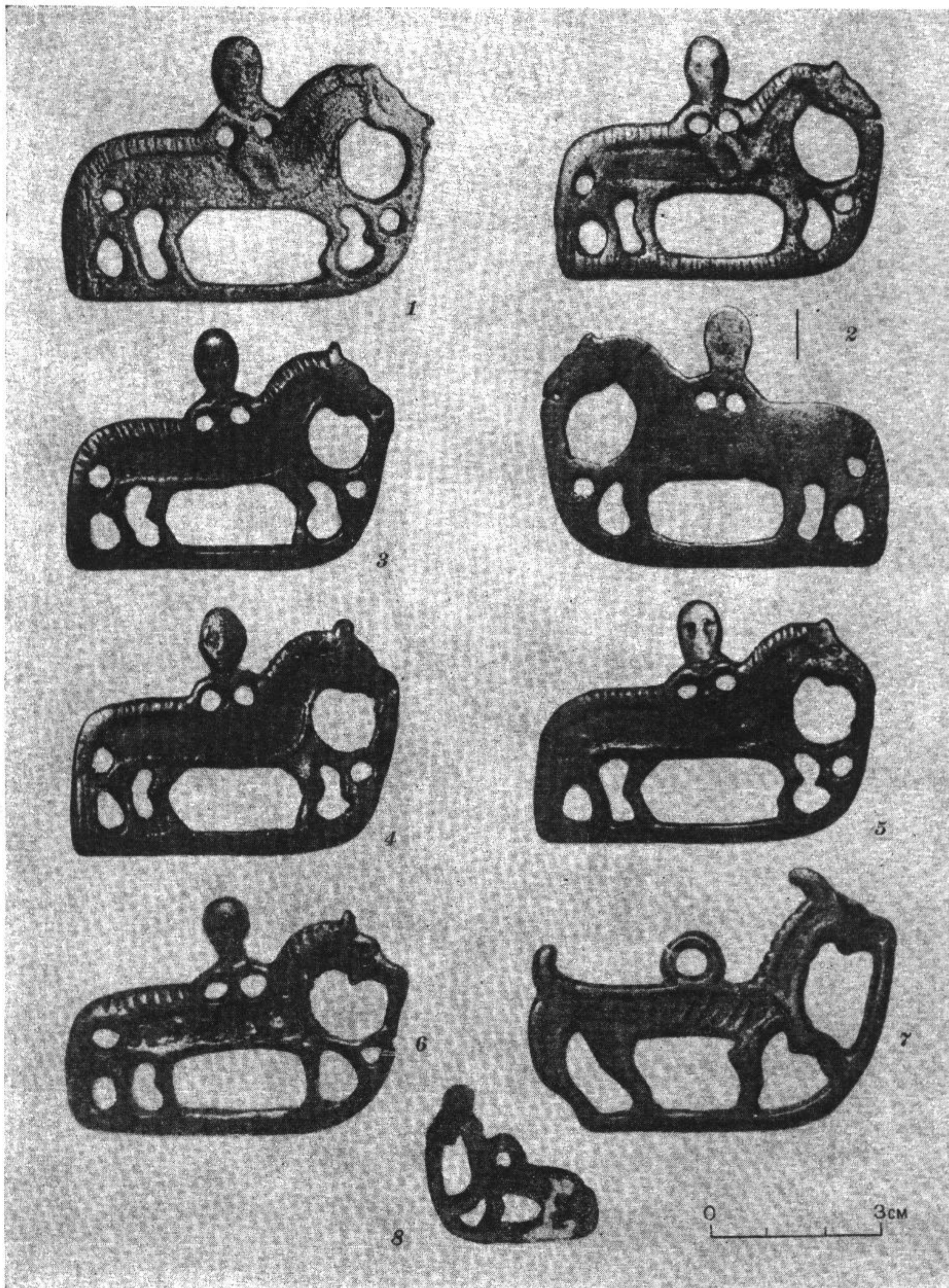

Таблица IX. Подвески III группы.

Тип XI: 1 — Сязнега (226); 2—5 — Челмужи (232—235); 6, 7 — Аксеново (236, 242); 8 — Будино (237).

Таблица X. Подвески III группы.

Т и п XI: 1 — Карлуха (225); 2 — Видлици (240). Т и п XII: 3 — Яровщина (250); 4—7 — Карлуха (243—246); 8 — Гиттола (257).

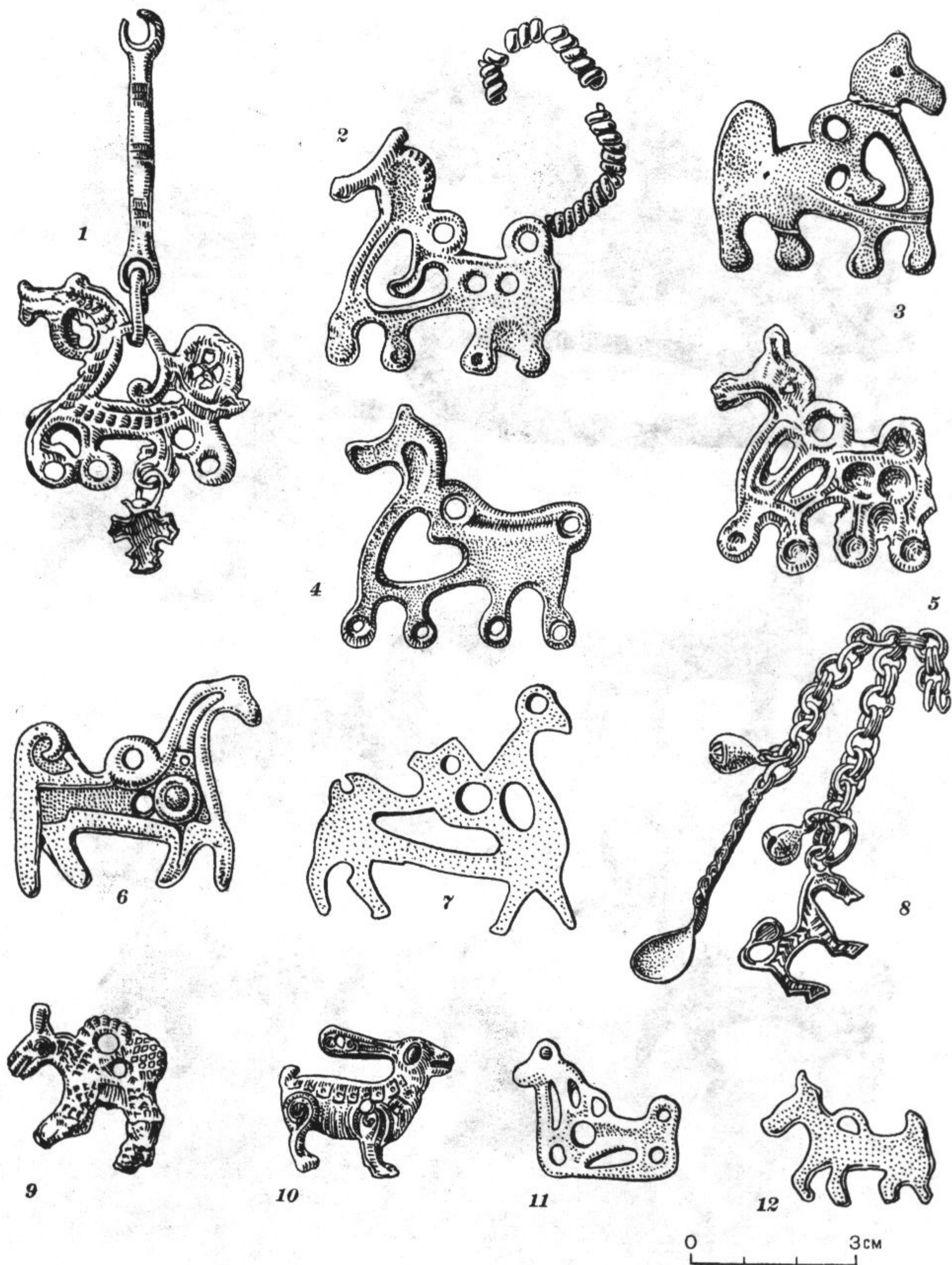

Таблица XI. Подвески III группы.

Т и п XI: 11 — бывш. Тихвинский уезд (239). Т и п XIII: 1 — Терпилицы (260); 2 — Любаново (272); 3 — Руболдино (270); 4 — Кубасова (271); 5 — Забредняжье (274); 6 — Новгород (279); 7 — Сельцо (280). Т и п XIV: 8 — Калихновщина (385); 9 — Терпилицы (391). Несерийные: 10 — Калихновщина (395); 12 — бывш. Тихвинский уезд (397).

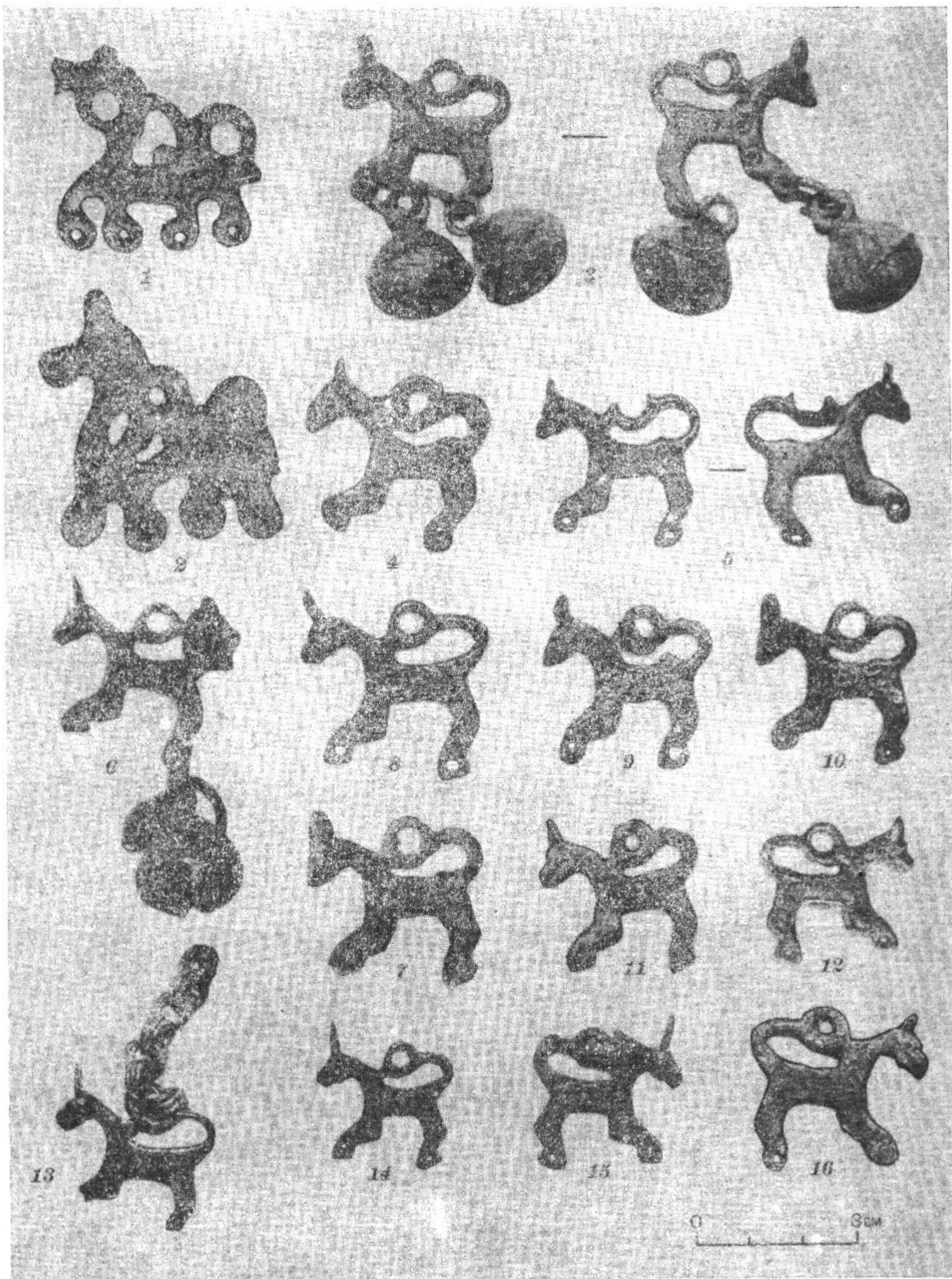

Таблица XII. Подвески III группы.

Тип XIII: 1 — Вопша (261); 2 — Ушевицы (273). Тип XIV: 3 — Савиновщина (285); 4 — Полицы (286); 5 — Малый Удрай (287); 6 — Каменка (306); 7 — Новоселки (320); 8 — Ригачево (298); 9, 10 — Дубровна (307, 308); 11 — Бочарово (361); 12 — Грозивица (334); 13 — Паново (362); 14, 15 — Саки (316, 318); 16 — бывш. Владимирская губ. (383).

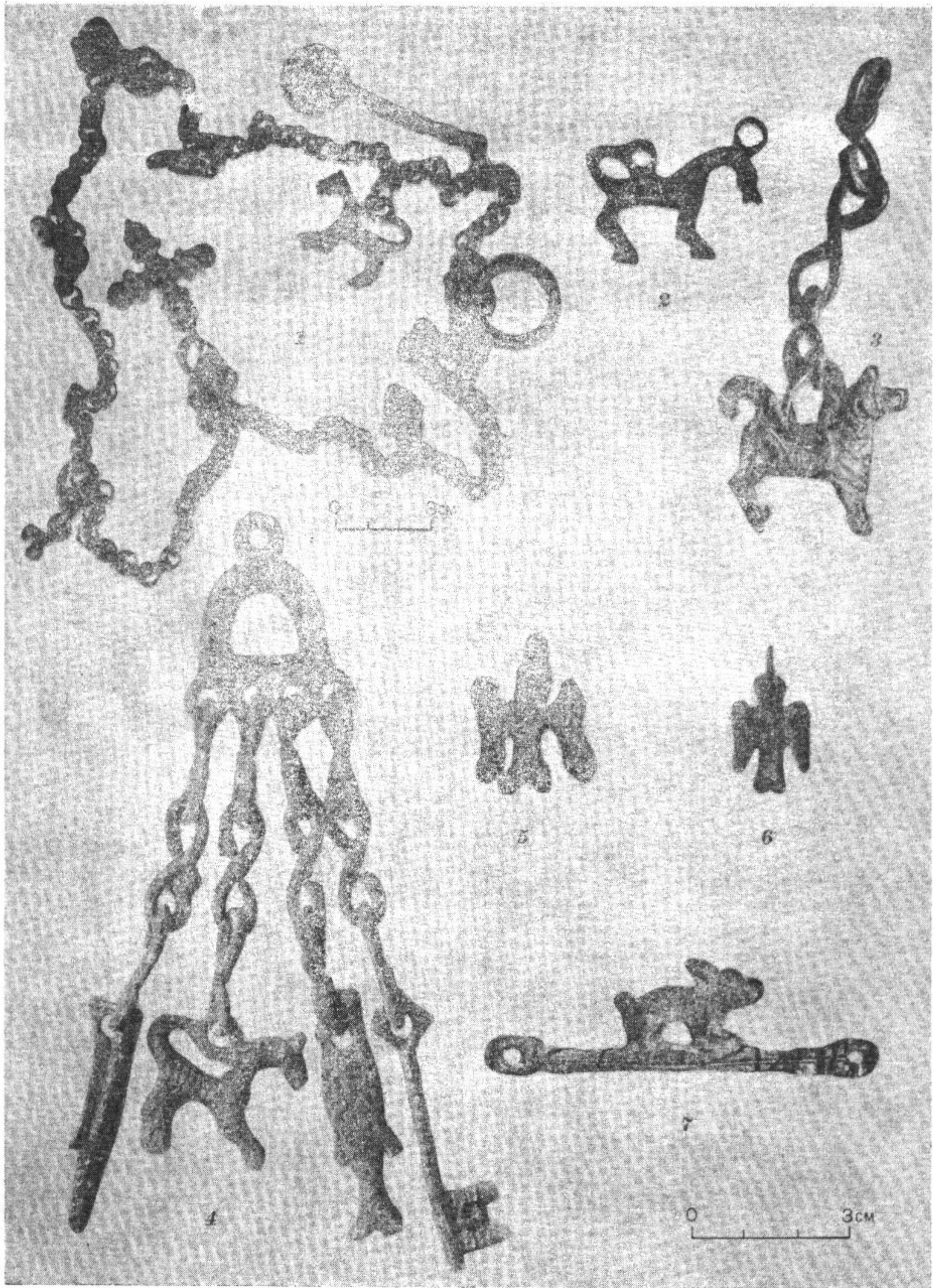

Таблица XIII. Подвески III и IV групп.

Группа III, тип XIV: 1 — Сорогожа (375); 2 — Кобожка (387); 4 — Смялич (351). Несерийные: 3 — Котино (392); 7 — Алеховщина, кург. 1 (Юго-Восточное Приладжье). Группа IV, тип XV: 4 — Смялич (401); тип XVI: 5 — Вески (403); 6 — Кочергина (402).

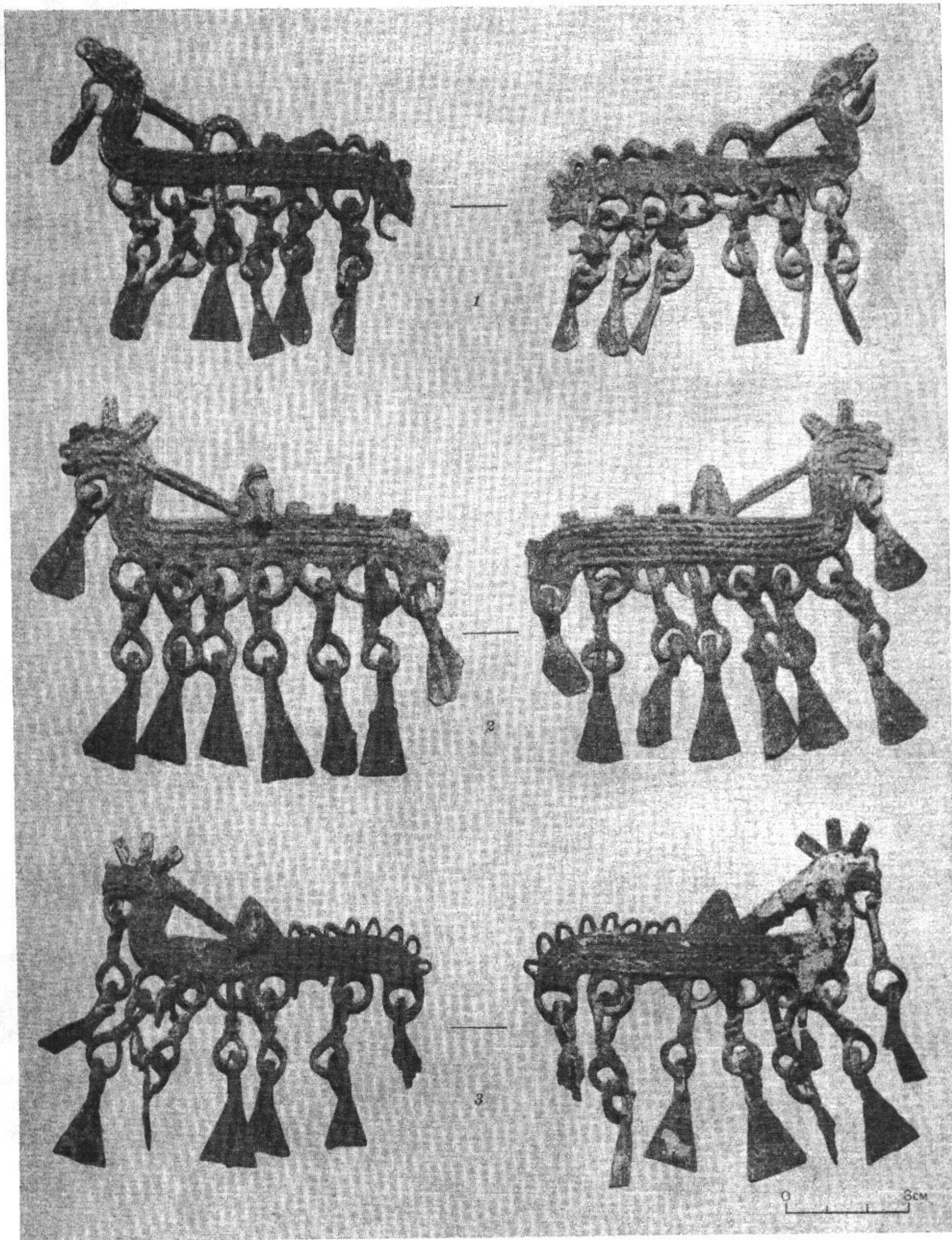

Таблица XIV. Подвески V группы.
 Тип XVII: 1—3 — бывш. Владимирская губ. (III, VI, XI).

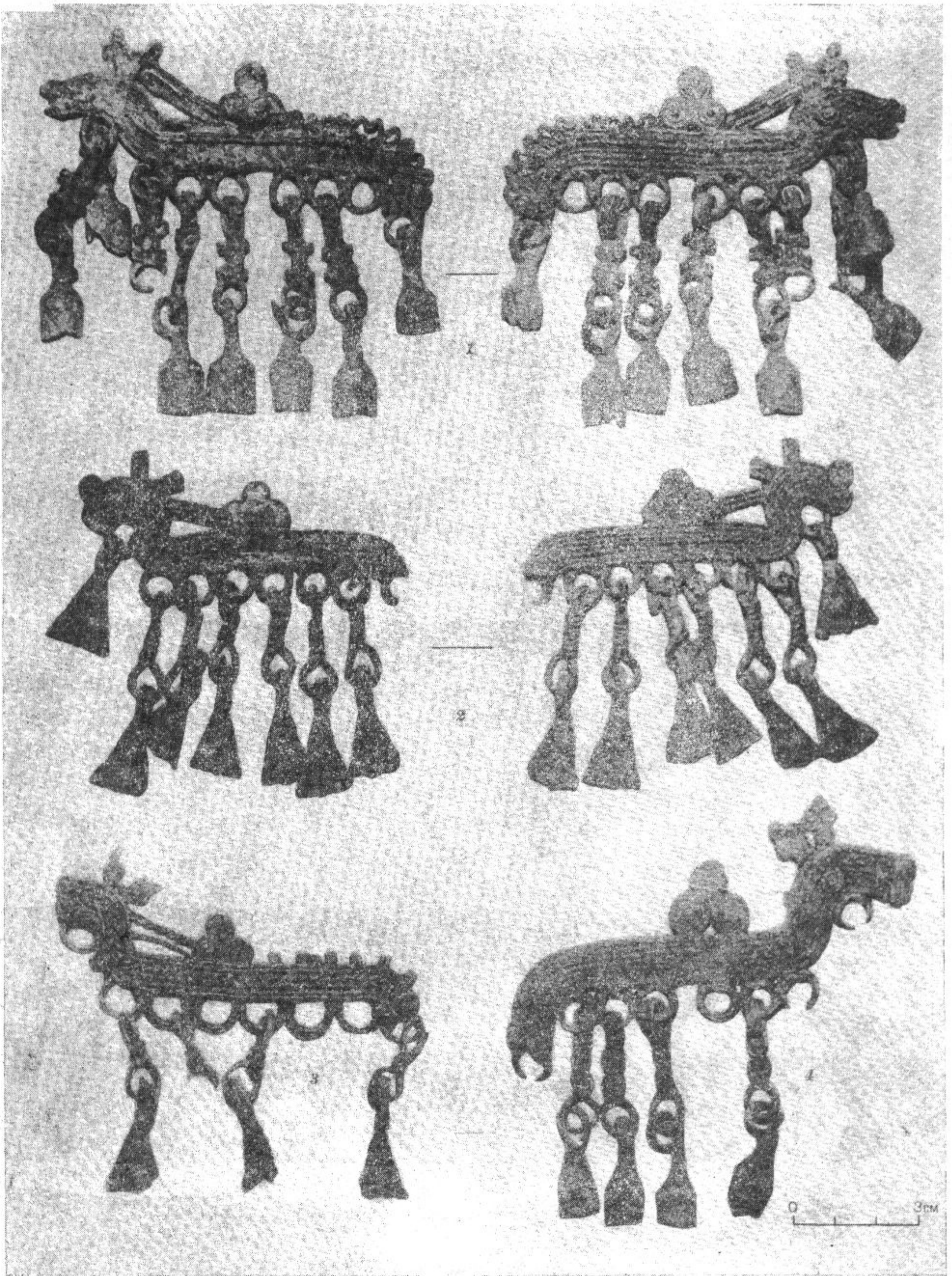

Таблица XV. Подвески V группы.

Тип XVII: 1 — Давыдовское (460); 2, 3 — бывш. Владимирская губ. (IV, V); 4 — Веськово (419).

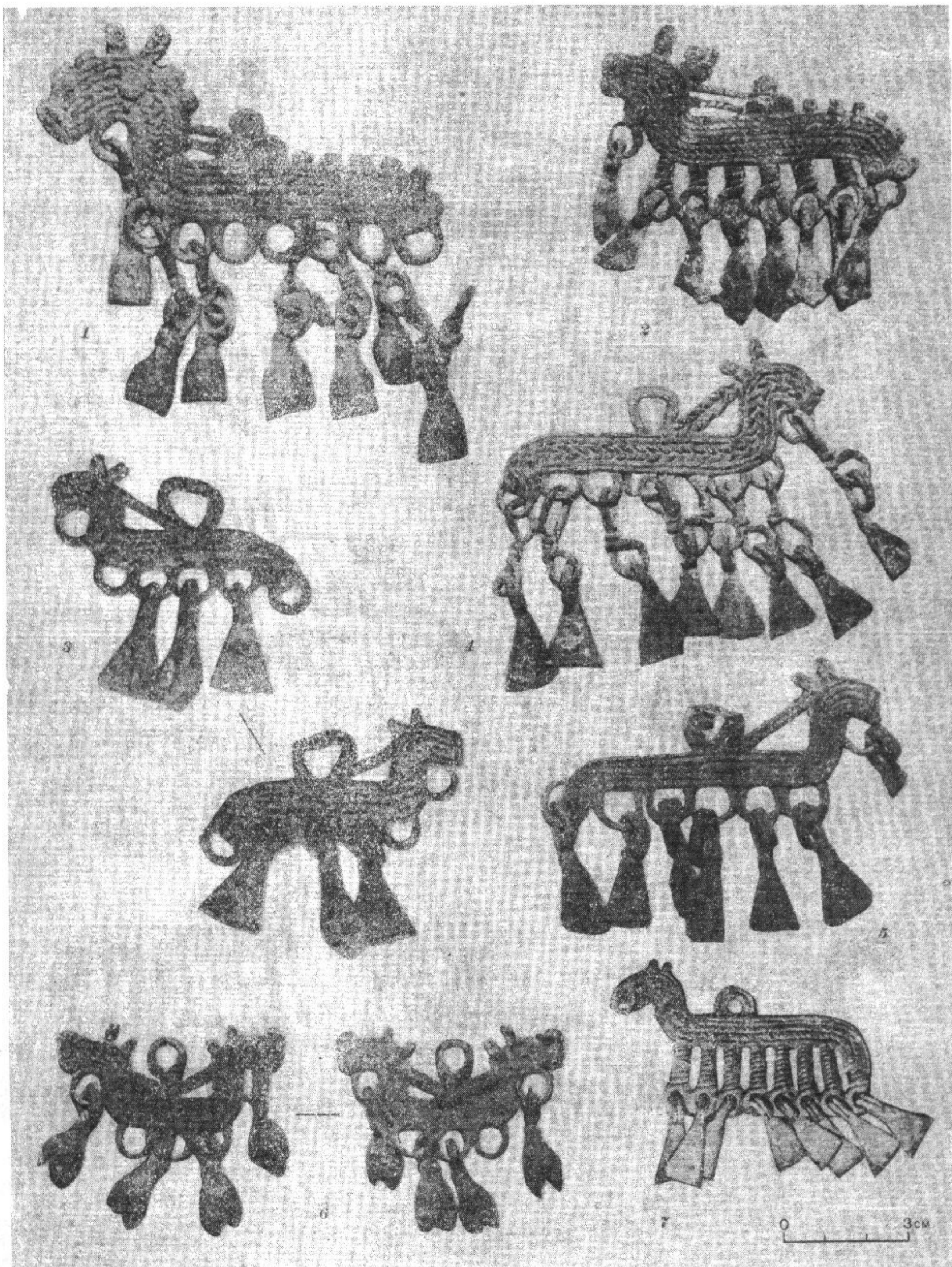

Таблица XVI. Подвески V группы.

Тип XVII: 1, 6 — Давыдовское (459, 461); 2, 3 — Городище (412, 413); 4, 5 — бывш. Владимирская губ. (XII, XIII); 7 — Подболотня (479).

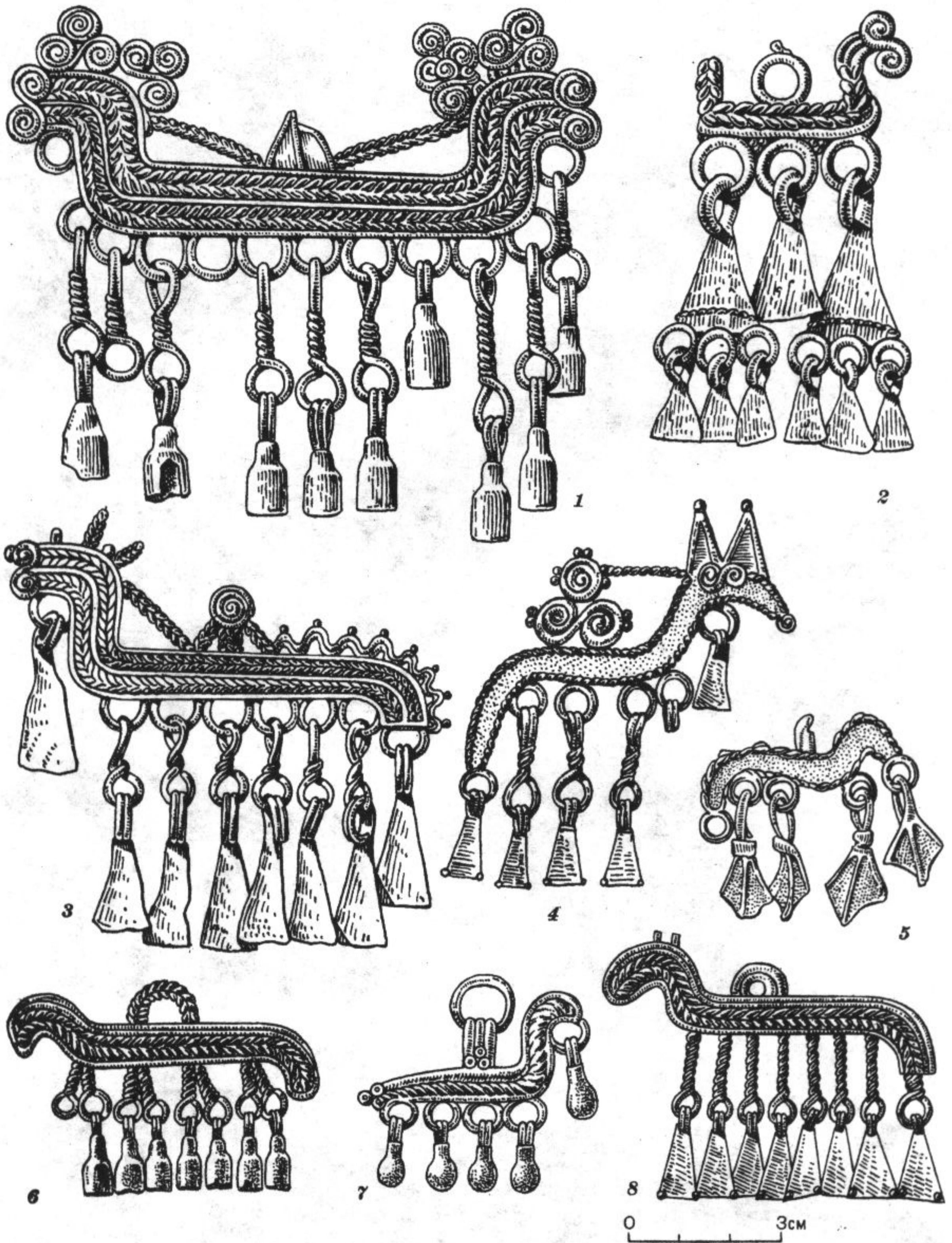

Таблица XVII. Подвески V группы.

Т и п XVII: 1, 3, 6 — бывш. Владимирская губ. (XIV, XXV, XXVI); 2 — Вознесенский посад (433); 4 — Сарское городище (410); 5 — Корниловка (481); 7, 8 — Подболотня (478, 479).

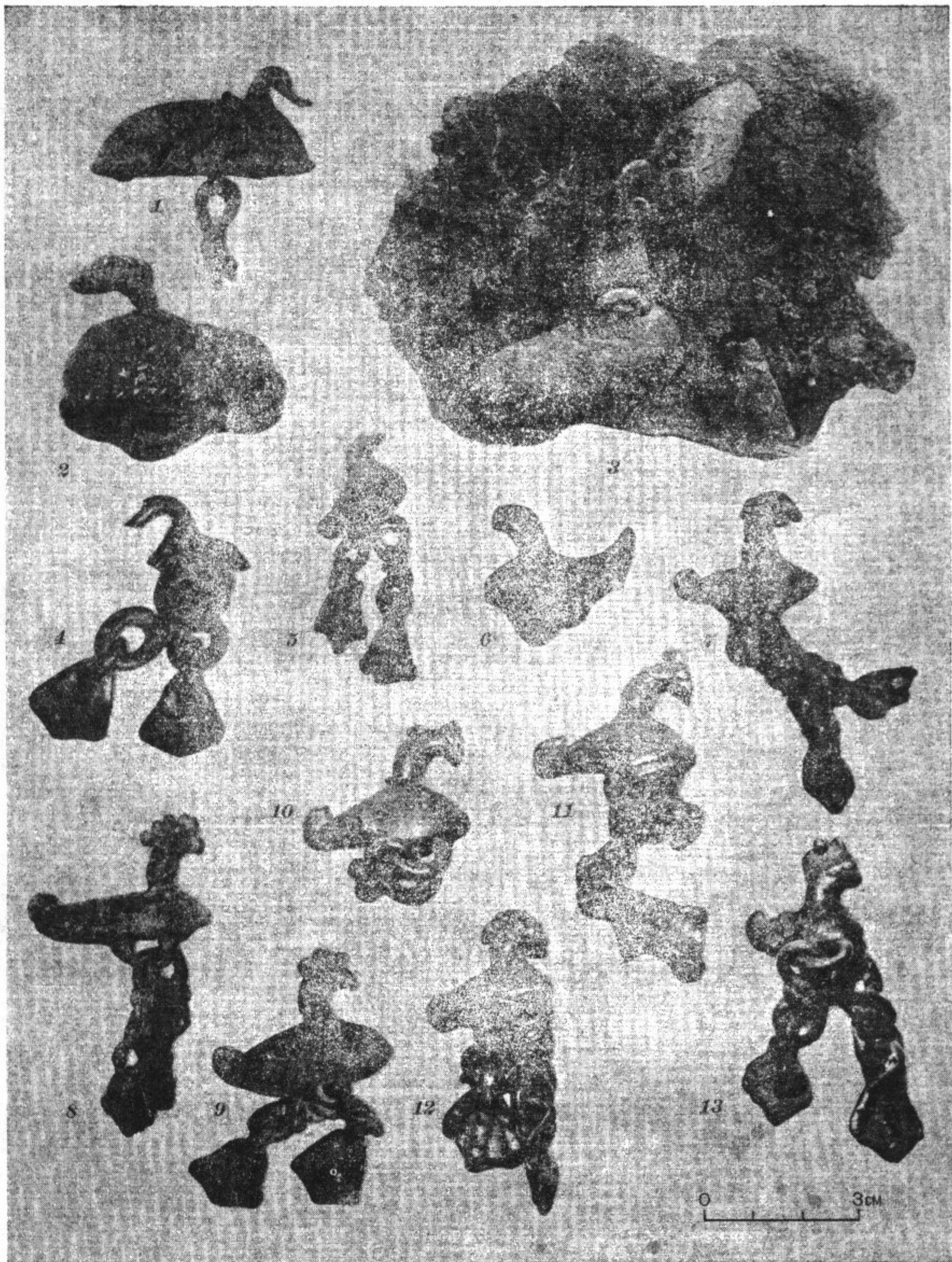

Таблица XVIII. Подвески VI группы.

Тип XVIII: 1, 3 — Карлуха (483—485); 2 — Челмужи (500); 4 — Шахново (518); 5 — Красная Заря (520); 6 — Стан (522); 7 — Алеховщина (530); 8 — Никольщина (531); 9 — Щуковщина (532); 10—13 — бывш. С.-Петербургская губ. (536—539).

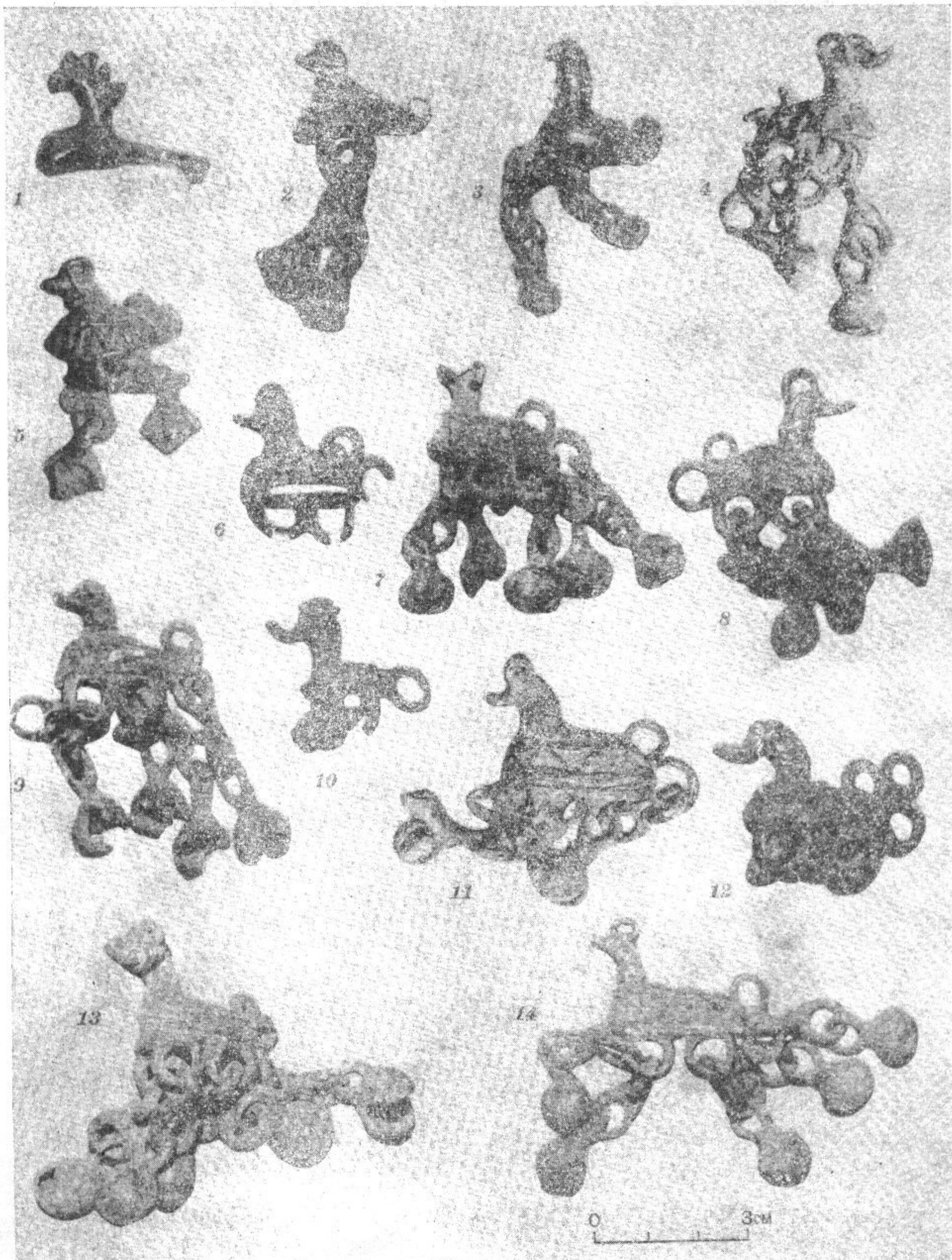

Таблица XIX. Подвески VI группы.

Тип XVIII: 1 — Сторожева (546); 2 — Боршево (548); 3 — Дубровна (554). Тип XIX: 4, 10, 12 — Кривец (639, 640, 642); 5 — Шахново (562); 6 — Пещериха (614); 7 — Студенец (637); 8 — Краскова (638); 9 — Есиплево (635); 11 — Большое Андрейково (600); 13 — Дренево (597); 14 — Грядино (601).

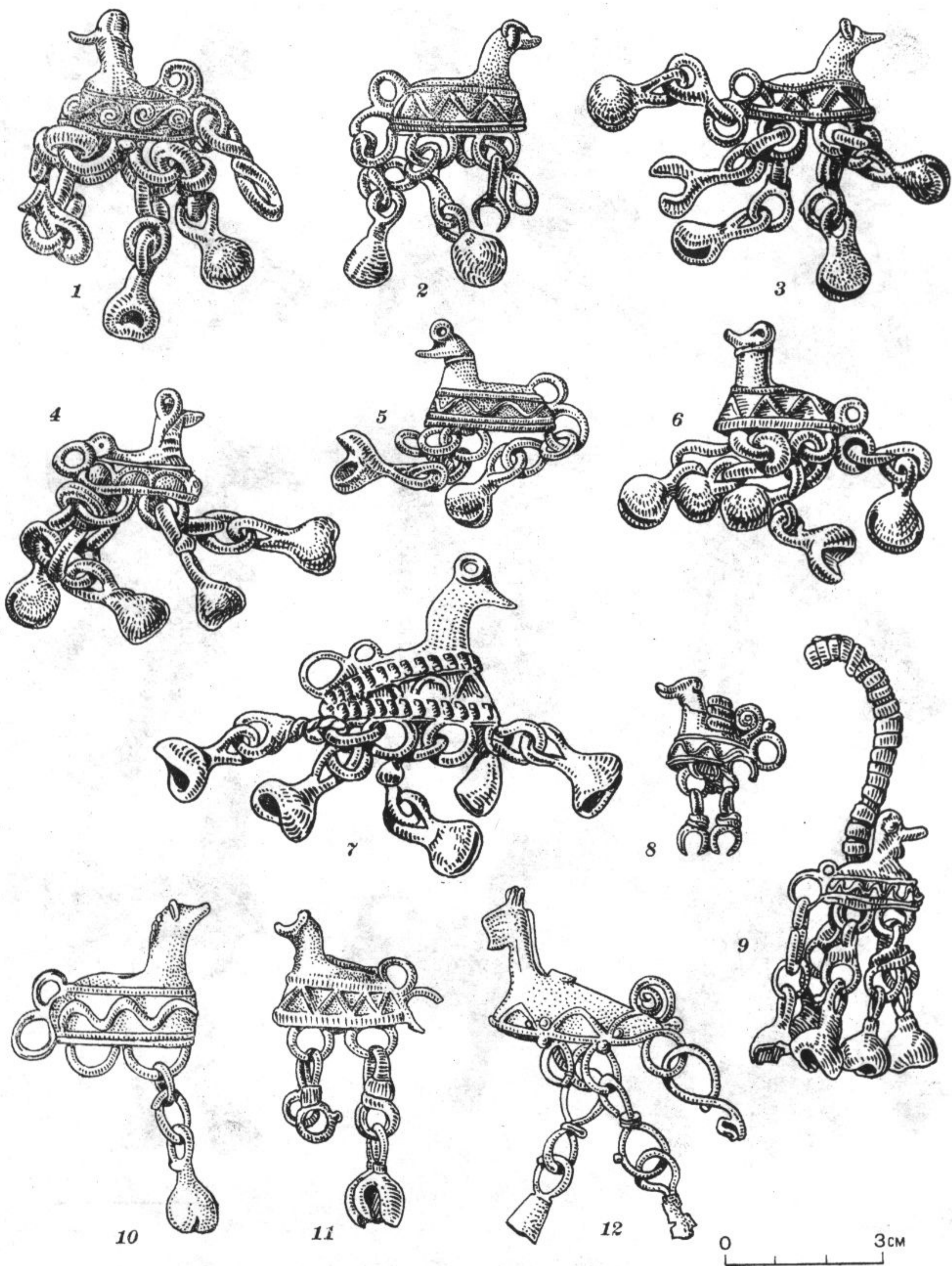

Таблица XX. Подвески VI группы.

Тип XIX: 1 — Кошелиха (619); 2, 5 — Большое Андрейково (599, 600); 3, 6 — Залогино (605, 606); 4 — Тимонино (598); 7 — Васильевское (588); 8 — Кубасова (626); 9 — Низовская (610); 10 — Городина (Чувиль) (620); 11 — Пеньки (629). Тип XX: 12 — Осовик (802).

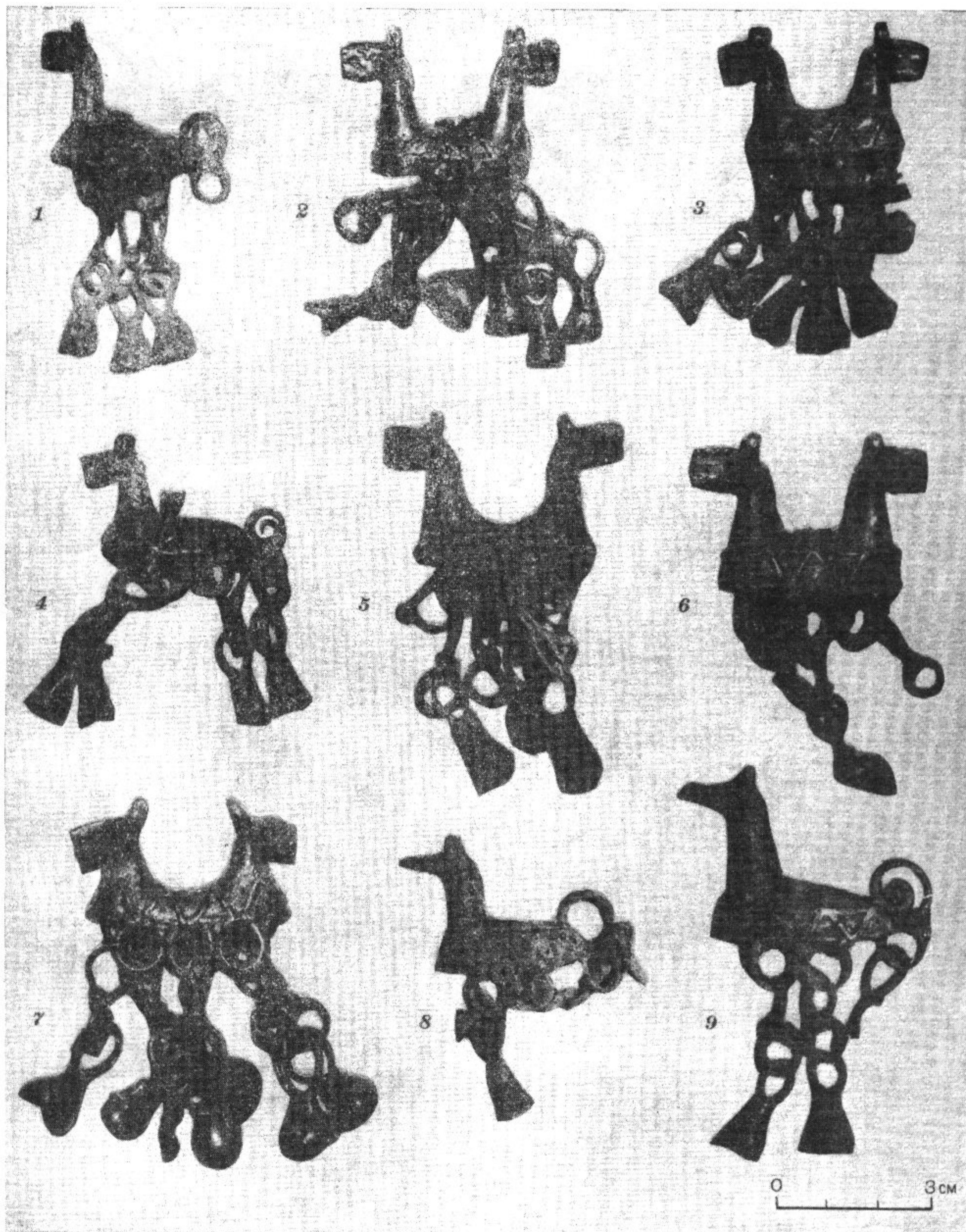

Таблица XXI. Подвески VI группы.

Тип XX: 1 — Куричок (672); 2 — Мутаюля (650); 3, 4, 6 — Малая Каменка (669—671); 5 — Новгород (693); 7 — Савиновщина (668); 8 — Ожогино (655); 9 — Летошицы (654).

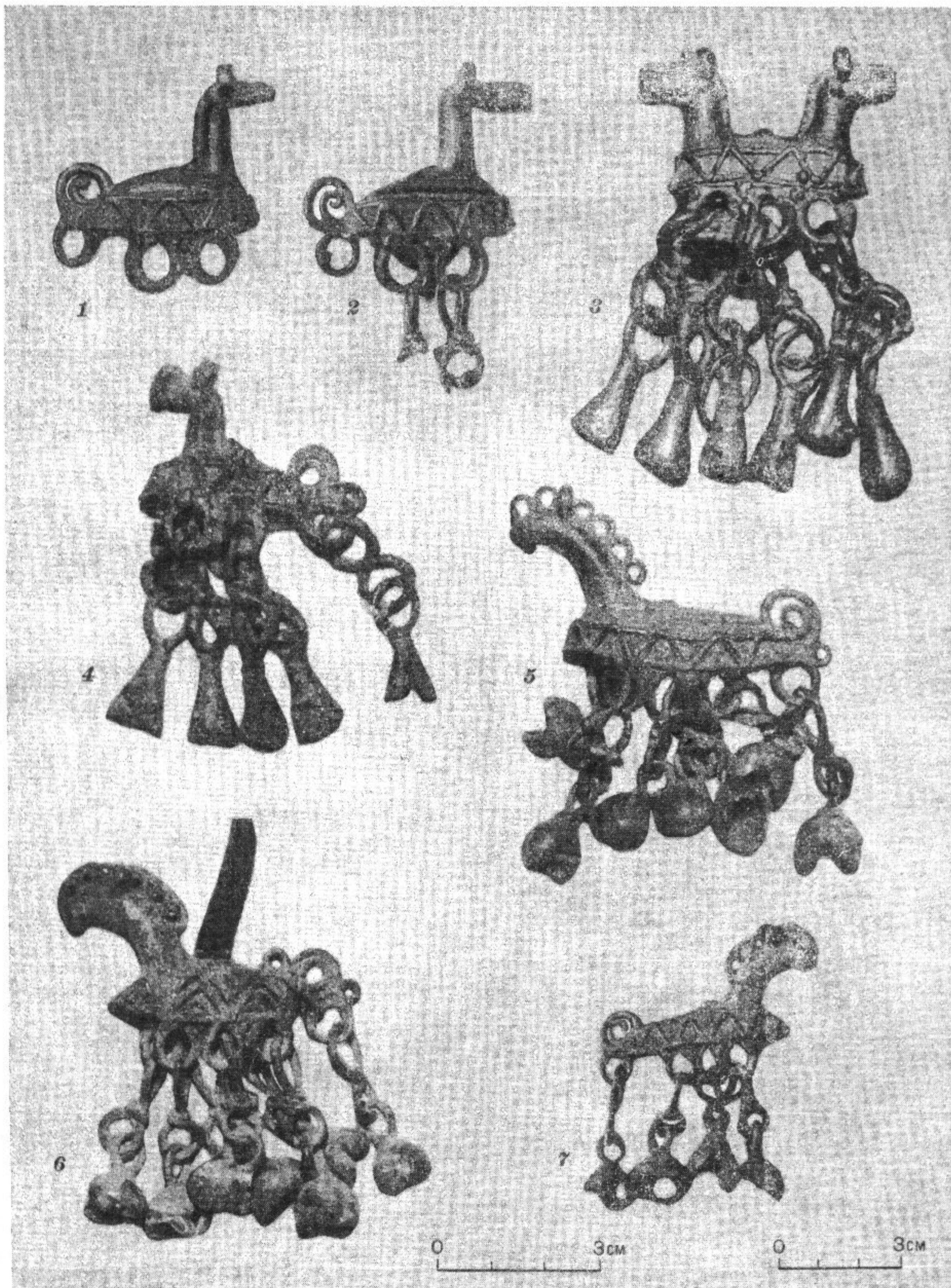

Таблица XXII. Подвески VI группы.

Тип XX: 1 — Болгар; 2 — Таровицы (656); 3 — Мануйлова (647); 4 — Калихновщина (674); 5 — Ольгин Крест (667); 6 — Куричок (673); 7 — Подосье (678).

Таблица XXIII. Подвески VI группы.

Тип XX: 1, 2, 4 — Елкотово (761—763); 3 — Шеляиха (767); 5 — Палашкино (791); 6 — бывш. Тихвинский уезд (744); 7 — Старое Борисово (804); 8 — место находки неизвестно (798).

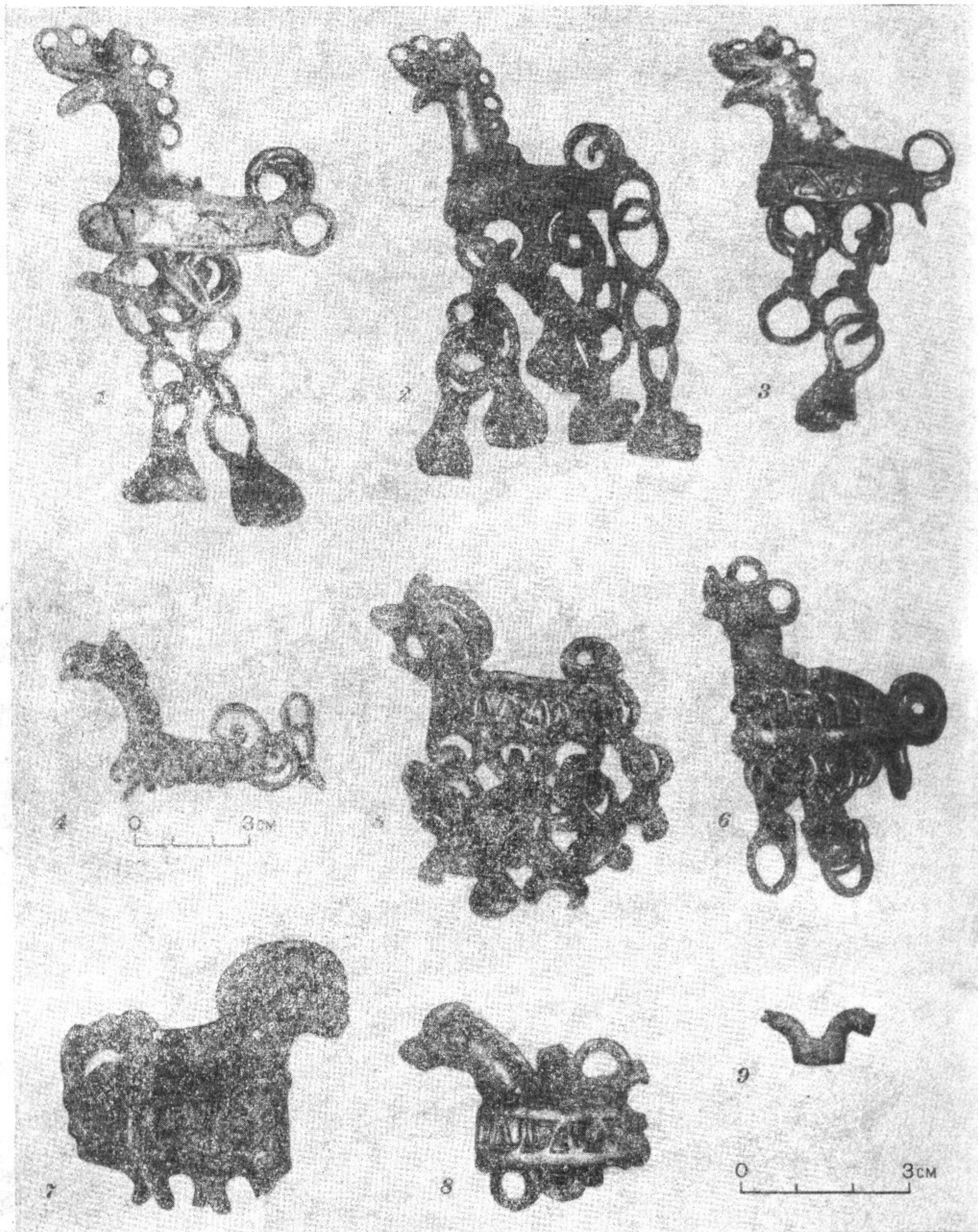

Таблица XXIV. Подвески VI и VII групп.

Группа VI, тип XX: 1 — Кюремаэ-Пюхтицы (Эстония); 2 — Новгород (718); 3 — Иордания (765); 4 — Васильевское (785); 5 — Никульцева (768). Несерийные: 6 — Есицлево (815); 7 — Сторожева (814); 8 — Булавино (807). Группа VII: 9 — Еровиково (831).

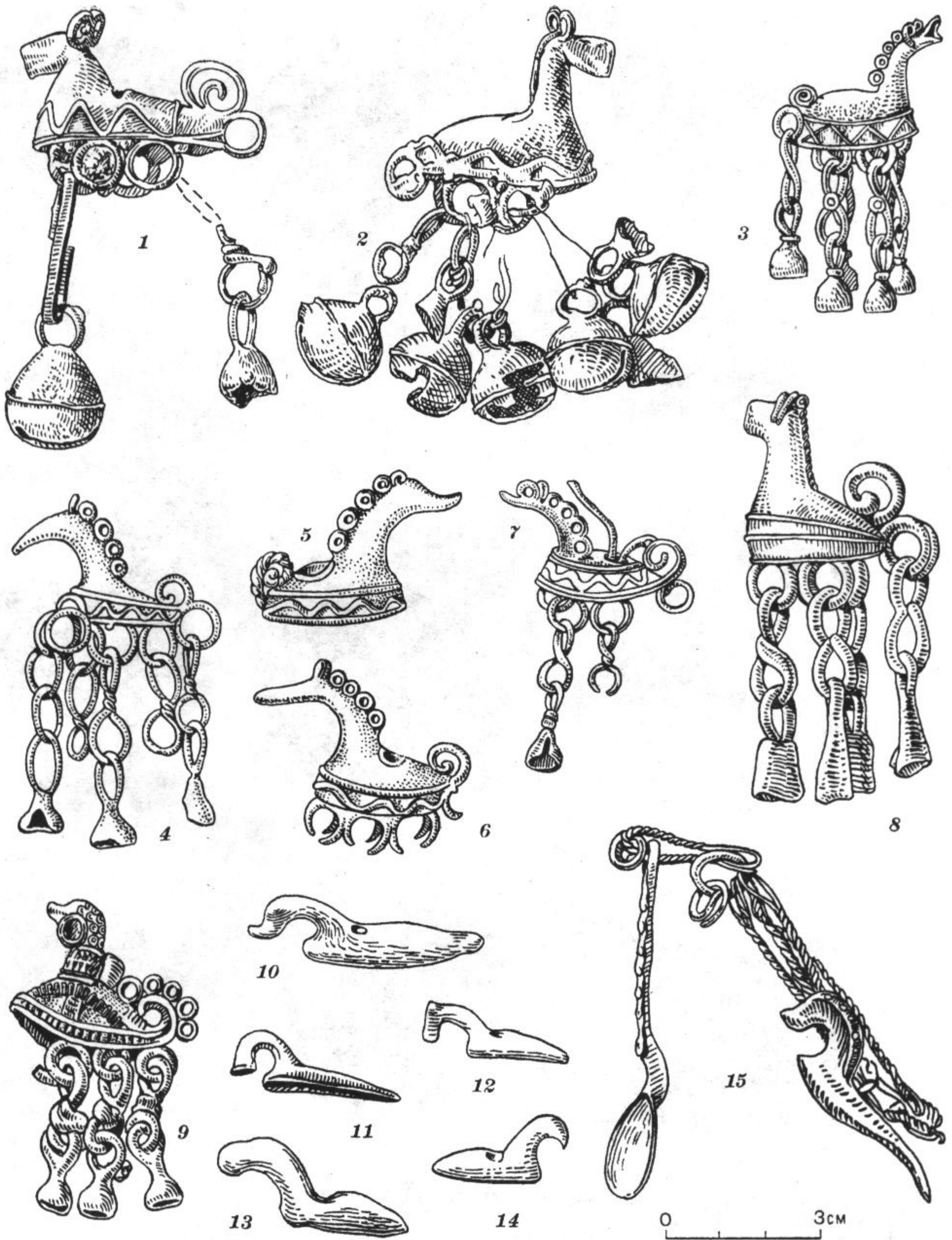

Таблица XXV. Подвески VI и VII групп.

Группа VI, тип XX: 1 — Тресковицы (652); 2 — Ново-Сиверская (662); 3 — Бегуницы (651); 4 — Добрый Бор (786), 5, 6 — Успенское (792, 793); 7 — Мякинина (794). Несерийные: 8 — Старо-Сиверская (806); 9 — Кубасова (816). Группа VII: 10—13 — Вязовичи (820—823); 14 — Новгород (817); 15 — Колчино (818).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Источники, приемы, методы обработки и исследования материала	8
Глава 2. Типология, хронология и топография находок	12
Группа I. Пластинчатые изображения одноглавых птиц	12
Группа II. Пластинчатые изображения двуглавых птиц и животных	19
Группа III. Пластинчатые изображения одноглавых животных	23
Группа IV. Рельефные амулеты с петлей для вертикального подвешивания	32
Группа V. Наборные (плетеные) подвески	32
Группа VI. Полые зооморфные подвески	35
Группа VII. Изделия из кости и их металлические подражания	43
Синхронизация древностей	45
Глава 3. Зооморфные украшения как исторический источник	47
Глава 4. Семантика зооморфных изображений	54
Каталог находок	62
Литература	89
Архивные материалы	93
Список памятников, перечисленных в Каталоге находок	95
Список сокращений	97
Таблицы I—XXV	98

Евгений Александрович Рябинин

**ЗООМОРФНЫЕ УКРАШЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ
X—XIV вв.**

*Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Т. Бочвер*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. И. Журавлева* и *Е. В. Шестакова*

ИБ № 20045

Сдано в набор 20.04.81. Подписано к печати 31.07.81.
М-18949. Формат 60×90^{1/8}. Бумага типографская № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 15^{1/2} =
=15.5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18.63. Тираж 3550. Изд. № 7732.
Тип. зак. 304. Цена 1 р. 90 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12